

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Соболев Владимир Андреевич

**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Ф.М. БУРЛАЦКОГО (1927–2014)**

23.00.01 — Теория и философия политики,
история и методология политической науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук,
профессор А.А. Шириняц

Москва — 2018

Содержание

Введение	3
Глава I. Методология политических исследований.....	24
§1. Политика и власть	24
§2. Политическая система, режимы и партии	41
§3. Международные отношения.....	53
Выводы главы.....	73
Глава II. Теория политической науки.....	77
§1. Политическая культура	77
§2. Политическое сознание и поведение	90
§3. Элита, политическое лидерство и эксперты	110
Выводы главы.....	127
Глава III. Политическая практика	129
§1. Социально-политические преобразования в Китае	129
§2. Становление прав и свобод человека в России	142
§3. Перестройка в СССР.....	154
Выводы главы.....	161
Заключение	164
Литература	170

Введение¹

Актуальность темы исследования. Традиционно научное сообщество начинает понимать и оценивать масштаб ученого только тогда, когда проходит довольно много времени после публикации его трудов. Однако были и те, чей вклад в науку был виден уже при жизни. К числу таких людей можно отнести и *Федора Михайловича Бурлацкого* (1927–2014)².

Ф.М. Бурлацкий — пример того, как в одном человеке совмещались несколько ролей: ученого, чей вклад в политическую теорию еще предстоит оценить; советника, работавшего рядом с несколькими главами Советского Союза и влиявшего на принятие ими важнейших для страны решений; политика, внесшего немалый вклад в работу Верховного Совета СССР; главного редактора «Литературной газеты» в тот период (1990–1991), когда она владела умами широкой общественности; писателя, создавшего пьесы, которые собирали аншлаги в московских театрах в годы перестройки (1985–1991); блестящего оратора, способного часами удерживать интерес аудитории. Трудно

¹ При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Соболев В.А.* Актуальность идейно-политического наследия Ф.М. Бурлацкого // Материалы XXIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2016». Политические науки. — М.: Макс Пресс, 2016. — URL: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3500/report/uid40722_report.pdf?1535307438; *Соболев В.А.* Значение идейно-политического наследия Ф.М. Бурлацкого для российской политологии // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, историкоисследования, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2016» / [гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов]. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — С. 505–507; *Соболев В.А.* Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. — 2018. — № 1 (6). — С. 152–158; *Соболев В.А.* Роль Ф.М. Бурлацкого в формировании дискурса политической науки в СССР // SCHOLA-2016: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.А. Горохов, А.В. Мырикова. — М.: Издательство Московского университета, 2016. — С. 83–87; *Соболев В.А., Ширинянец А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. — 2016. — № 5. — С. 25–42.

² Федор Михайлович Бурлацкий родился в Киеве 4 января 1927 г. Окончил Ташкентский юридический институт (1945–1947), аспирантуру Института государства и права АН СССР (1950–1951), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Политические взгляды Н.А. Добролюбова» (1951). В 1952–1953 гг. работал в Президиуме АН СССР, в 1953–1960 гг. — в журнале «Коммунист». В 1960-х гг. входил в группу консультантов при Отделе ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран под руководством Ю.В. Андропова. В 1964 г. успешно защитил диссертацию «Государство и коммунизм», стал доктором философских наук. Работал политическим обозревателем газеты «Правда» (1965–1967), старшим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (1968–1969), заместителем директора Института конкретных социальных исследований АН СССР (1969–1971), заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии Института общественных наук при ЦК КПСС (1971–1989), политическим обозревателем (с 1982), главным редактором «Литературной газеты» (1990–1991). В конце 1980-х гг. Ф.М. Бурлацкий вернулся в политику, был избран в Верховный Совет СССР и возглавил подкомитет по международным делам (1989–1990). Как приглашенный профессор читал лекции в Колумбийском (1988), Гарвардском (1992), Оксфордском (1993) университетах. Последние годы жизни Ф.М. Бурлацкий служил профессором факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (с 2011). Умер 26 февраля 2014 г. в Москве.

утверждать, какая из ролей для Ф.М. Бурлацкого являлась самой любимой, но важно то, что в каждой из них он демонстрировал образец профессионализма.

Ф.М. Бурлацкий «вполне и по заслугам может быть назван основоположником советской политической науки»³. Именно он в 1965 г. первый в советское время публично заявил о необходимости восстановить в правах политологию как научную и учебную дисциплину, и вплоть до официальной ее легализации в 1989 г. отстаивал особый предметный статус политологии, прилагая много усилий, чтобы политическая наука «не затерялась» в господствовавших в советский период дисциплинах.

Несмотря на жесткие идеологические рамки того времени, в работах Ф.М. Бурлацкого на первый план выносились реальные и животрепещущие проблемы. Писал ли он об отказе от диктатуры пролетариата и массовых репрессий или о президенте и разделении властей, о конституционной реформе, о президентской республике, — читателя и сегодня привлекает в его работах отсутствие шаблонов и стереотипов, самостоятельность трактовок. Научный язык Ф.М. Бурлацкого подчас специфичен, для него характерны иносказательные приемы, ведь он писал на темы, которые находились на острие политической жизни и требовали новаторского к ним отношения, а любое новаторство в общественном сознании тогда расценивалось как инакомыслие и жестко преследовалось. Использование же эзопова языка в некоторой степени ограждало от цензуры и цензоров, позволяло донести свои идеи до читателей.

Систематизация, обобщение и анализ идейно-политического наследия Ф.М. Бурлацкого, определение его вклада в становление и развитие политической науки актуальны и необходимы не только в историко-политологическом отношении, но и в теоретическом, и в практическом плане.

Характеристика источников и степень разработанности проблемы. В основу исследования легло обширное идейно-политическое наследие Ф.М. Бурлацкого: публицистика, научные, автобиографические и мемуарные рабо-

³ Бовин А.Е. XX век как жизнь: Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — С. 115.

ты⁴, а также впервые вводимые в научный оборот документы из переданного факультету политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова личного архива Ф.М. Бурлацкого⁵. Другую группу источников составляют работы современников Ф.М. Бурлацкого, а именно публикации Г.А. Арбатова, А.Е. Бовина, А.П. Бутенко, А.А. Галкина, Г.Г. Дилигенского, Г.Х. Шахназарова и др.⁶

Что касается историографии, то идейно-политическое наследие Ф.М. Бурлацкого до настоящего момента еще не подвергалось комплексному анализу и систематизации. Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием ка-

⁴ *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... — М.: Политиздат, 1990. — 383 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Государство и коммунизм. — М.: Соцэкгиз, 1963. — 247 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Женева: вчера, сегодня, завтра: (Встреча М.С. Горбачева и Р. Рейгана 19-21 ноября 1985 г.). — М.: Мысль, 1986. — 159 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 255 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Ленин. Государство. Политика. — М.: Наука, 1970. — 522 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун. — М.: Рипол Классик, 2003. — 254 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун и его наследники. — М.: Международные отношения, 1979. — 400 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин. — М.: Собрание, 2008. — 231 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун: «Наш коронный номер — это война, диктатура». — М.: Международные отношения, 1976. — 392 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Маоизм или марксизм? — М.: Политиздат, 1967. — 128 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Маоизм — угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — 176 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Никита Хрущев. — М.: Рипол Классик, 2003. — 349 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Никита Хрущев и его советники — красные, черные, белые. — М.: Собрание, 2008. — 285 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Никколо Макиавелли: Советник государя. — М.: Собрание, 2008. — 334 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. — М.: Политиздат, 1989. — 431 с.; *Бурлацкий Ф.М.* О политической науке: Избранные произведения. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — 328 с.; *Бурлацкий Ф.М.* О социально-экономической и политической системе КНР // Вопросы философии. — 1980. — № 2. — С. 112–125; *Бурлацкий Ф.М.* От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 5. — С. 15–27; *Бурлацкий Ф.М.* Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. / Ф.М. Бурлацкий. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. I. — 584 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. / Ф.М. Бурлацкий. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. II. — 300 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Проблемы прав человека в СССР и России. (1970-80-е и начало 90-х годов). — М.: Научная книга, 1999. — 279 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — 319 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Русские государи: Эпоха реформации. Никита Смелый. Михаил Блаженный. Борис Крутой. — М.: Фирма «ШАРК», 1996. — 510 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Юрий Андропов и аристократы духа. — М.: Собрание, 2009. — 286 с.; *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — 384 с.; *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — 324 с.; *Бурлацкий Ф.М., Мушинский В.О.* Народ и власть: Научно-популярный очерк политической системы социализма. — М.: Политиздат, 1986. — 254 с.

⁵ *Бурлацкий Ф.М.* Записка Председателю КГБ Ю.В. Андропову // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1–7; *Бурлацкий Ф.М.* Записка Секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 1–4; *Бурлацкий Ф.М.* Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 1–9.

⁶ *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985): Свидетельство современника. — М.: Международные отношения, 1991. — 398 с.; *Бовин А.Е.* XX век как жизнь: Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — 773 с.; *Бутенко А.П.* Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2000. — 378 с.; *Галкин А.А.* Академическая политология (1960–1980). А.А. Галкин. Интервью С.В. Патрушеву 17 июля 2000 г. // Политическая наука. — 2001. — № 1. — С. 22–37; *Галкин А.А.* У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. — 2010. — № 3–4. — С. 257–269; *Дилигенский Г.Г.* Академическая политология (1960–1980). Г.Г. Дилигенский. Интервью С.В. Патрушеву 10 июля 2000 г. // Политическая наука. — 2001. — № 1. — С. 38–48; *Шахназаров Г.Х.* С вождями и без них. — М.: Вагриус, 2001. — 590 с.

кой-то одной работы, в которой бы он подробно и последовательно излагал свои политические идеи, взгляды и предложения, с другой — многогранностью самой личности Ф.М. Бурлацкого.

Большинство исследователей истории политологии в России признают Ф.М. Бурлацкого одним из основоположников современной российской политической науки⁷. Однако пока вклад Ф.М. Бурлацкого в эту науку не изучен, он только упоминается в историографических исследованиях, касающихся отдельных тематических направлений политологии⁸; в отечественных и зарубежных работах, посвященных становлению и развитию политической науки в России⁹; в интервью и мемуарах его сподвижников и коллег¹⁰. Кроме того, нуж-

⁷ *Воробьев Д.М.* Развитие политологического сообщества в постсоветской России // *Полис. Политические исследования.* — 2004. — № 6. — С. 151–161; *Гуторов В.А.* Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // *Полис. Политические исследования.* — 2015. — № 1. — С. 9–29; *Ильин М.В.* Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // *Полис. Политические исследования.* — 1999. — № 6. — С. 135–143; *Ильин М.В., Малинова О.Ю., Мелешкина Е.Ю.* Развитие политической науки в современной России // *Политическая наука.* — 2004. — № 2. — С. 179–232; *Карягин М.Е., Сунгуров А.Ю.* Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу // *Полис. Политические исследования.* — 2016. — № 2. — С. 8–20; *Коваленко В.И.* Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2009. — № 1. — С. 4–9; *Мелешкина Е.Ю.* Политология в российских регионах: шаги на пути саморефлексии // *Политическая наука.* — 2001. — № 3. — С. 4–14; *Патрушев С.В.* К вопросу об адресате знаний о политике // *Полис. Политические исследования.* — 2016. — № 5. — С. 152–159; *Пивоваров Ю.С.* Российская политология: между традицией и зарубежной политической наукой // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2014. — № 5. — С. 22–27; *Пляйс Я.А.* В начале нового этапа развития политической науки в России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2007. — Т. 3. — № 2. — С. 32–48; *Пляйс Я.А.* Новый этап в развитии политической науки в России // *Полис. Политические исследования.* — 2007. — № 3. — С. 155–164; *Пляйс Я.А.* О состоянии и особенностях современного этапа развития политической науки в России // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2007. — № 5. — С. 3–18; *Пляйс Я.А.* Отечественная политология на рубеже XX и XXI вв. // *Полис. Политические исследования.* — 2002. — № 2. — С. 175–179; *Пляйс Я.А.* Политическая наука современной России // *Политическая наука.* — 2001. — № 1. — С. 68–88; *Пляйс Я.А.* Политология в контексте переходной эпохи в России. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 446 с.; *Пляйс Я.А.* Современное политологическое пространство России: состояние и проблемы // *Вестник Поволжского института управления.* — 2015. — № 6. — С. 6–10; *Пляйс Я.А.* Творческий потенциал российского политологического сообщества. Основные направления исследований // *Полис. Политические исследования.* — 1999. — № 6. — С. 144–163; *Сморгунов Л.В.* Региональные политологические сообщества в советское время // *Политическая наука.* — 2015. — № 3. — С. 125–137; *Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // *Полис. Политические исследования.* — 1998. — № 4. — С. 5–20; *Шестопал Е.Б.* Трансформация политологического сообщества в постсоветской России // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.* — 1999. — № 1. — С. 23–39.

⁸ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука.* — 2016. — № 2. — С. 38–73; *Гаман-Голутвина О.В.* Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2005. — № 2. — С. 39–49; *Дука А.В.* Политическая культура – поиски теоретических оснований // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2006. — Т. 2. — № 1. — С. 7–30.

⁹ *Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы научного семинара / Т.А. Алексеева, Ф.М. Бурлацкий, Д.М. Воробьев и др.* // *Полис. Политические исследования.* — 2006. — № 1. — С. 141–156; *Баталов Э.Я.* Восхождение к политической науке // *Общественные науки и современность.* — 2005. — № 3. — С. 34–47; *Воробьев Д.М.* Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // *Полис. Политические исследования.* — 2004. — № 4. — С. 169–178; *Галкин А.А.* У истоков возрождения политической

но особо выделить публикации об институционализации и генезисе Российской ассоциации политической науки¹¹, и заметку Е.Б. Шестопаля и А.Ю. Шутова, опубликованную в связи с уходом из жизни Ф.М. Бурлацкого¹².

Диссертационных исследований, в которых затрагивается идейно-политическое наследие Ф.М. Бурлацкого, на сегодняшний день не существует. Тем не менее, в данном контексте можно отметить работы Д.М. Воробьева и Я.А. Пляйса, в которых рассматривается тема становления политической науки в СССР¹³.

Необходимость и актуальность обращения к идейно-политическому наследию Ф.М. Бурлацкого, а также то, что оно практически не исследовано в современной историко-политологической науке, обусловили выбор объекта и предмета, постановку цели и задач диссертационного исследования.

Объект исследования. Творчество Ф.М. Бурлацкого, представленное совокупностью его публицистических, научных, автобиографических и мему-

науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* — 2010. — № 3–4. — С. 257–269; *Ильин М.В.* Отечественная политология: осмысление традиции // *Политическая наука.* — 2001. — № 1. — С. 5–21; *Ирхин Ю.В.* Российская политология: четверть века или 255 лет? // *Социально-гуманитарные знания.* — 2011. — № 2. — С. 34–50; *Ирхин Ю.В.* Российская политология: этапы генезиса и особенности институализации // *Среднерусский вестник общественных наук.* — 2011. — № 1. — С. 94–102; *Капто А.С.* К вопросу об институализации политической науки // *Социально-гуманитарные знания.* — 2018. — № 2. — С. 67–77; *Пивоваров Ю.С.* Политическая наука в системе информации // *Политическая наука.* — 2001. — № 1. — С. 49–53; *Пляйс Я.А.* О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2005. — № 1. — С. 9–32; *Пляйс Я.А.* Политическая наука в России: прошлое и настоящее // *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки.* — 2007. — № 1. — С. 5–17; *Brown A.H.* Soviet politics and political science. London, Macmillan, 1974. 128 p.; *Hill R.J.* Soviet politics, political science and reform. New-York, M.E. Sharpe, 1980. 221 p.

¹⁰ *Галкин А.А.* Академическая политология (1960–1980). А.А. Галкин. Интервью С.В. Патрушеву 17 июля 2000 г. // *Политическая наука.* — 2001. — № 1. — С. 22–37; *Примаков Е.М.* Минное поле политики. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 360 с.

¹¹ *Ирхин Ю.В.* Международная ассоциация политической науки: институализация, генезис, концептуальные подходы и практики. — М.: Реал Принт, 2017. — 237 с.; *Ирхин Ю.В.* Международная ассоциация политической науки и российские политологи: 60 лет взаимодействия // *Среднерусский вестник общественных наук.* — 2015. — Т. 10. — № 6. — С. 80–88; *Ирхин Ю.В.* Роль московского конгресса в генезисе Международной ассоциации политической науки: экспертный анализ // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК.* — 2016. — Т. 12. — № 1. — С. 199–217; *Ирхин Ю.В.* Российский вектор в генезисе Международной ассоциации политической науки (к 35-летию Всемирного конгресса политологов в Москве) // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2016. — № 1. — С. 87–101; *История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой.* — М.: Аспект Пресс, 2015. — 360 с.; *Патрушев С.В.* Российская ассоциация политической науки: формирование и консолидация политологического сообщества // *Россия и современный мир.* — 2004. — № 1. — С. 217–221.

¹² *Шестопаля Е.Б., Шутова А.Ю.* Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2014. — № 3. — С. 124–127.

¹³ *Воробьев Д.М.* Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества во второй половине XX века: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: М., 2008; *Пляйс Я.А.* Политическая наука в современной России в контексте системной трансформации общества и государства: Дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01: М., 2009.

арных работ, посвященных проблемам социального и политического развития России во второй половине XX века.

Предмет исследования. Политические идеи и предложения Ф.М. Бурлацкого, образующие оригинальный политико-идеологический континуум, состоящий из оценок конкретных исторических и политических событий, его суждений о тех или иных политических феноменах и отношения к современным ему политическим и общественным реалиям.

Цель исследования. Обобщение и анализ идейно-политического наследия Ф.М. Бурлацкого с точки зрения определения основных тем его научных исследований и направлений политической деятельности, соотнесения их с общим вектором развития российской политической науки и практики.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

– Охарактеризовать разработку Ф.М. Бурлацким методологии политической науки и новых аналитических подходов в целом, а также его трактовок:

- 1) категорий «политика» и «власть»;
- 2) понятий «политическая система», «политический режим», «партийная система» и «политическая партия»;
- 3) феномена международных отношений.

– Рассмотреть основные тематические направления теоретического наследия Ф.М. Бурлацкого:

- 4) концепт «политическая культура»;
- 5) категории «политическое сознание» и «политическое поведение»;
- 6) феномены политической элиты, политического лидерства и экспертов.

– Раскрыть суть и достижения деятельности Ф.М. Бурлацкого, направленной на:

- 7) актуализацию опыта социально-политических преобразований в Китае в период с 1949 по 1982 г.;
- 8) становление прав и свобод человека в России;

9) реформирование социально-политического устройства СССР в период перестройки (1985–1991 гг.).

Хронологические рамки исследования. Рассмотренные в исследовании тексты созданы во второй половине XX – начале XXI вв. Хронологические рамки исследования определяются 1951–2013 гг. — периодом активного творчества Ф.М. Бурлацкого.

Теоретико-методологические основы исследования. Теоретическую основу диссертационной работы составляют разработки отечественных исследователей истории политической науки России, в частности, О.В. Гаман-Голутвиной, В.А. Гуторова, М.В. Ильина, Ю.В. Ирхина, В.И. Коваленко, О.Ю. Малиновой, С.В. Патрушева, Ю.С. Пивоварова, Я.А. Пляйса, А.И. Соловьева, Е.Б. Шестопал, А.А. Ширинянца, А.Ю. Шутова и др. Исследование идейно-политического наследия Ф.М. Бурлацкого и его специфики опирается на положения и выводы, содержащиеся в работах — Г.А. Арбатова, А.Е. Бовина, А.П. Бутенко, А.А. Галкина, Г.Г. Дилигенского, Г.Х. Шахназарова.

Методологические основы исследования представлены общенаучными методами анализа и синтеза, дедукции и индукции, классификации и аналогии. Исследование выполнено на основе историко-политологического подхода, сочетающего приемы и средства исторического анализа, политической компаративистики, историко-философской реконструкции, политико-текстологического анализа и использования элементов герменевтики. Также в диссертации применялись системный и биографический методы и метод анализа документов.

Научная новизна исследования обуславливается тем, что в диссертации впервые в современной российской политической науке предпринята попытка обобщения и комплексного анализа идейно-политического наследия Ф.М. Бурлацкого, в результате которого аргументировано предположение о том, что творчество Ф.М. Бурлацкого, ставшее отражением сложившейся социально-политической ситуации в СССР во второй половине XX века, существенно повлияло на восстановление в правах политологии в нашей стране, на

развитие методологии и теории политической науки, становление и развитие прав и свобод человека, а также идейное обоснование перестройки.

- В работе отмечено, что Ф.М. Бурлацкий, признавая важную роль политологии, усматривал основную задачу политической науки в изучении механизма руководства обществом в динамике, в выяснении того, как общество функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития. Изучение политических явлений, как считал Ф.М. Бурлацкий, должно опираться на: 1) методологию диалектического и исторического материализма; 2) теорию политики среднего уровня (методика); 3) совокупность конкретно-социологических процедур. В связи с этим, он предлагал использовать следующие методы анализа политических явлений: дифференцированный анализ социальных общностей, их роли в политической жизни; структурно-функциональный анализ политических институтов; системный анализ больших и малых политических структур; комплексный анализ политического управления и руководства обществом; коммуникационный анализ взаимодействий элементов политического процесса; анализ соотношения сил как фактора формирования политических отношений, особенно в международных отношениях; анализ политической динамики; сравнительный метод сопоставления близких или противоположных политических систем; методы политического планирования и прогнозирования. В свою очередь, изучение конкретных политических явлений, по Ф.М. Бурлацкому, предполагает: во-первых, объяснение экономических интересов, которыми они, в конечном счете, определяются и, во-вторых, уяснение всей системы социальных факторов и противоречий, через которые пробивают себе дорогу экономические интересы. Анализируя политику, Ф.М. Бурлацкий предлагает находить те конкретные факторы, которые определяют появление и жизнедеятельность тех или иных политических институтов, осуществление того или иного курса в политике. Все это позволяет сделать вывод о существенном вкладе Ф.М. Бурлацкого в методологию политической науки того времени.

- Как показано в исследовании, весом вклад Ф.М. Бурлацкого и в теорию политической науки, его трактовки категорий «политика» и «власть», понятий «политическая система», «политический режим», «партийная система» и «политическая партия», феномена международных отношений не потеряли своего значения и в наши дни. Так, по мысли Ф.М. Бурлацкого, для понимания содержания *политики*, существенны следующие признаки *власти*: а) взаимосвязь с политической системой и б) право и способность к принятию обязательных для всего общества решений по распределению ценностей между различными общностями и индивидами. Это позволяет учитывать как институциональный, так и функциональный подходы к изучению политического процесса. Для Ф.М. Бурлацкого, власть — реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям. *Политическая власть* — характеризуется реальной способностью данного класса, группы, а также отражающих их интересы индивидов проводить свою волю посредством политики и правовых норм. Политическая деятельность осуществляется не только в рамках государства, но и с помощью других институтов социально-политической системы: партий, профсоюзов, международных организаций. *Политическую систему* Ф.М. Бурлацкий определяет в качестве одной из подсистем общества наряду с экономической и духовной. К ее функциям он относил: 1) определение целей и задач общества; 2) мобилизацию ресурсов на их выполнение; 3) интеграцию элементов общества; 4) легитимизацию. В *структуре политической системы* Ф.М. Бурлацкий выделял четыре элемента, различающиеся выполняемыми ролями и функциями: а) политические организации, б) политические нормы, в) политические отношения и д) политическое сознание. Определяя тот или иной *политический режим*, Ф.М. Бурлацкий предложил прежде всего искать ответы на следующие вопросы: какие группы находятся у руководства государством; каким методам управления отдается предпочтение — прямым, насильственным или косвенным, демократическим; какие партии или партийные коалиции выступают как руководящая сила; допускается ли и в каких пределах дея-

тельность социальных институтов; каково положение личности в государстве? Характеризуя *партии и их типологию*, Ф.М. Бурлацкий выдвинул такие основные критерии: социальная сущность и определяемые ею политические цели и идеология, характер массовой базы и социальных связей, место и роль в политической системе, структура, внутренний режим и методы деятельности. Исходя из этих критериев, по Ф.М. Бурлацкому, политические партии можно разделить: с точки зрения социальной сущности — на буржуазные, мелкобуржуазные, пролетарские, полупролетарские; с точки зрения политических целей и идеологии — на праворадикалистские, консервативные, буржуазно-либеральные, буржуазно-реформистские, социал-демократические, лево-социалистические, коммунистические; с точки зрения внутренней структуры — на военизированные, автократические, демократические; с точки зрения выполняемых функций и места в политической системе — на властвующие, правящие и оппозиционные. В целом, те или иные сложившиеся *партийные системы*, по Ф.М. Бурлацкому, определяются не только классовым составом населения страны, но и историческими традициями, политической культурой масс, национальным составом населения, его религиозными представлениями.

- В диссертации обосновано положение и о том, что Ф.М. Бурлацкий развивал советскую теорию международных отношений (ТМО). Он настаивал на том, что политическая наука позволит внести значительный вклад в разработку ТМО, так как исследование данных проблем, разработка категорий и понятий на уровне политической теории способствуют обобщению обширных эмпирических данных, которые накапливают различные науки и дисциплины, изучающие международные отношения, более детальному анализу и прогнозированию тенденций в мировой политике. К основе ТМО Ф.М. Бурлацкий относил: понятие системы международных отношений и ее генезиса; экономические, социальные, культурные факторы и закономерности развития международных отношений; роль национальных интересов в формировании мировой политики и международного права; равновесие сил и мирное сосуществование государств с различным социальным строем; интернационализация, ин-

теграция и проблема суверенитета; национализм и его влияние на международное развитие; проблемы и перспективы ограничения гонки вооружений; методы разрешения конфликтов и профилактика проблемных ситуаций; глобальные проблемы современности.

- В диссертационной работе указано на то, что Ф.М. Бурлацкий одним из первых в советском обществознании исследовал политическую культуру в качестве компонента политической системы общества и, так как она формирует политическое поведение и основывается на социально-политическом опыте общества, отнес ее к социально-психологическим явлениям. Ф.М. Бурлацкий сформулировал базовую типологическую модель политических культур, основанную на разделении общества по уровню социального развития и выделил следующие ее типы: а) архаическая политическая культура; б) элитарная политическая культура; в) представительская политическая культура и г) политическая культура высокой гражданственности (коммунистическая). Обосновано положение о том, что Ф.М. Бурлацкий разработал оригинальный подход к феноменам элиты и политического лидерства, который расходится с доминирующими сегодня в мировой политической науке трактовками, выводящими ценностные и нравственные вопросы за рамки политологического анализа. Ф.М. Бурлацкий исследовал политическую роль советников, консультантов, экспертов и их участие в принятии государственных и политических решений, а также, основываясь на своем личном опыте, выделил следующие типы политических советников: 1) «советник-мыслитель», 2) «советник-пророк»; 3) «советник-политикан».

- В диссертационном исследовании проведен анализ идей и предложений Ф.М. Бурлацкого относительно социально-политических преобразований в Китае. Показано, что он разработал ряд принципиальных и конкретных предложений по выстраиванию взаимоотношений между СССР и КНР, касающихся необходимости: отразить в материалах XXV съезда не только в основных докладах, но и в выступлениях делегатов, в особенности представителей компартий, новые оценки нынешней политики КПК и КНР, которая в современных

условиях все более становится одним из центров экстремизма и социально-политической реакции; подчеркнуть готовность СССР строить свои отношения с КНР на принципах мирного сосуществования, необходимость вовлечения этой страны в систему международных обязательств в целях предотвращения ее экстремистских действий в любых направлениях; обратиться с закрытым письмом после съезда ко всем членам КПСС и советскому активу, в котором изложить всю остроту и сложность китайской проблемы, призвать реагировать на высказывания маоистских идей с такой же остротой и непримиримостью, как и на проникновение идеологии правооппортунистических элементов Чехословакии и Югославии; в открытой печати усилить критику, направленную лично против Мао Цзэдуна и приближенных к нему лиц, оказывать осторожную поддержку умеренным в КПК, рассеивать в то же время иллюзии относительно периода «после Мао», подчеркивая идеологическую, политическую и военную угрозу КПК и КНР; разработать по китайскому вопросу долгосрочную программу, рассчитанную на длительную перспективу и учитывающую возможные варианты расстановки сил в будущем.

- В диссертационной работе обобщен большой вклад Ф.М. Бурлацкого в становление и развитие прав и свобод человека в СССР: охарактеризована его работа по созданию Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество, а также участие в подготовке и принятии документов, гарантирующих права и свободы человека в Советском Союзе (законы о свободе передвижения, о свободе средств массовой информации и о свободе совести и религиозных организациях, а также «Декларация прав и свобод человека»). В диссертации определены роль и место Ф.М. Бурлацкого в идейном обосновании политики перестройки в СССР (1985–1991 гг.), дан анализ его предложений о необходимости ввести должности президента и всенародного его избрания; сформировать двухпалатный парламент; провести реформы государственного аппарата; обеспечить реальные гарантии гражданских и политических прав и свобод человека; внести в Конституцию принцип голосования о доверии пра-

вительству; ввести процедуру импичмента президента; закрепить за гражданами право — они есть источник власти в государстве; создать президентский совет для обеспечения перехода к президентской системе правления; создать суд присяжных; сформировать специализированные суды; расширить судебную систему, т.е. увеличить количество судов; обеспечить гарантии независимости суда от других ветвей власти. В работе выявлены характерные черты деятельности Ф.М. Бурлацкого, связанной с разработкой долгосрочной программы развития гуманитарного сотрудничества на мировой арене, обмена информацией, людьми, идеями в интересах усиления идеологического влияния СССР, системы мероприятий по развитию культурно-информационной интеграции в рамках мирового социалистического содружества; упрощением процедуры оформления выездов советских людей в капиталистические и развивающиеся страны; укреплением юридических гарантий защиты прав человека в СССР; использованием празднования тысячелетия крещения Руси (1988 г.) в интересах укрепления доверия между Востоком и Западом, развития сотрудничества в гуманитарной сфере.

- В диссертационном исследовании в научный оборот введен ряд документов из личного архива Ф.М. Бурлацкого, посвященных становлению политической науки в СССР, развитию гуманитарного сотрудничества Советского Союза на мировой арене, укреплению прав и свобод человека в СССР и взаимоотношениям Советского Союза и Китая¹⁴.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Ф.М. Бурлацкого, ставшее отражением сложившейся социально-политической ситуации в Советском Союзе во второй половине XX века, существенно повлияло на восстановление в правах политологии в СССР и на развитие методологии и теории политической науки. Основную задачу политической науки Ф.М. Бурлацкий видит в изучении механизма руковод-

¹⁴ *Бурлацкий Ф.М.* Записка Председателю КГБ Ю.В. Андропову // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1–7; *Бурлацкий Ф.М.* Записка Секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 1–4; *Бурлацкий Ф.М.* Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 1–9.

ства обществом в динамике: того, как оно функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития. По мнению Ф.М. Бурлацкого изучение политических явлений опирается на: 1) методологию диалектического и исторического материализма; 2) теорию политики среднего уровня (методика) и 3) совокупность конкретно-социологических процедур.

Ф.М. Бурлацкий предлагает использовать следующие методы анализа политических явлений:

- дифференцированный анализ социальных общностей, их роли в политической жизни;
- структурно-функциональный анализ политических институтов;
- системный анализ больших и малых политических структур;
- комплексный анализ политического управления и руководства обществом;
- коммуникационный анализ взаимодействий элементов политического процесса;
- анализ соотношения сил как фактора формирования политических отношений, особенно в международных отношениях;
- анализ политической динамики;
- сравнительный метод сопоставления близких или противоположных политических систем;
- методы политического планирования и прогнозирования.

2. Ф.М. Бурлацкий разработал оригинальные трактовки и предлагал системно анализировать основные элементы, ключевые характеристики, отличительные черты, а также институциональные и функциональные аспекты категорий «политика» и «власть»; феноменов политической системы, политических режимов, партийных систем и самих партий.

Изучение конкретных политических явлений, по мнению Ф.М. Бурлацкого, предполагает: во-первых, объяснение экономических интересов, которыми они, в конечном счете, обуславливаются, и, во-вторых, уяснение всей системы социальных факторов и противоречий, через которые пробивают себе дорогу

экономические интересы. Анализируя политику, Ф.М. Бурлацкий предлагает находить те конкретные факторы, которые определяют появление и жизнедеятельность тех или иных политических институтов, осуществление того или иного курса в политике.

Для понимания содержания политики, по мнению Ф.М. Бурлацкого, существенны следующие признаки власти: а) взаимосвязь с политической системой и б) право и способность к принятию обязательных для всего общества решений по распределению ценностей между различными общностями и индивидами. Это позволяет учитывать как институциональный, так и функциональный подходы к изучению политического процесса.

С точки зрения Ф.М. Бурлацкого, власть — реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям. Политическая власть — характеризуется реальной способностью данного класса, группы, а также отражающих их интересы индивидов проводить свою волю посредством политики и правовых норм. Политическая деятельность осуществляется не только в рамках государства, но и с помощью других институтов социально-политической системы: партий, профсоюзов, международных организаций.

Политическую систему Ф.М. Бурлацкий определяет в качестве одной из подсистем общества наряду с экономической и духовной. К функциям политической системы Ф.М. Бурлацкий относит: 1) определение целей и задач общества; 2) мобилизация ресурсов; 3) интеграция элементов общества и 4) легитимизация. Главную функцию политической системы составляет: определение целей и задач общества, а также мобилизация ресурсов на их выполнение. Также Ф.М. Бурлацкий выделил четыре составляющие политической системы в зависимости от их роли и выполняемой функции: а) политические организации, б) политические нормы, в) политические отношения и д) политическое сознание.

Определение политического режима, по мнению Ф.М. Бурлацкого, возможно при ответе на следующие вопросы: какие группы находятся у руковод-

ства государством; каким методам управления отдается предпочтение — прямым, насильственным или косвенным, демократическим; какие партии или партийные коалиции выступают как руководящая сила; допускается ли и в каких пределах деятельность социальных институтов; каково положение личности в государстве.

Для Ф.М. Бурлацкого основными критериями для характеристики партий и составления их типологии являются: социальная сущность и определяемые ею политические цели и идеологии, характер массовой базы и социальных связей, место и роль в политической системе, структура, внутренний режим и методы деятельности. Политические партии, по мнению Ф.М. Бурлацкого, можно разделить на:

- 1) с точки зрения социальной сущности — буржуазные, мелкобуржуазные, пролетарские, полупролетарские;
- 2) с точки зрения политических целей и идеологии — праворадикалистские, консервативные, буржуазно-либеральные, буржуазно-реформистские, социал-демократические, лево-социалистические, коммунистические;
- 3) с точки зрения внутренней структуры — военизированные, авторитарные, демократические;
- 4) с точки зрения выполняемых функций и места в политической системе — властвующие, правящие и оппозиционные.

Партийные системы для Ф.М. Бурлацкого определяются не только классовым составом населения, но и историческими традициями, политической культурой масс, национальным составом населения, его религиозными представлениями.

3. Ф.М. Бурлацкий развивал советскую теорию международных отношений. Он настаивал на том, что политическая наука позволит внести значительный вклад в разработку теории международных отношений, так как исследование данных проблем, разработка категорий и понятий на уровне политической теории способствуют обобщению обширных эмпирических данных, которые накапливают различные науки и дисциплины, изучающие междуна-

родные отношения, более детальному анализу и прогнозированию тенденций в мировой политике. К основе теории международных отношений Ф.М. Бурлацкий относил:

- понятие системы международных отношений и ее генезиса;
- экономические, социальные, культурные факторы и закономерности развития международных отношений;
- роль национальных интересов в формировании мировой политики и международного права;
- равновесие сил и мирное сосуществование государств с различным социальным строем;
- интернационализация, интеграция и проблема суверенитета;
- национализм и его влияние на международное развитие;
- проблемы и перспективы ограничения гонки вооружений;
- методы разрешения конфликтов и профилактика проблемных ситуаций;
- глобальные проблемы современности.

4. Ф.М. Бурлацкий разработал оригинальный подход к феноменам политической культуры, политического сознания и политического поведения. Ф.М. Бурлацкий исследовал политическую культуру в качестве одного из компонентов политической системы общества. Он относил политическую культуру к социально-психологическим явлениям, так как она формирует политическое поведение и основывается на социально-политическом опыте общества.

5. Ф.М. Бурлацкий сформулировал базовую типологическую модель политических культур, основанную на разделении общества по уровню социального развития и выделил следующие ее типы: а) архаическая политическая культура; б) элитарная политическая культура; в) представительская политическая культура и г) политическая культура высокой гражданственности (коммунистическая). Ф.М. Бурлацкий разработал оригинальный подход к феноменам элиты и политического лидерства, который расходится с доминирующими сегодня в мировой политической науке трактовками, выводящи-

ми ценностные и нравственные вопросы за рамки политологического анализа. Ф.М. Бурлацкий первый в советской науке поднял вопрос о важной политической роли советников, консультантов, экспертов и о необходимости их участия в принятии государственных и политических решений. Основываясь на своем личном опыте, Ф.М. Бурлацкий выделил следующие типы политических советников: а) «советник-мыслитель», б) «советник-пророк» и в) «советник-политикан».

6. Ф.М. Бурлацкий не был профессиональным китаеведом, но несмотря на это, его труды, посвященные Китаю, дают возможность детально изучать проблематику социально-политических преобразований в этой стране в период с 1949 по 1982 г. Ф.М. Бурлацкий не только исследовал социально-политические преобразования в Китае, но и разработал ряд предложений по выстраиванию взаимоотношений между СССР и КНР:

- отразить в материалах XXV съезда не только в основных докладах, но и в выступлениях делегатов, в особенности представителей компартий, новые оценки нынешней политики КПК и КНР, которая в современных условиях все более становится одним из центров экстремизма и социально-политической реакции;
- подчеркнуть готовность СССР строить свои отношения с КНР на принципах мирного сосуществования, необходимость вовлечения этой страны в систему международных обязательств в целях предотвращения ее экстремистских действий в любых направлениях.
- обратиться с закрытым письмом после съезда ко всем членам КПСС и советскому активу, в котором изложить всю остроту и сложность китайской проблемы, призвать реагировать на высказывания прокитайских идей с такой же остротой и непримиримостью, как и на проникновение идеологии правооппортунистических элементов Чехословакии и Югославии;
- в открытой печати усилить критику, направленную лично против Мао Цзэдуна и приближенных к нему лиц, оказывать осторожную поддержку умеренным в КПК, рассеивать в то же время иллюзии относительно перио-

да «после Мао», подчеркивая идеологическую, политическую и военную угрозу КПК и КНР;

- разработать по китайскому вопросу долгосрочную программу, рассчитанную на длительную перспективу и учитывающую возможные варианты расстановки сил в будущем.

7. Ф.М. Бурлацкий вел активную деятельность в направлении становления прав и свобод человека в СССР. Он способствовал созданию Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. Комиссия занималась разрешением различного рода вопросов, касающихся защиты прав и свобод человека, проводила разного формата конференции, встречи, семинары. Поэтому ее можно считать предтечей различных правозащитных организаций России. Далее на основе этой комиссии была создана международная правозащитная организация — «Дебургское движение по правам человека», которое позже получило название «Восточно-Западная конференция по правам человека». Работая депутатом Верховного Совета СССР, Ф.М. Бурлацкий участвовал в подготовке и принятии документов, гарантирующих права и свободы человека в Советском Союзе (законы о свободе передвижения, о свободе средств массовой информации и о свободе совести и религиозных организациях, а также «Декларация прав и свобод человека»).

8. Ф.М. Бурлацкий принимал активное участие в перестройке в СССР (1985–1991 гг.), идейно обосновывал необходимость:

- введения должности президента и всенародного его избрания; формирования двухпалатного парламента; проведения реформы государственного аппарата; обеспечения реальных гарантий гражданских и политических прав и свобод человека;
- внесения в Конституцию принципа голосования о доверии правительству; введения процедуры импичмента президента; закрепления за гражданами права — они есть источник власти в государстве; создания президентского совета для обеспечения перехода к президентской системе правления;

- создания суда присяжных; формирования специализированных судов; расширения судебной системы, т.е. увеличение количества судов; обеспечения гарантий независимости суда от других ветвей власти.

Ф.М. Бурлацкий не просто внес значительный идейный вклад в перестройку в СССР, но и сформулировал ряд идей по выстраиванию взаимоотношений между Советским Союзом и Западом, предложив:

- разработать долгосрочную программу развития гуманитарного сотрудничества на мировой арене, обмена информацией, людьми, идеями в интересах усиления идеологического влияния СССР;
- осуществить систему мероприятий по развитию культурно-информационной интеграции в рамках мирового социалистического содружества;
- упростить процедуру оформления выездов советских людей в капиталистические и развивающиеся страны;
- укрепить юридические гарантии защиты прав человека в СССР;
- использовать празднование тысячелетия крещения Руси (1988 г.) в интересах укрепления доверия между Востоком и Западом, развития сотрудничества в гуманитарной сфере.

9. В научный оборот введены следующие документы из личного архива Ф.М. Бурлацкого: Записка Председателю КГБ Ю.В. Андропову (ноябрь 1975 г.), Записка Секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину (не позже 1978 г.) и Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву (не позже 1987 г.). Ценность данных документов для историко-политологической и политической науки заключается в том, что они раскрывают детали и специфику становления политологии в СССР, развития гуманитарного сотрудничества Советского Союза на мировой арене, укрепления прав и свобод человека в СССР и взаимоотношений Советского Союза и Китая.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в обобщении идейно-теоретического

наследия Ф.М. Бурлацкого и проведении комплексного анализа его основных трудов.

Практическая значимость определяется возможностью применения результатов исследования для дальнейшего изучения идей Ф.М. Бурлацкого в контексте развития отечественной традиции политической науки, а также в преподавании учебных курсов по политической истории России и истории социально-политической мысли на факультете политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; политической истории, истории политической и правовой мысли, читаемых в российских вузах, а также в специальных курсах по теории политики.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены в тринадцати научных публикациях, в том числе четырех статьях, опубликованных в научных журналах, входящих в перечень Аттестационной комиссии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Материалы и положения диссертации были апробированы в выступлениях на девяти научных конференциях и форумах: «Ломоносов» (2016, 2017, 2018), «СЛЮ» (2016, 2017, 2018), «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: проблемы становления» (2016); «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений» (2017) и «III Съезд Российского общества политологов "Политическое образование в современной России и в мире"» (2018).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 31 августа 2018 года (Протокол заседания кафедры № 1 от 31.08.2018 г.).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав по три параграфа каждая, заключения и списка литературы.

Глава I. Методология политических исследований

§1. Политика и власть¹⁵

Категории «политика»¹⁶ и «власть»¹⁷ являются одними из ключевых в политической науке. На сегодняшний день в политической науке разработано

¹⁵ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Соболев В.А.* Исследования политики и власти в творчестве Ф.М. Бурлацкого // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Седьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clío-2017» / [гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов]. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 436–438; *Соболев В.А.* Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. — 2018. — № 1 (6). — С. 152–158; *Соболев В.А.* Роль Ф.М. Бурлацкого в формировании дискурса политической науки в СССР // SCHOLA-2016: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.А. Горохов, А.В. Мырикова. — М.: Издательство Московского университета, 2016. — С. 83–87; *Соболев В.А.* Ф.М. Бурлацкий о политике и власти // Материалы XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017». Политические науки. — М.: Макс Пресс, 2017. — URL: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/4000/report/request_157221/54892/uid40722_report.pdf?1535307415; *Соболев В.А., Ширинянец А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. — 2016. — № 5. — С. 25–42.

¹⁶ См.: *Ильин М.В., Коваль Б.И.* Что есть политика и что – наука о политике (опыт нетрадиционного обзора) // Полис. Политические исследования. — 1991. — № 4. — С. 103–115; *Гуторов В.А.* Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. Политические исследования. — 2001. — № 1. — С. 157–167; *Гуторов В.А.* Философия политики: судьба классической традиции // Философские науки. — 2004. — № 11. — С. 146–161; *Федорова М.М.* Философия и политика // Философский журнал. — 2012. — № 2. — С. 17–26; *Моцелков Е.Н.* Философы о политике: особенности исторической эволюции идей и концепций // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. — № 4 (45). — С. 219–223; *Гуторов В.А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2016. — Т. 12. — № 1. — С. 4–28; *Моцелков Е.Н.* Политика как объект философского анализа // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2016. — № 2. — С. 74–85; *Пляйс Я.А.* Современное политологическое знание как инструмент познания и совершенствования политики // Геополитический журнал. — 2016. — № 3 (15). — С. 18–27; *Гуторов В.А.* Текст и политика: о некоторых особенностях современной интерпретации идеологических дискурсов // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 212–221; *Царегородцев С.С., Ширинянец А.А.* В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. — 2018. — № 1. — С. 64–78; и др.

¹⁷ См.: *Соловьев А.И.* Власть в политическом измерении // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 1997. — № 6. — С. 57–70; *Соловьев А.И.* Политическая власть в обозрении российских ученых // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 1998. — № 4. — С. 21–39; *Пляйс Я.А.* Политическая власть как основной предмет политологии транзитного общества // Вестник Финансового университета. — 2001. — № 3. — С. 47–57; *Кочетков А.П.* Эволюция системы государственной власти в России // Власть. — 2003. — № 6. — С. 11–14; *Игрицкий Ю.И.* Власть, политический процесс и публичная политика в России (анализ литературы и концепций) // Политическая наука. — 2005. — № 1. — С. 5–69; *Глебова И.И.* Память русской власти: проблемы хранения, трансляции, актуализации // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. — 2009. — № 3. — С. 75–118; *Глебова И.И.* Сакрализация верховной власти в России как культурно-исторический феномен // Россия и современный мир. — 2009. — № 4 (65). — С. 23–43; *Глебова И.И.* Русская власть и ее партии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. — 2011. — № 3. — С. 112–130; *Еремеев С.Г.* К проблеме актуализации политической власти как ценности в эпоху глобализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 3. — С. 52–54; *Галкин А.А.* Власть и политический капитал (размышления на досуге) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. — 2013. — № 4 (71). — С. 6–22; *Бойцова О.Ю.* «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2018. — № 1. — С. 55–62; и др.

значительное количество определений данных понятий. Однако дискуссии и споры об их значении продолжаются и сегодня. В данном параграфе более детально рассмотрим соотношение политической науки и ее объекта — политики в творчестве Ф.М. Бурлацкого, а также его трактовку феномена власти.

Статья «О политической науке» в газете «Правда» от 10 января 1965 г. является первой работой Ф.М. Бурлацкого, посвященной проблеме соотношения политической науки и ее объекта — политики. В ней Ф.М. Бурлацкий следующим образом очерчивает проблемное поле политологии: «Представляется, что главный объект исследования этой науки — политические отношения как в социалистическом, так и в капиталистическом обществе, отношения между государствами на международной арене. Если говорить более конкретно, то, на наш взгляд, эта наука должна заниматься изучением вопросов, связанных с устройством и деятельностью государства, политических партий, общественных организаций массовых движений, международных объединений и организаций, форм и методов дипломатической деятельности, общественно-го мнения, методов пропаганды и т.д.»¹⁸ Основной задачей политической науки Ф.М. Бурлацкий видит «изучение механизма руководства обществом в динамике, т.е. изучение того, как оно функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития»¹⁹.

В конце 1970-х гг. Ф.М. Бурлацким была подготовлена аналитическая записка в адрес Секретаря ЦК КПСС М.В. Зимянина²⁰, в которой обосновывалась необходимость развернуть следующие политологические исследования: а) *права, свободы и обязанности личности в условиях различных социальных систем*; б) *проблемы непосредственного участия трудящихся в управлении делами общества и государства в различных социальных системах*; в) *проблемы социального и национального равенства в условиях различных социальных систем*; г) *роль партии, общественных организаций, трудовых кол-*

¹⁸ Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — С. 17.

¹⁹ Там же. — С. 18.

²⁰ В этот период Михаил Васильевич Зимянин под руководством М.А. Суслова курировал идеологические вопросы (наука, образование, культура, спорт, СМИ и др.).

лективов в политической системе советского общества; д) образ и качество жизни на основе сравнительного анализа в различных социальных системах; е) проблемы общечеловеческие (защита окружающей среды, преодоление бедности и болезней в современном мире и др.); ж) изучение общественного мнения в СССР, а также обобщение материалов в других странах и з) критика современных политических идеологий (империализма, маоизма, социал-демократизма, левого революционаризма и др.) и изучение деятельности идеологических центров²¹.

Также в записке Ф.М. Бурлацкий пишет, что важнейшее значение (на момент написания) имеет разработка теоретических основ политологических исследований, формирование ряда научных дисциплин, что позволит интегрировать все многообразие таких исследований, ввести их в более или менее общее политическое русло. К ним он относит: 1) *теорию политики*, которая включает в себя исследование политической власти, целей политики, субъекта и объекта политики, общественно-политического сознания, методов изучения политики; 2) *теорию политических систем*, в которую входит изучение элементов политических систем, политических норм, политических отношений, типологии современных политических систем и режимов политического руководства и лидерства; 3) *теорию международных отношений и мировой политики*, которая включает в себя исследование проблем войны и мира, мирного сосуществования, международных конфликтов, международного взаимодействия, международных решений, процесса интеграции интернационализации, развития международных коммуникаций, взаимосвязи внешней политики государств и идеологии²² и др.; 4) *теорию социально-политического управления*, которая включает в себя исследование форм и методов, субъекта и объекта управления, принятие решений, организацию их исполнения, контроль и т.д.²³

²¹ См.: Бурлацкий Ф.М. Записка Секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 1–4.

²² См.: Федорова М.М. Критика или герменевтика – два подхода к изучению идеологий // Политическая наука. — 2013. — № 4. — С. 31–44.

²³ См.: там же.

Кроме того, в обращении к М.В. Зимянину Ф.М. Бурлацкий делает акцент на способствующих развитию политической науки в СССР организационных вопросах: а) *создание специального института политических исследований в Академии наук СССР*, который взял бы на себя разработку значительной части названных выше научных направлений, прежде всего, по проблемам прав человека, демократии, общественного мнения, участия в управлении, критики основных идеологических течений, теории и методики политических исследований); б) *создание Научного совета по проблемам политических исследований* с участием НМЛ ЦК КПСС, Академии Наук СССР, Академии общественных наук, Института общественных наук при ЦК КПСС; в) *создание журнала «Политические исследования»*; г) *переименование Отделения философии и права АН СССР в Отделение философских, политических и правовых наук АН СССР* и д) *формирование факультета по социально-политическим наукам в МГУ имени М.В. Ломоносова*²⁴.

Ф.М. Бурлацкий фокусирует внимание на том, что «политику и политические отношения можно выделить из всей суммы общественных отношений, как нам кажется, только на основе их прямой или косвенной связи с властью и властной деятельностью. В самом общем виде определить политику можно как *форму взаимоотношений между социальными группами, нациями, связанную прямо или косвенно с проявлениями власти и деятельности властвования, понимаемой как способность принудить большие массы людей к выполнению тех или иных задач и решений*»²⁵.

Именно в сфере политических отношений наиболее ярко проявляются «социальные интересы классов, наций, групп и отдельных людей; политика служит ареной борьбы, а также сочетания этих интересов на основе конкретного соотношения социальных сил»²⁶. Отличительной чертой политики явля-

²⁴ См.: Бурлацкий Ф.М. Записка Секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 1–4.

²⁵ Бурлацкий Ф.М. От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 5. — С. 16.

²⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 8.

ется то, что это «наиболее подвижная часть надстройки, подверженная сильным влияниям не только фундаментальных (экономика, классы и т.д.), но и других факторов (групповые и личные интересы и взгляды, уровень представлений и культуры людей и пр.)»²⁷. Поэтому политика оказывает на нее «непосредственное и постоянное воздействие. Марксистский подход к изучению политики, основанный на познании законов диалектики и исторического материализма, выявляет существенные связи экономических и иных факторов с политической системой, государством, политикой и правом»²⁸. Кроме того, данный подход включает в себя «общую методологию исследования собственно политических процессов. Сердцевину марксистского анализа составляет исследование прямых и обратных связей и взаимных влияний экономических, социально-политических и идеологических отношений, классов и социальных слоев, политики и государства, власти и права, и других составных частей надстройки»²⁹.

Важнейшими положениями марксизма по этим вопросам являются:

- 1) «учение о базисе и надстройке, об определяющем влиянии способа производства материальных благ на государство, право, политику»³⁰;
- 2) «учение об активном обратном воздействии государства, права, политики на экономическую и социальную жизнь»³¹;
- 3) «учение о классовой борьбе как об основе общественного развития в целом и в особенности о политической борьбе»³².

Научное изучение *конкретных политических явлений*, по мнению Ф.М. Бурлацкого, предполагает: во-первых, «объяснения экономических интересов, которыми они в конечном счете определяются»³³ и, во-вторых, «уяснения всей системы социальных факторов и противоречий, через которые пробивают се-

²⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 8.

²⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 6.

²⁹ Там же.

³⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 9.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. — С. 12.

бе дорогу экономические интересы»³⁴. Такой подход к анализу политических процессов ограждает от: «недооценки конечного, определяющего влияния экономического интереса на политику и от игнорирования относительно самостоятельной роли всей суммы социальных и политических факторов, особо влияющих на те или иные конкретные решения и шаги. Соединительным звеном между экономическими и политическими процессами является социальная структура, которую образуют классы и другие общественные группы»³⁵.

Политика государства, считает Ф.М. Бурлацкий, является «концентрированным выражением интересов господствующего класса или классов. Но в ней находит свое выражение, пускай косвенное, давление классов, которые служат объектом господства и угнетения»³⁶. Исследование политики в качестве явления общественной жизни требует «не только общих теоретических определений, но и конкретного, дифференцированного анализа политических интересов различных группировок внутри как правящих, так и эксплуатируемых классов»³⁷.

Поэтому, анализируя политику, необходимо находить те конкретные факторы, которые определяют «появление и жизнедеятельность тех или иных политических институтов, осуществление того или иного курса в политике»³⁸. То есть такой анализ должен быть «максимально конкретизирован, хотя, разумеется, обязательно связан с выявлением конечных экономических факторов и интересов, оказывающих определяющее воздействие на политический процесс»³⁹.

Также на политику, наряду с экономикой, могут оказывать влияние и другие факторы: демографические, социально-психологические, географические и т.д. Во-первых, плотность населения, его половозрастная структура

³⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 12.

³⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 8.

³⁶ Там же. — С. 9.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. — С. 10.

³⁹ Там же. — С. 10–11.

могут приобрести политическое значение, «особенно если находятся силы, пытающиеся использовать их в качестве средства достижения своих целей. Однако сами по себе ни количество населения, ни специфика его размещения не являются определяющим моментом ни во внутренней, ни во внешней политике»⁴⁰. Во-вторых, признавая определенное значение биологических факторов, «влияющих на особенности психического склада наций, а через них — на политику»⁴¹, такой подход не описывает всего многообразия общественного процесса.

В-третьих, «возникновение восточных деспотий, кроме всего прочего, в какой-то мере объяснялось также спецификой климатических условий (особенно трудностями водоснабжения), которые требовали огромной концентрации массы человеческой энергии для обеспечения существования и самосохранения. Островное положение, обеспечивавшее в свое время сравнительную безопасность от нашествий, препятствовало чрезмерной милитаризации общественно-политических структур. И напротив, постоянная угроза извне способствовала милитаризации политической системы»⁴². Однако географический детерминизм уже давно опровергнут и куда более значительное влияние на политику оказывают социальные факторы.

Гораздо большее влияние на государство, политику и политическую структуру оказывает *культура* общества. Понятие культуры в широком смысле включает «все, что является продуктом человеческой деятельности — материальные и духовные ценности, весь комплекс идей, обычаев, социальных и политических институтов, воплощающих стремления людей, признанные нормы и способы поведения и т.п. В этом смысле культура нередко употребляется как синоним цивилизации. Однако в данном контексте речь идет о более узком понятии культуры — как факторе политической жизни»⁴³. Куль-

⁴⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 11.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. — С. 12.

тура во многом определяет форму политических институтов, методы и средства их функционирования, а также их цели.

При исследовании способов влияния культуры на политические отношения необходимо различать ее уровни: *класс, группа, нация и личность*.

Культура класса «в той или иной мере объединяет в себе как национальные, так и интернациональные моменты и выражает наиболее существенные особенности идеологии, целей, норм и мотивов социального поведения, вкусов, навыков, обычаев»⁴⁴.

Культура группы, «отражая характерные черты культуры класса, к которому она принадлежит, вместе с тем отличается определенным своеобразием системы ценностей и способов поведения, которые приобретают обязательный характер для ее членов, оказывая влияние в том числе и на их политическое поведение»⁴⁵.

Культура нации «при всей ее классовой неоднородности в то же время содержит элементы надклассовые (язык, многие произведения зодчества, изобразительного искусства и т.п.)»⁴⁶.

Культура личности включает в себя «наряду с элементами классовой, групповой, национальной культуры личностные модели поведения, ценности и идеи»⁴⁷.

Поэтому при исследовании конкретной политической ситуации и поведения в ней людей необходимо учитывать влияние каждого из уровней культуры.

Существуют следующие *каналы влияния культуры* на общественную, в том числе и политическую, жизнь: «а) социализация и формирование отдельного индивида; б) создание и введение систем ценностей; в) эталоны действий, поведения и поступков; г) создание моделей институтов и социальных систем»⁴⁸.

⁴⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 12.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. — С. 13.

Социализация индивида — «приспособление к общественной жизни на основе обучения, убеждения и наказания, позволяющее ему сознательно действовать в рамках данного общества и регулировать свои отношения с ним»⁴⁹.

Система ценностей — «определенным образом организованная совокупность явлений материальной или духовной жизни, действительных или воображаемых, которым личность, группа, класс приписывают известное положительное или отрицательное значение и которые выступают в качестве ориентиров и установок в их деятельности. Высшими ценностями для разных людей и групп могут быть предметы благосостояния, произведения искусства и других видов творческой деятельности, а также власть, нравственные или религиозные идеалы и нормы, престиж, слава, честь и т.п. Поведение людей и групп, стоящих перед выбором тех или иных ценностей, определяется их представлением об иерархии ценностей. Будучи результатом воспитания, воздействия среды, сознательной деятельности, ценности служат важным регулятором человеческих поступков, мерилем оценки поведения других людей, принципов социально-политической организации»⁵⁰.

Эталоны поведения — «принятые в рамках социальной группы модели и способы деятельности, которые служат средствами удовлетворения интересов и потребностей людей на основе их ценностных ориентаций. Входящие сюда схемы, стереотипы обычно приспособлены к определенным ситуациям, а повторяются нередко в силу обычаев и привычек, принятых в данном обществе, классе, группе. Если рассматривать общественную жизнь как совокупность ситуаций, в которых люди вступают в отношения друг с другом, то эталон поведения предопределяет диапазон личных реакций на ситуацию, признаваемых нормальными в среде данного класса или группы»⁵¹.

Модели институтов и социальных систем зависят от политической культуры общества. Политическая культура — система «знаний и представ-

⁴⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 13.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

лений различных классов, слоев общества и индивидов о власти, политике и управлении, а также определяемую этим степень их политической активности»⁵².

Исследование феномена политики неразрывно связано с феноменом власти. Понятие «власти» позволяет найти «ключ к пониманию политических институтов, политических движений и самой политики»⁵³.

Понятие «*власти*» является одним из самых полисемантических и зачастую используется в очень широком смысле: «Естествоиспытатели говорят о власти над природой, философы — о власти над объективными законами общества, социологи — о власти социальной, экономисты — о власти хозяйственной, юристы — о власти государственной, психологи — о власти человека над самим собой, родители — о семейной власти и т.п.»⁵⁴ Однако нам, прежде всего, интересна социальная и политологическая характеристика понятия власти.

Марксистский подход определяет природу власти, исходя из следующих положений: «1) основой определения власти в обществе должен быть классовый подход; 2) власть следует изучать социологически, учитывая ее множественный характер; 3) конструирование общего понятия власти должно сопровождаться выявлением специфических особенностей отдельных ее видов — экономической, политической, общественной, семейной и т.п.; 4) следует различать виды общественной и личной власти, которые переплетаются между собой, но могут быть и не связаны друг с другом; 5) необходимо учитывать, что власть реализуется по-разному в различных социально-политических структурах; 6) важно иметь в виду, что волевые (основанные на силе) и правовые начала, будучи тесно связаны между собой, не всегда совпадают друг с другом»⁵⁵.

⁵² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 14.

⁵³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 13.

⁵⁴ Там же. — С. 15.

⁵⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 18–19.

Для понимания содержания политики существенны такие *признаки власти*: во-первых, «взаимосвязь с политической системой»⁵⁶ и, во-вторых, «право и способность к принятию обязательных для всего общества решений по распределению ценностей между различными общностями и индивидами»⁵⁷. А это позволяет учитывать как «институциональный, так и функциональный подходы к изучению политического процесса»⁵⁸.

В итоге, *власть* — «реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям»⁵⁹. *Политическая власть* — «характеризуется реальной способностью данного класса, группы, а также отражающих их интересы индивидов проводить свою волю посредством политики и правовых норм»⁶⁰.

Понятие политической власти значительно шире понятия государственной власти. *Государственная власть* — «такая форма общественной власти, которая имеет классовый характер, опирается на специальный аппарат принуждения и располагает монопольным правом издавать законы и другие распоряжения, обязательные для всего населения»⁶¹. Политическая деятельность осуществляется «не только в рамках государства, но и с помощью других институтов социально-политической системы: партий, профсоюзов, международных организаций и т.д.»⁶² Природу государственной власти характеризует «ее способность добиваться осуществления тех или иных целей с помощью принуждения. Вместе с тем государственная власть не обязательно использует принуждение для достижения своих целей. Она может добиваться их и другими средствами — идеологическим воздействием, экономическим стимули-

⁵⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 20.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 19.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

рованием и т.п. Но она обладает монополией на то, чтобы принудить членов общества к выполнению своих установлений»⁶³.

В итоге, научное изучение политических явлений опирается на: «1) методологию диалектического и исторического материализма, 2) теорию политики среднего уровня (методика), 3) совокупность конкретно-социологических процедур»⁶⁴. Различие между методологией, методикой и процедурами исследований отражает «объективно сложившуюся систему средств. Речь идет о разграничении приемов анализа на разных уровнях изучения действительности и приближения к объекту: высшем (охватывающем исторический процесс во всех его взаимосвязях и опосредованиях), среднем (охватывающем функционирование данной системы в конкретных исторических условиях) и эмпирическом»⁶⁵.

Методология диалектического и исторического материализма обеспечивает выявление «закономерностей становления, развития и исторической смены политических систем. Она дает наиболее общую картину политической жизни народов и стран, требуя прежде всего исторического подхода»⁶⁶. Концентрируя внимание на присущих всем общественно-экономическим формациям закономерностях, данная методология позволяет вырабатывать «отвечающие такому подходу наиболее общие понятия и категории. Методология несет мировоззренческую нагрузку и служит необходимой предпосылкой всякого социального исследования»⁶⁷.

Понимание конкретных политических явлений, состояний, ситуаций, изучение и прогнозирование эволюции политических структур должно быть дополнено «углубленным изучением фактов политической жизни и их теоретическим обобщением в системе специальных понятий и категорий. Именно этому и служит теория политики среднего уровня, на базе которой вырабаты-

⁶³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 19.

⁶⁴ Там же. — С. 27.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

ваются методы и процедуры исследования политической жизни. Первостепенное место в ряду таких методов занимает системный анализ»⁶⁸.

Феномен государства исследуется юристами, историками, экономистами, социологами и другими специалистами под углом зрения соответственно правовых, исторических, социальных, экономических аспектов деятельности государства. Но в реальности государство не существует «как расчлененная структура или как совокупность различных, не связанных между собой ролей и функций»⁶⁹. Государство существует «как единое целое, как система со своими структурами, отдельными подразделениями, функциями, ролями. Всестороннее изучение государства предполагает, следовательно, исследование как отдельных его функций, так и всей системы, включающей прямые и обратные взаимосвязи и зависимости»⁷⁰.

Такой системный подход предполагает установление взаимосвязей и свойств совокупности объектов. Он означает выявление «расположения системы во времени и пространстве, определение структуры взаимодействия объектов и процессов, установление отношений элементов к целому в рамках системы и уровня ее интеграции»⁷¹. Другим признаком системного подхода является «использование проблемного, или целевого, принципа. Системный подход требует вскрытия взаимосвязей между всеми сферами политической жизни под углом зрения "дерева целей". Выдвигается или выясняется главная цель, а затем в соответствии с ней формулируются и исследуются остальные цели, построенные как иерархическая лестница»⁷². Применительно к политике системный подход предполагает, во-первых, «рассмотрение политической системы как единого целого»⁷³, во-вторых, «изучение целей политики и принимаемых решений в этой сфере»⁷⁴, в-третьих, «моделирование социально-

⁶⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 27.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. — С. 27–28.

⁷¹ Там же. — С. 28.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

политических процессов»⁷⁵. Системный подход позволяет выявить «взаимодействие, развитие и функционирование политической системы как единого целого»⁷⁶.

Поэтому системный подход к исследованию власти и управления предполагает не замыкаться на анализе государственных институтов, но «идти дальше — к анализу политических систем и структур, а также отдельных их элементов, в особенности процедур принятия политических решений, причем не в статике, а в динамике. Системный подход предполагает тщательный учет политической жизни в каждый данный отрезок времени в конкретной стране. Наиболее высоким уровнем системного подхода является системный анализ, связанный с моделированием и применением математического аппарата»⁷⁷.

В рамках системного подхода можно выделить моделирование. Существует несколько способов моделирования и несколько типов моделей. Первый тип «носит название физического, или портретного, моделирования. Это довольно традиционный и сравнительно широко и давно используемый способ. Фотография лица, чертеж самолета или даже рисунок художника могут рассматриваться как физическая модель, отражающая определенные свойства объекта, явления, процесса или системы»⁷⁸. Второй тип модели — «аналоговый. Он предполагает изображение определенных свойств объекта через набор параметров, характеризующий другой, более известный объект»⁷⁹. И третий тип модели «носит название символического, цифрового, поскольку здесь используются для определения качества объекта математические символы в виде уравнения или системы уравнений»⁸⁰.

Значение двух первых видов модели «достаточно велико. Они помогают с помощью изобразительных и логических средств подвергнуть объект более

⁷⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 28.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. — С. 28–29.

⁷⁸ Там же. — С. 29.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

глубокому и основательному анализу»⁸¹. Однако только третий тип представляет собой «моделирование в современном и точном смысле этого слова. Математическая модель, используемая в исследовании операций, должна точно изобразить взаимосвязи между различными элементами с целью прогнозирования ее поведения в каких-либо предполагаемых условиях»⁸².

Следующим можно отметить сравнительный анализ. Применение в теории политики путем «сопоставления политических институтов, форм и методов деятельности партий, государственных органов и общественных организаций в различных странах»⁸³ сравнительного анализа может дать положительный эффект. Применение такого метода позволяет «вынести за скобки то, что представляет общую закономерность для всех государств, и определить специфические особенности, отражающие конкретные условия в каждой политической структуре»⁸⁴. Однако сравнительный метод не может использоваться механически: «он должен сочетаться с конкретно-историческим подходом, ведь различные страны находятся на разных этапах развития»⁸⁵.

Одной из главных составных частей методики, основанной на теории политики, также является «политическое прогнозирование. Это сфера, в которой наиболее трудно делать научные предсказания, поскольку политика представляет собой, как уже говорилось, очень подвижный и подверженный разнообразным влияниям элемент надстройки. Тем не менее и здесь в известных пределах возможно прогнозирование основных тенденций при использовании всей суммы методологических и методических приемов»⁸⁶.

Методы характеризуют «способ, подход к изучению действительности, отражающие общую взаимосвязь и логику жизненных процессов»⁸⁷. Методика — «сумма приемов, по преимуществу технических, применяемых для накоп-

⁸¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 29.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. — С. 29–30.

⁸⁵ Там же. — С. 30.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

ления и систематизации эмпирического материала»⁸⁸. Для политических исследований можно также использовать то, что уже накоплено практикой конкретных социальных исследований: «1) анализ статистических данных; 2) опросы различных групп населения (анкетирование и интервьюирование); 3) прямое наблюдение; 4) изучение документов и т.д.»⁸⁹ Кроме того, предпосылкой для углубления политических исследований может стать «более широкое использование статистической информации и ее обработка»⁹⁰.

Одним из условий разработки конкретных проблем политики как науки является «сбор социальной информации, осуществляемый как через научно-исследовательские центры, так и через государственные и общественные организации»⁹¹. Применение опросов в качестве средств социальных и политических исследований, то при анализе политики могут быть использованы самые разнообразные формы: «панельное (повторное), изучающее эволюцию отношений и мнений в течение определенного отрезка времени; групповое, когда опрашивается специально выделенная группа; множественное и др. Сказанное ни в коей мере не означает отказа от использования давно сложившейся методики других наук — истории, философии и права. Ни одно исследование не может быть объективным, полным и точным, если оно не осуществляется на основе комплексных методов»⁹².

Поэтому проблема конкретно-социологического подхода к политике состоит «не столько в том, что изучать, сколько в том, как, какими методами, с какими конкретными целями проводить исследования в области государства и политики. Необходимо четкое понимание цели политологического исследования, осознание того, что ему органически чуждо простое описательство, что,

⁸⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 30.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. — С. 31.

напротив, вся суть его в оказании помощи практике для лучшего решения конкретных задач»⁹³.

Такая постановка вопроса подводит к рассмотрению сферы политического целеполагания. Без определения «основных целевых векторов политической деятельности, выработки теоретической модели целеполагания субъектов политики исследователь лишается возможности целостного изучения политической жизни»⁹⁴. Основные цели политики — «завоевание, сохранение, укрепление и расширение власти, защита экономического и социального строя, который служит ее опорой, централизованное управление обществом, основанное на монополии государственного принуждения. Власть выступает и как *цель* политики, и как *средство* для решения социальных, экономических, культурных и иных задач»⁹⁵.

Политические цели (конечные и промежуточные) — «определяются господствующими элитами, а формулируются политическими лидерами и идеологами. Эти цели могут быть в той или иной мере реалистическими или иллюзорными, рациональными или иррациональными, достижимыми или недостижимыми. С определением целей связана, следовательно, эффективность функционирования власти»⁹⁶. Политические цели формируются в «ожесточенной борьбе, в которой участвуют самые различные силы: классы, группы, нередко соперничающие за влияние. Проследить истоки того или иного политического плана, линии, замысла — одна из центральных задач политического исследования»⁹⁷.

Подводя итоги, сегодня в исследованиях политики, изучении влияния экономики, культуры и других факторов на политический процесс используются:

⁹³ Бурлацкий Ф.М. От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 5. — С. 21.

⁹⁴ Там же. — С. 21–22.

⁹⁵ Там же. — С. 22.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

- «1. *Дифференцированный анализ* социальных общностей (класс, нация, социальная группа), их роли в политической жизни;
2. *Структурно-функциональный анализ* политических институтов (государство, партия, политический режим);
3. *Системный анализ* больших и малых политических структур;
4. *Комплексный анализ* политического управления и руководства обществом;
5. *Коммуникационный анализ* взаимодействий элементов политического процесса;
6. *Анализ соотношения сил* как фактора формирования политических отношений, особенно на международной арене;
7. *Анализ политической динамики*;
8. *Сравнительный метод* сопоставления близких или противоположных политических систем;
9. Методы *политического планирования и прогнозирования* и др.»⁹⁸

Таким образом, в параграфе обоснован вывод о том, что Ф.М. Бурлацкий способствовал развитию методологии и методики политических исследований, делая упор на анализ конкретных проблем политики. При этом Ф.М. Бурлацкий настаивал на необходимости применения накопленных политической наукой знаний на практике для осуществления эффективного руководства государством.

§2. Политическая система, режимы и партии⁹⁹

Исследования, посвященные определению и типологии *политических систем*¹⁰⁰, *политических режимов*¹⁰¹, *партийных систем* и *самих партий*¹⁰² зани-

⁹⁸ Бурлацкий Ф.М. От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 5. — С. 21.

⁹⁹ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Соболев В.А.* Исследования политических систем и режимов в творчестве Ф. М. Бурлацкого // SCHOLA–2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 91–94; *Соболев В.А., Ширинянец А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. — 2016. — № 5. — С. 25–42.

мают одно из основополагающих мест в проблемном поле политологии. В современной политической науке разработано значительное количество определений и классификаций данных феноменов. Однако дискуссии и споры об их значении продолжаются и сегодня. В данном параграфе более детально рассмотрим определения и типологизацию политической системы, политических режимов, партийных систем и самих партий в творчестве Ф.М. Бурлацкого.

Использование концепта «*политическая система*»¹⁰³ позволяет: «свести в единый комплекс все основные категории и понятия, характеризующие политическую жизнь общества. Отталкиваясь от этой категории, исследователи имеют возможность продвигаться со ступени на ступень в направлении все большей конкретизации и дифференциации политических категорий, разработа-

¹⁰⁰ См.: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // *Полис. Политические исследования.* — 2002. — № 2. — С. 6–19; *Холодковский К.Г.* К вопросу о политической системе современной России // *Полис. Политические исследования.* — 2009. — № 2. — С. 7–22; *Перегудов С.П.* Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 431 с.; *Соловьев А.И.* Политическая система постсоветской России. Эскиз мастера // *Полис. Политические исследования.* — 2012. — № 3. — С. 168–173; *Кочетков А.П.* Об устойчивости политической системы современной России // *Социально-гуманитарное обозрение. Международный журнал.* — 2016. — № 1. — С. 44–48; *Кочетков А.П.* Проблема устойчивости политической системы современной России // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* — 2017. — № 3 (52). — С. 65–71; и др.

¹⁰¹ См.: *Борисенков А.А.* Политический режим – способ политического влияния // *Социум и власть.* — 2012. — № 2. — С. 38–42; *Скорнякова С.С.* Политический режим и его эволюция в современной России // *Социология и право.* — 2012. — № 2. — С. 37–43; *Харитонова О.Г.* Недемократические политические режимы // *Политическая наука.* — 2012. — № 3. — С. 9–30; *Бусыгина И.М.* Как российский политический режим доказывает свою привлекательность // *Отечественные записки.* — 2013. — № 6. — С. 36–45; *Бирюков Д.А.* Политический режим как социально-политический феномен: критерии, типология, факторы развития // *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал).* — 2015. — № 2. — URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/661>; и др.

¹⁰² См.: *Голосов Г.В.* Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // *Полис. Политические исследования.* — 1998. — № 1. — С. 106–129; *Малинова О.Ю.* Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // *Полис. Политические исследования.* — 2001. — № 5. — С. 97–106; *Глебова И.И.* Партия власти // *Полис. Политические исследования.* — 2004. — № 2. — С. 85–92; *Глебова И.И.* Партия власти в русской публичной политике // *Политическая наука.* — 2005. — № 1. — С. 70–104; *Елисеев С.М.* Политические партии и проблемы развития национального поля российской политики // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2006. — Т. 2. — № 1. — С. 81–97; *Саква Р.* Дилеммы развития российской партийной системы // *Политическая наука.* — 2010. — № 2. — С. 167–190; *Сморгунов Л.В.* «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // *Политическая наука.* — 2010. — № 2. — С. 191–211; *Голосов Г.В.* Партийные системы стран мира: региональное и хронологическое распределение, модели устойчивости // *Политическая наука.* — 2012. — № 3. — С. 71–104; *Исаев Б.А.* Теоретико-методологические основы исследования партийной системы России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2015. — Т. 11. — № 1. — С. 45–61; *Морозова О.С.* Избирательная система как институт управления партийной системой // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2015. — Т. 11. — № 1. — С. 124–133; *Макаренко Б.И., Локишин И.М.* Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития // *Полис. Политические исследования.* — 2015. — № 3. — С. 85–109; *Макаренко Б.И.* Теория партийных систем полвека спустя // *Политическая наука.* — 2018. — № 1. — С. 122–147; и др.

¹⁰³ См.: *Бурлацкий Ф.М., Мушинский В.О.* Народ и власть: Научно-популярный очерк политической системы социализма. — М.: Политиздат, 1986. — 254 с.

тывая набор характеристик, поддающихся верификации (четким логическим определениям) в целях эмпирического исследования»¹⁰⁴.

Ф.М. Бурлацкий определяет *политическую систему* следующим образом: она «представляет собой одну из подсистем общества наряду с экономической и духовной, выделяемых по признаку сферы жизнедеятельности социальных групп»¹⁰⁵. Политическую систему от других систем общества отличает:

1. «Верховенство политической системы; это значит, что с ее помощью осуществляется политическая власть в обществе, что принимаемые в ее рамках решения обязательны для всего общества и системы — мобилизация ресурсов для достижения целей, которые выдвигают перед обществом его руководящие социально-классовые силы»¹⁰⁶.
2. «Ее обусловленность общественной средой, в первую очередь социально-экономической структурой общества. Будучи средством осуществления политической власти в обществе, политическая система тем не менее представляет собой надстройку, детерминированную экономическим и социальным базисом общества»¹⁰⁷.
3. «Относительная самостоятельность, определяемая наличием специального механизма структур, ролей, функций групп. Политическая система в значительной степени формализована, так как отношения в ее рамках, как правило, регулируются специальными нормами — правовыми и политическими»¹⁰⁸.
4. «Активное влияние политической системы на все общество, более активное, чем влияние любой другой подсистемы общества, определяемое наличием у нее верховной власти и возможности распоряжаться общественными ресурсами; управление — ее важнейшее свойство»¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 175.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 31.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. — С. 31–32.

¹⁰⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 176.

Ф.М. Бурлацкий добавляет: «названные особенности наполняются конкретным социальным содержанием в данной социальной экономической формации, на каждом данном историческом этапе ее развития»¹¹⁰.

К *функциям* политической системы Ф.М. Бурлацкий относит: «1) определение целей и задач общества; 2) мобилизация ресурсов; 3) интеграция элементов общества; 4) легитимизация, под которой понимается достижение минимально необходимой степени соответствия реальной политической жизни официальным политическим и правовым нормам»¹¹¹. Главную функцию политической системы составляет: «определение целей и задач общества, а также мобилизация ресурсов на их выполнение... в то время как интеграция и легитимизация являются одновременно функцией и политической системы, и других подсистем общества, в частности духовной. На основе этих характеристик исследователь получает возможность анализировать не только институциональные, но и поведенческие аспекты политической жизни»¹¹².

С целью анализа данной системы необходимо выделение составляющих ее подсистем и элементов, изучение их функционирования, развития и взаимодействия. Поэтому Ф.М. Бурлацкий считает целесообразным выделение *четырех подсистем* в зависимости от их роли и выполняемой функции: «А — политические организации, В — политические нормы, С — политические отношения, D — политическое сознание»¹¹³.

К *элементам* политической системы можно отнести: «те институты социальной жизни, группы, нормы, функции, роли, которые находятся в тесном взаимодействии с политическим управлением. С точки зрения ролей и функций, выполняемых теми или иными элементами политической системы, можно различать монофункциональные, т.е. такие, которые выполняют исключительно политическую функцию (партия), и полифункциональные, для кото-

¹¹⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 32.

¹¹¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 176.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

рых политическая функция является лишь одной из многих, но тем не менее занимает существенное место (общественные организации, творческие объединения). Наконец, следует отметить наличие эпизодических политических функций или взаимодействий у тех институтов, организаций или групп, для которых политика не является важным содержательным элементом»¹¹⁴.

Политические аспекты деятельности можно встретить почти во всех институтах, общностях и отдельных личностях. Однако в политическую систему в качестве ее элементов можно включить только те институты, для которых такая «деятельность представляет существенную характеристику. Основным институтом политической системы традиционно считается государство. По отношению к обществу государство выступает как орудие руководства и управления со стороны господствующего класса»¹¹⁵. В деятельности государства реализуется не только «общий интерес господствующего класса, но и влияние отдельных групп в рамках этого класса. В то же время государство в своей деятельности не может не считаться с давлением других классов общества»¹¹⁶.

Характеристика государства может включать следующие критерии: «во-первых, социальное назначение государства; во-вторых, его организационную структуру; в-третьих, специфические возможности, права и полномочия в сравнении с другими общественными институтами; в-четвертых, характер отношений с обществом, классами, нацией»¹¹⁷.

От других социальных организаций государство отличается: «во-первых, наличием особой группы людей, занятых исключительно управлением всем обществом и охраной его экономической и социальной структуры; во-вторых, монополией на принудительную власть в отношении всего населения; в-третьих, правом и возможностью осуществления внутренней и внешней политики — экономической, социальной, военной — от имени всего общества

¹¹⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 32–33.

¹¹⁵ Там же. — С. 33.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

внутри и вне страны; в-четвертых, суверенным правом издания законов и правил, обязательных для всего населения; в-пятых, организацией власти по определенному территориальному делению; в-шестых, монопольным правом на взимание налогов и сборов со всего населения, на формирование общенационального бюджета и др.»¹¹⁸

Ф.М. Бурлацкий фокусирует внимание на том, что «детальный анализ политической природы и характера деятельности государства связан с изучением его организационной структуры, распределения функций между различными органами, внутренней структуры и динамики государственных институтов, путей формирования санкционируемой государством официальной идеологии и системы ценностей, экономической и политической роли государства, социальной эффективности права, состава аппарата управления, роли малых групп в политике, политического поведения масс и ряда других конкретных вопросов»¹¹⁹.

Важное значение для понимания политических процессов и конкретной политики имеет вопрос о политических режимах. *Политический режим* — «система методов осуществления государственной власти, характеризующих состояние демократических прав и свобод, отношение органов государственной власти к правовым основам их деятельности»¹²⁰. Ф.М. Бурлацкий отдельно отмечает, что «упор на проблему демократии как основной критерий политического режима — это действительно главное, если иметь в виду права и свободы трудящихся масс, а не представителей господствующего класса. При этом для определения политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых, норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей — с действительной политикой»¹²¹.

¹¹⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 179.

¹¹⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 34.

¹²⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 183.

¹²¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 35.

Определение политического режима возможно с помощью ответов на следующие вопросы: «какие группировки господствующего класса находятся у руководства государством; каким методам господства и управления отдается предпочтение — прямым, насильственным или косвенным, демократическим; какие партии или партийные коалиции выступают как руководящая сила; допускается ли и в каких пределах деятельность институтов социальной борьбы и давления, в частности оппозиционных, революционных партий, профсоюзов и других форм объединений трудящихся; каково положение личности в государстве и ряд других»¹²².

Для Ф.М. Бурлацкого определение формы государства невозможно без учета политической динамики — «понятия, характеризующего основные направления его политики»¹²³. Поэтому анализируя через призму политического режима и политической динамики могут быть выделены следующие *основные группы*: «фашистские, полуфашистские, авторитарные военные диктатуры, консервативные парламентские и буржуазно-демократические парламентские режимы. Политический режим и политическая динамика, таким образом, характеризуют не тип государства... а формы жизнедеятельности институтов политической системы, методы господства и основные направления политики в рамках данного типа»¹²⁴.

Рассмотрим более конкретные характеристики политического режима и политической динамики. *Фашистский режим* подразумевает «полное уничтожение демократии, установление диктатуры наиболее реакционных и авантюристических групп монополистической буржуазии и помещиков, использующих в качестве массовой базы прежде всего мелкую буржуазию, а также дезориентированную часть рабочего класса»¹²⁵.

¹²² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 183.

¹²³ Там же. — С. 184.

¹²⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 36.

¹²⁵ Там же. — С. 36–37.

Полуфашистские режимы не всегда характеризуются «полным запретом деятельности всех оппозиционных организаций, внешней политикой, целиком подчиненной подготовке к новой мировой войне, и т.д. Они предполагают все менее ограничиваемое вмешательство государства в социальную и личную жизнь людей в интересах сохранения господства буржуазии, прежде всего монополистического капитала»¹²⁶. В данном случае речь идет «не об экономическом вмешательстве, границы которого в условиях капитализма, как правило, определяются интересами развития капиталистического хозяйства и соотношением классовых сил. Речь идет о подчинении государственному аппарату общественных институтов, таких, как парламент, органы самоуправления, буржуазные партии, профсоюзы, которые превращаются в прямые институты социального господства буржуазии»¹²⁷.

Авторитарный режим представляет собой «установление режима личной власти, резкое ослабление прерогатив парламентских и иных демократических институтов, попытку лавирования между различными классами при сохранении в общем и целом господства монополий»¹²⁸. Установление авторитарного режима подразумевает «реакцию монополистической буржуазии на революционное движение масс в условиях, когда соотношение сил в парламенте и других политических институтах все более складывается не в ее пользу. Неустойчивость правительства, его неспособность проводить эффективную политику используются в таких условиях как повод для установления режима "твердой власти"»¹²⁹.

К *отличным признакам авторитаризма*, в сравнении с одной стороны, от парламентского, а с другой от фашистского и полуфашистского, можно отнести «резкое усиление власти главы государства, выполняющего по сути дела функции и главы правительства, фактическое лишение парламента прерогатив контроля за политикой государства, ослабление институтов социаль-

¹²⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 37.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. — С. 38.

¹²⁹ Там же.

ной борьбы и давления на правительственную политику, приспособление избирательной системы к нуждам режима личной власти, и в частности использование референдумов для создания иллюзии единства народа с главой государства»¹³⁰. На практике такой режим характеризуется «усилением относительной самостоятельности государства по отношению не только к обществу, но и к экономически господствующему классу в целях сохранения и защиты существующей социальной системы»¹³¹.

Кроме того, авторитарный режим не обязательно приводит к «подчинению всего политического механизма (в том числе деятельности партий, профсоюзов, общественных организаций) государству: силы оппозиции ослаблены, но они имеют возможность объединиться для борьбы с режимом; парламентские институты еще продолжают сохраняться и могут сыграть свою роль в ликвидации авторитарной власти»¹³². Авторитарный режим в меньшей степени характеризуется «применением насильственных методов подавления социальных движений, здесь чаще используются социальная демагогия и компромиссы. Авторитарным государствам не в такой мере присущ иррационализм и явный произвол в политике, хотя насилие и произвол играют не последнюю роль»¹³³.

Парламентский режим — форма правления, при которой «создаваемый на основе всеобщего избирательного права парламент юридически выступает в качестве высшего органа власти и на деле располагает возможностью оказывать влияние на законодательство, политику, контролировать правительство»¹³⁴. При парламентском режиме государство может быть «республикой, в которой парламент формирует правительство и избирает главу государства; президентской республикой, в которой наряду с парламентом существует самостоятельно формируемая президентская власть; конституционной монархи-

¹³⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 38.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. — С. 39.

ей и др.»¹³⁵ Партийная система при парламентском режиме может подразделяться на «двухпартийные, биполярные и плюралистические. Глубинная характеристика парламентского режима не исчерпывается указанием на его разновидности. Она требует акцентировать внимание на главных, а не на сравнительно второстепенных атрибутах власти»¹³⁶. А также отличия между парламентской и президентской республикой не могут быть «признаны более важными, чем, например, между парламентарным и авторитарным режимами»¹³⁷.

Рассмотрев основные характеристики фашистского, полуфашистского, авторитарного и парламентского режимов, необходимо отметить, что кроме этих основных еще существуют промежуточные формы, которые совмещают черты разных политических режимов или могут находиться на стадий перехода от одних к другим.

Еще одним важным институтом политической системы являются *партии*. Они отличаются друг от друга различными признаками: «классовой сущностью и определяемыми ею политическими целями и идеологией, характером массовой базы и социальных связей, местом и ролью в политической системе, структурой, внутренним режимом и методами деятельности и т.д.»¹³⁸

Основными *критериями* для характеристики партий и составления их *типологии* являются: «социальная и классовая сущность партий, их идеология, программа, политические цели. Исходя из этих критериев можно эффективно исследовать структуру партий, их устройство, методы деятельности. При таком подходе анализ организационных форм партий, механизма выдвижения лидеров, места партийных функционеров, политического и правового статуса партии и т.п. будет дополнять и углублять их классовую характеристику»¹³⁹.

¹³⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 39.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 205.

¹³⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 50.

Политические партии можно разделить на:

- 1) с точки зрения социальной сущности — «буржуазные, мелкобуржуазные, пролетарские, полупролетарские»¹⁴⁰;
- 2) с точки зрения политических целей и идеологии — «праворадикалистские (фашистские), консервативные, буржуазно-либеральные, буржуазно-реформистские, социал-демократические, лево-социалистические, коммунистические»¹⁴¹;
- 3) с точки зрения внутренней структуры — «военизированные, автократические, демократические»¹⁴²;
- 4) с точки зрения выполняемых функций и места в политической системе — «властвующие, правящие и оппозиционные»¹⁴³.

Данные критерии позволяют определить «достаточно всесторонние и конкретные характеристики различным партийным институтам, не упуская в то же время главного — их социальное содержание»¹⁴⁴.

На *формирование партийной системы* влияет ряд факторов. Партийные системы определяются «не только классовым составом населения, но и историческими традициями, политической культурой масс, национальным составом населения, его религиозными представлениями и т.д. Определенное влияние на партийную систему оказывает также характер существующей избирательной системы: например, пропорциональная система представительства нередко связана с многопартийностью, а мажоритарная с одним туром голосования — с двухпартийной системой»¹⁴⁵.

Политический режим также влияет на роль партии в политической системе. *Фашистский режим* предполагает «господство одной — фашистской — партии, которая становится над государством и служит прямо и непосредственно орудием монополий в целях обеспечения их господства. Другие пар-

¹⁴⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 206.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. — С. 206–207.

¹⁴³ Там же. — С. 207.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

тии исключаются из политической жизни; революционные и оппозиционные партии распускаются, преследуются»¹⁴⁶. При фашизме происходит «подчинение государства партийному механизму, сращивание... партийного и государственного аппарата, вмешательство... партии во все сферы общественной жизни»¹⁴⁷.

Полуфашистский режим характеризуется «неконституционным возвышением фашистской или полуфашистской партии либо военной группировки, выражающей интересы монополистического капитала, хотя здесь не исключается существование в полузадушенном состоянии других политических объединений, а партийный механизм не обязательно возвышается над государственным или сращивается с ним. Правящая верхушка может осуществлять свою власть при посредстве государственных органов»¹⁴⁸.

Авторитарный режим характеризуется «возвышением лидера, который контролирует положение в поддерживающей его партии и с ее помощью пытается формировать массовую опору власти путем непосредственного обращения к народу или другими методами. Здесь сохраняются прочие, в том числе оппозиционные, партии, однако их роль в государстве в принципе сводится на нет посредством резкого ослабления значимости парламентских институтов и трансформации избирательной системы»¹⁴⁹.

Более того, структура партийной системы может определяться: «степенью зрелости классового сознания основных социальных групп, соотношением классовых сил, историческими традициями, формами и методами борьбы внутри правящих классов, методами господства монополистического капитала и т.д. В результате партийная система отражает как противоречия между классами, так и противоречия, и конкурентную борьбу в пределах одних и тех же классов»¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 51.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. — С. 52.

¹⁵⁰ Там же.

Таким образом, в параграфе обоснован вывод о том, что Ф.М. Бурлацкий внес определенный вклад в политическую науку, показав и доказав, что, те или иные сложившиеся партийные системы определяются не только классовым составом населения страны, но и историческими традициями, политической культурой масс, национальным составом населения, его религиозными представлениями.

§3. Международные отношения

Современные отечественные исследования феномена *международных отношений*¹⁵¹ опираются не только на работы зарубежных политологов, но и

¹⁵¹ См.: *Косолапов Н.А.* Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа (введение в теорию) // *Мировая экономика и международные отношения.* — 1998. — № 4. — С. 59–70; *Косолапов Н.А.* Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования // *Мировая экономика и международные отношения.* — 1998. — № 5. — С. 98–108; *Косолапов Н.А.* Субъекты мировой политики и международных отношений: явление, критерии, основы типологии // *Мировая экономика и международные отношения.* — 1998. — № 12. — С. 123–134; *Косолапов Н.А.* Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения.* — 1999. — № 3. — С. 64–73; *Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю.* Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // *Полис. Политические исследования.* — 1999. — № 4. — С. 130–140; *Косолапов Н.А.* Международные отношения и мировое развитие // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2000. — № 2. — С. 104–112; *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. — 380 с.; *Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // *Международные процессы.* — 2004. — Т. 2. — № 4. — С. 16–33; *Лебедева М.М.* Предметное поле и предметные поля мировой политики // *Международные процессы.* — 2004. — Т. 2. — № 5. — С. 97–108; *Лебедева М.М.* Проблемы развития мировой политики // *Полис. Политические исследования.* — 2004. — № 5. — С. 106–113; *Мельвиль А.Ю.* Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // *Полис. Политические исследования.* — 2004. — № 5. — С. 114–119; *Ильин М.В.* Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // *Полис. Политические исследования.* — 2004. — № 5. — С. 120–130; *Чихарев И.А.* Многомерность мировой политики (К современным дискуссиям) // *Полис. Политические исследования.* — 2005. — № 1. — С. 161–172; *Косолапов Н.А.* Мировая политика как явление и предмет науки (К дискуссии на страницах «Полиса» и «Международных процессов») // *Полис. Политические исследования.* — 2005. — № 6. — С. 92–109; *Цыганков П.А.* Мировая политика и ее содержание // *Международные процессы.* — 2005. — Т. 3. — № 7. — С. 53–65; *Баталов Э.Я.* Антропология международных отношений // *Международные процессы.* — 2005. — Т. 3. — № 8. — С. 4–16; *Косолапов Н.А.* Исследования международных отношений: логика идей, интересов, политики // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2006. — № 4. — С. 93–99; *Лебедева М.М.* Мировая политика: тенденции развития // *Полис. Политические исследования.* — 2009. — № 4. — С. 72–83; *Цыганков П.А.* Негосударственные участники мировой политики // *Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer.* — 2013. — № 9 (284). — С. 5–17; *Цыганков П.А.* Системный подход в теории международных отношений // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2013. — № 5. — С. 3–25; *Цыганков П.А.* «Международные отношения и мировая политика». Консолидация учебно-научной дисциплины? // *Международные процессы.* — 2013. — Т. 11. — № 34. — С. 6–20; *Цыганков П.А.* Политическая динамика современного мира: теория и практика. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 576 с.; *Лебедева М.М.* Российские международные исследования: возможный вклад в развитие общемировой науки. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология, Международные отношения.* — 2015. — № 2. — С. 83–95; *Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // *Международные процессы.* — 2015. — Т. 13. — № 41. — С. 35–54; *Дегтерев Д.А., Истомина И.А.* Системное моделирование международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2015. — Т. 59. — № 11. — С. 17–30; *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* Что происходит с теориями международных отношений // *Полис. Политические исследования.* — 2016. —

на наследие советских ученых. В данном параграфе более детально рассмотрим определение и основные характеристики международных отношений в творчестве Ф.М. Бурлацкого.

Для понимания современных явлений в международных отношениях и мировой политике, отмечает Ф.М. Бурлацкий, необходимо использовать подход политической науки, «основанный на использовании социологических методов, и прежде всего системного анализа. Он позволяет исследовать взаимодействие всех элементов и сил, участвующих в международной жизни и влияющих на ее общее течение, реальные ситуации, позиции и цели участников международных отношений, характер и источники конфликтов, их реальное значение, социально-психологические факторы, определяющие позиции тех, кто принимает решения, и т.д.»¹⁵²

Политическая наука исследует политическую власть, и, в частности, государство¹⁵³. Именно государство является «основным компонентом системы международных отношений. Поэтому политическая наука может внести более значительный, чем другие, вклад в разработку основных категорий и понятий, позволяющих интегрировать и систематизировать данные о международных отношениях, и, следовательно, создать их теоретический остов. Исследование

№ 1. — С. 29–43; *Баталов Э.Я.* Новая институционализация мировой политики // *Международные процессы*. — 2016. — Т. 14. — № 1 (44). — С. 6–25; *Пялис Я.А.* Новый мир и новые международные отношения // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. — 2016. — № 1. — С. 6–19; *Торкунов А.В.* Прошлое и будущее международно-политических исследований // *Международные процессы*. — 2016. — Т. 14. — № 1 (44). — С. 77–85; *Цыганков П.А.* Социологическая трактовка международных отношений // *Международные процессы*. — 2016. — Т. 14. — № 4 (47). — С. 162–165; *Цыганков П.А.* Социологические термины и подходы в анализе международных отношений // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. — 2016. — № 4. — С. 28–37; *Лебедева М.М., Харкевич М.В.* Теория международных отношений в зеркале современных российских исследований // *Вестник МГИМО-Университета*. — 2016. — № 5 (50). — С. 7–19; *Цыганков П.А.* Теория международных отношений: внешние вызовы и российское понимание своего пути // *Вестник Поволжского института управления*. — 2016. — № 6 (57). — С. 79–85; *Алексеева Т.А.* Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // *Сравнительная политика*. — 2017. — Т. 8. — № 4. — С. 30–41; *Алексеева Т.А., Дегтерев Д.А.* Международные отношения: спор о науке и методе // *Вестник Российской академии наук*. — 2017. — Т. 87. — № 9. — С. 848–857; *Богатуров А.Д.* Международно-политический анализ. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 208 с.; *Дегтерев Д.А.* Формализованные модели в международно-политической науке // *Полис. Политические исследования*. — 2017. — № 4. — С. 33–48; *Лебедева М.М.* Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. — 2017. — Т. 17. — № 2. — С. 246–256; и др.

¹⁵² *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 286.

¹⁵³ См.: *Бурлацкий Ф.М.* Государство и коммунизм. — М.: Соцэкгиз, 1963. — 247 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Ленин. Государство. Политика. — М.: Наука, 1970. — 522 с.

этих проблем, разработка категорий и понятий на уровне политической теории способствуют обобщению огромного эмпирического материала, который накапливается различными науками, изучающими международные отношения, более глубокому анализу международной жизни и прогнозированию ее тенденций»¹⁵⁴.

Поэтому можно выделить следующие уровни исследования международных отношений, основанных на комплексном подходе:

- «накопление конкретных данных, характеризующих те или иные события, ситуации, действия, соглашения»¹⁵⁵;
- «обобщение и интерпретация этих данных в рамках различных наук: исторической, экономической, социально-психологической и др.»¹⁵⁶;
- «формулирование основных категорий, понятий, законов международной жизни»¹⁵⁷.

По мнению Ф.М. Бурлацкого в 1970–1980-х гг. была необходима разработка фундаментальных основ теории международных отношений, так как международная проблематика является в той или иной мере предметом исследования различных отраслей общественной науки. В основу теории международных отношений (ТМО) могут войти:

- «понятие системы международных отношений и ее генезиса;
- экономические, социальные, культурные факторы и закономерности развития международных отношений;
- роль национальных интересов в формировании мировой политики и международного права;
- равновесие сил и мирное сосуществование государств с различным социальным строем...
- социально-экономическая природа войн и возможность предотвращения

¹⁵⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 286.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. — С. 286–287.

¹⁵⁷ Там же. — С. 287.

- мировой термоядерной войны в современную эпоху;
- интернационализация, интеграция и проблема суверенитета;
 - национализм и его влияние на международное развитие;
 - гегемонизм и агрессия...
 - проблемы и перспективы ограничения гонки вооружений;
 - методы разрешения конфликтов и профилактика проблемных ситуаций;
 - глобальные проблемы современности и пути укрепления всеобщего мира^{158»159}.

Международные отношения, являясь системой, проявляют тенденции к самосохранению и развитию. Самосохранение реализуется «через формирование устойчивого равновесия сил»¹⁶⁰. Развитие осуществляется «в результате количественных и качественных изменений в политике, экономике, социальных отношениях, науке и технике, нарастающего влияния масс на международную политику. Правильно и своевременно оценить эти изменения и на этой основе определить объективно складывающееся в мире соотношение сил — значит приобрести возможность с большей степенью вероятности прогнозировать ход международных событий. Нет нужды доказывать, насколько это важно и для решения практических задач внешней политики, и для ориентации общественного мнения»¹⁶¹. Теоретический подход к международным отношениям, «включающий оценку их состояния и перспектив с учетом реального соотношения сил, составляет прочную основу для научного решения глобальных проблем современности: сохранения и упрочения мира, преодоления голода и нищеты, защиты окружающей среды, ликвидации отсталости и т.д.»¹⁶²

Рассмотрение любой совокупности в качестве системы, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, порождает два комплекса проблем: «один, связанный с про-

¹⁵⁸ См.: *Burlatsky F.M. Planning of World Peace: Utopia or Reality*. Brussels, International Political Science Association, 1971. 37 p.; *Burlatsky F.M. and Gaddy Cl. Systems Analysis of World Politics and the Planning of Peace*. International Journal of Politics. Vol. 3. no. 4. Soviet Views on World Affairs (Winter 1973–74). pp. 13–29. URL: <http://www.jstor.org/stable/27868781>

¹⁵⁹ *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма*. — М.: Мысль, 1985. — С. 287.

¹⁶⁰ *Там же*. — С. 288.

¹⁶¹ *Там же*.

¹⁶² *Там же*.

цессами внутри нее, и другой, который порождается ее отношениями со средой. Применительно к рассматриваемому объекту указанные комплексы обретают форму закономерностей функционирования и развития международных отношений как таковых, с одной стороны, и взаимосвязи между этими отношениями и экономическим, социальным и политическим развитием на национальном (государственном), региональном и глобальном уровнях — с другой»¹⁶³. Однако данное разделение на комплексы является условным, так как на «эмпирическом уровне существует тесная связь между функционированием и развитием международных отношений и совокупностью воздействий, идущих к ним от среды и обратно. Подчас бывает трудно определить, к какому из двух комплексов следует отнести тот или иной фактор, ту или иную ситуацию. Однако в интересах анализа условное выделение обоих комплексов оправданно, ибо оно открывает дополнительные возможности для изучения тех связей, которые в реальной жизни неразрывны. При этом важно помнить, что любое членение живой ткани общественного процесса носит в большей или меньшей мере теоретический характер»¹⁶⁴.

При обращении к конкретике неизбежно столкновение с методологической проблемой выбора системообразующих связей, или, другими словами, «основной, базовой системы. Разумеется, с формальной точки зрения системой можно считать любой целостный комплекс взаимосвязанных элементов, образующих особое единство со средой. Системному анализу поддается и отдельная ситуация, и региональное объединение и т.д. Но если принять за базовую систему лишь часть международных отношений, то в роли среды данной системы будут выступать явления, события и действия, как правило сами являющиеся частью международных отношений»¹⁶⁵.

Такой подход при исследовании конкретных случаев позволяет «проана-

¹⁶³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 240.

¹⁶⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 291–292.

¹⁶⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 241.

лизировать варианты развития событий, действия заинтересованных сторон, облегчить поиски оптимального решения. Однако в более широком плане подобный подход таит в себе серьезную опасность, так как может ограничить исследование преимущественно дипломатической сферой, привести к забвению экономической и социальной обусловленности международных процессов»¹⁶⁶. Данное ограничение можно преодолеть, если в качестве базовой, исходной системы будет выступать *совокупность международных отношений* — «вся система связей, образующая *мировую политику*, под которой мы понимаем общую линию международного развития, складывающуюся под воздействием классовой борьбы на международной арене, национальных политик и исторических традиций»¹⁶⁷. В данном случае в качестве *среды* будут «фигурировать импульсы, поступающие в международную сферу через внутриполитические механизмы национальных государств. Такой выбор системы позволяет проследить воздействие основных факторов, определяющих формирование и развитие внешнеполитических интересов, а также подоплеку конкретных внешнеполитических акций, которые в конечном счете определяют политическую реальность международных отношений»¹⁶⁸.

Поэтому выделение совокупности международных отношений в качестве исходной системы является наиболее приемлемым способом исследования воздействия на «эти отношения первичных общественных процессов, происходящих в материальном базисе и политической надстройке каждой конкретной страны»¹⁶⁹. Ключевым понятием ТМО является понятие *динамичной международной системы*. Это означает, что международные отношения следует рассматривать «не в статике, а в динамике, поскольку сами они представляют собой поток деятельности различных организаций, социальных групп и инди-

¹⁶⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 292.

¹⁶⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 241.

¹⁶⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 292.

¹⁶⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 241.

видов на внешней арене в каждый данный момент. Вместе с тем система не просто поток действий. Это одновременно и поле, на котором сталкиваются самые разнообразные силы, в том числе и полярно противоположные»¹⁷⁰. Динамическая международная система — это «воплощение закона единства и борьбы противоположностей. Как и всякая система, международные отношения имеют определенный структурный каркас, под которым мы понимаем наиболее устойчивые связи, также находящиеся в движении, но подверженные сравнительно медленной и малозаметной эволюции. К структурным элементам относятся прежде всего международные организации, например ООН, ЮНЕСКО, НАТО, Варшавский Договор, и международно-правовые нормы, например Устав ООН, Заключительный акт в Хельсинки, Договор о нераспространении ядерного оружия и т.п.»¹⁷¹

Международная динамическая система — «совокупность компонентов — участников международных отношений, между которыми существуют устойчивые связи, зависимости, отношения»¹⁷². Несмотря на существование взаимосвязи внутренней и внешней политики в каждом государстве, внутренняя политика в отличие от внешней не входит в международную систему. Смысл заключается в том, что «внутренняя политика государства лишь в конечном счете определяет его внешнюю политику и только через нее может оказывать влияние на международную систему. Другими словами, она влияет на внешнюю политику опосредованно, именно через те компоненты, которые входят в международную систему»¹⁷³.

Однако данное определение является весьма условным. Поэтому поиск «основных единиц измерения системы международных отношений, ее границ, как и вычленение предмета теории международных отношений, вызывает непрекращающиеся споры между специалистами»¹⁷⁴. Преодоление данных споров

¹⁷⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 293.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. — С. 294.

видится «не в формулировании законченных дефиниций, которые всегда будут неполными, а в выяснении содержания компонентов международной системы, и прежде всего ее основных составляющих, а также в определении сути внешней среды»¹⁷⁵.

Существует *два подхода*, отмечает Ф.М. Бурлацкий, к вопросу об основном компоненте международной системы: «Одни политологи называют таким компонентом государство, другие — нацию. По нашему мнению, подход к государству как основной единице международных отношений является наиболее продуктивным. Эту точку зрения так или иначе разделяет большинство историков международных отношений»¹⁷⁶.

Государство — «единственный общенациональный институт, имеющий полномочия осуществлять внешнюю политику, участвовать в отношениях с другими государствами и международными организациями, заключать договоры, объявлять войну и мир и т.д.»¹⁷⁷ Другой подход — «рассматривать в качестве основного компонента системы международных отношений не государство, а нацию»¹⁷⁸. Такой подход обусловлен «необходимостью расширить представления о действительных факторах влияния на международную систему и ее основных участников. Дело в том, что по своему содержанию международные отношения — это отношения не только между государствами, но и между народами. Например, культурные влияния далеко не всегда являются институционализированными и поддаются государственному контролю. Кроме того, на международные отношения в ряде случаев оказывают определенное влияние национальные общности, не имеющие своей государственности»¹⁷⁹.

Принятие понятия «*нация*» в качестве основного компонента международной системы создает трудности для ее анализа, так как нация является «менее определенным феноменом, чем государство. Наций в этническом

¹⁷⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 294.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

смысле существует во много раз больше, чем государств. Поэтому признание наций в качестве самостоятельного субъекта международных отношений могло бы серьезно затруднить международную практику. В частности, возникла бы достаточно сложная проблема их представительства в международных организациях, их права на международную правовую защиту и т.д.»¹⁸⁰ В случае юридической трактовки «нации», «вводя понятие нации-государства, дело сводится фактически к игре слов: на место государства ставится нация»¹⁸¹.

Ограничения обоих подходов можно преодолеть, если, с одной стороны, «наряду с основными компонентами системы международных отношений выделять и неосновные»¹⁸², а с другой — «в качестве основного компонента рассматривать именно политическую систему, и прежде всего государство»¹⁸³. Такое разграничение дает основания трактовать «в качестве неосновных, но активных элементов системы международных отношений также нации, добившиеся государственного суверенитета, различные международные движения, организации и т.п. К неосновным компонентам следует отнести и транснациональные корпорации, оказывающие заметное влияние не только на мировой рынок, но и на развитие международных отношений, особенно в освободившихся странах»¹⁸⁴.

Выделение в качестве основного компонента системы международных отношений политической системы и, прежде всего, государства обусловлено следующими причинами:

- 1) «в этом случае подчеркиваются значение государства как основного института национальной политической системы, его особая роль в международных отношениях»¹⁸⁵;
- 2) «вводя понятие политической системы — более широкое по сравнению с государством, — мы включаем в международную систему в качестве

¹⁸⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 295.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

ее главного компонента не только само государство, но и целый ряд других важных институтов»¹⁸⁶.

В итоге, выход в сферу международных отношений получают почти все группы элементов политической системы: «политические организации, политические и правовые нормы, политическое сознание и культура, политические отношения. Таким образом, указание на политическую систему как основную единицу системы международных отношений ни в коей мере не затушевывает значения государства как проводника национальной внешней политики, главного участника процесса международной жизни»¹⁸⁷.

Применение системного подхода к международным отношениям предполагает «не только выделение элементов самой системы, но и раскрытие движущих сил и механизма ее взаимодействия с внешней средой. Это теоретическое соображение подкрепляется реальной политической практикой»¹⁸⁸. Внешней средой по отношению к политической системе является «не международная сфера, не политические системы других наций и народов, а экономическая и социокультурная системы каждого данного общества. Точно так же средой для системы международных отношений служат мировая экономика и социокультурная сфера. При этом понятие мировой экономики следует отличать от понятия международных экономических отношений. Последние входят в систему международных отношений, тогда как мировая экономика в эту систему не входит. Она представляет собой сумму всех экономических потенциалов с учетом всего разнообразия уровней национальных экономик»¹⁸⁹.

Взаимодействие мировой экономики и мировой политики является одной из важнейших проблем ТМО. Наглядным примером влияния экономики на международную систему выступает научно-техническая революция (НТР): «именно она придала этой системе глобальный характер, стимулировав развитие коммуникаций между государствами и резко повысив интенсивность меж-

¹⁸⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 295.

¹⁸⁷ Там же. — С. 295–296.

¹⁸⁸ Там же. — С. 296.

¹⁸⁹ Там же.

дународной, в том числе дипломатической, деятельности. Обеспечив колоссальный прогресс производительных сил, она открыла возможность не только для социального прогресса народов земного шара, но и для активного участия их в решении мировых проблем»¹⁹⁰.

Одновременно с положительным эффектом развивался и негативный: «на основе достижений научно-технической революции было создано оружие массового уничтожения, поставившее перед человечеством проблему выживания. Это оказало многоплановое воздействие на систему международных отношений, выдвинув в качестве глобальной задачи предотвращение мировой термоядерной войны. Научно-техническая революция выдвинула на первый план ряд других общечеловеческих проблем, в том числе экологическую, энергетическую, демографическую и т.п.»¹⁹¹

Системный анализ международных отношений также подразумевает установление ее целей. Формально цель международных отношений зафиксирована «в ряде международно-правовых документов, в частности в Уставе ООН. Она в конечном счете определяется как стремление к обеспечению мира, безопасности, сотрудничеству и созданию благоприятных условий для прогресса всех народов. Хотя эта цель определена, так сказать, волевым порядком, в ней в какой-то мере намечена и объективная цель международных отношений. Очевидно, что эта цель обуславливается интересами человечества как целого. С точки зрения как биологической, так и социальной оно заинтересовано в том, чтобы выжить, развивать свой род и обеспечивать ему все большее процветание. Иначе говоря, сохранение рода человеческого и создание наиболее благоприятных условий для развития составляющих его обществ и индивидов и составляет объективную цель системы международных отношений»¹⁹².

Однако из этого не следует, что данная цель определяет закономерность

¹⁹⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 296–297.

¹⁹¹ Там же. — С. 297.

¹⁹² Там же.

развития международной системы: в данном случае цель и закономерность не совпадают. Закономерности развития системы международных отношений определяются «борьбой различных общественных сил, преследующих различные цели и интересы. Социальный прогресс — это не интегративная цель всех национальных государств, а тем более всех классов современного сообщества. Объективная цель есть абстракция, с одной стороны, и определенная договоренность между национальными государствами — с другой»¹⁹³. Законы развития системы международных отношений могут быть исследованы «на основе анализа действительных тенденций, противоборства социальных и политических сил — словом, с учетом всей многоплановой социальной реальности. Цель в данном случае определяется как идеальная модель, выведенная из общих требований системы международных отношений. Прогрессивные политические и социальные силы добиваются наиболее полного осуществления этой модели, в то время как консервативные, реакционные силы противодействуют этому»¹⁹⁴.

Основными *параметрами* системы международных отношений являются следующие взаимосвязанные категории и понятия: «стабильность — неустойчивость, равновесие — неравновесие, эффективность — неэффективность, интеграция — дезинтеграция, стихийное развитие — планируемое развитие, правовое регулирование — произвол и т.д.»¹⁹⁵ Отличительная черта международной системы — эффективность или способность «содействовать социальному и экономическому прогрессу. Устойчивость и эффективность находятся в сложной взаимосвязи: они могут и содействовать, и противоречить друг другу. К категориям, характеризующим глобальную систему, относится и мировая политика, представляющая собой равнодействующую борьбы и сотрудничества национальных политических систем»¹⁹⁶.

Выделение совокупности международных отношений, подчеркивает Ф.М.

¹⁹³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 297–298.

¹⁹⁴ Там же. — С. 298.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. — С. 298–299.

Бурлацкий, в качестве исходной системы, в то же время, не исключает системного подхода к международным процессам на «региональном и ситуационном уровнях. Региональные и ситуационные системы выступают в этом случае как подсистемы, или элементы, общей системы международных отношений и изучаются в этом качестве. При таком ранжировании возможность переоценки важных, но по своему значению вторичных или даже третичных факторов сводится к минимуму»¹⁹⁷.

Исследование международных отношений в качестве целостного комплекса взаимосвязанных элементов позволяет «всесторонне и содержательно рассмотреть совокупность отношений между этой системой и окружающей средой. Поскольку речь идет о системе отношений, то в роли среды выступают тоже отношения, но складывающиеся в другой сфере: не межгосударственной, а национальной»¹⁹⁸. Поэтому проблема *взаимодействия системы и среды* — «проблема *влияния реальной ситуации* в отдельных странах и группах стран на международные отношения и, соответственно, международных отношений на положение в каждой стране. При этом реальная ситуация должна пониматься расширительно — как результат взаимодействия экономических, социальных и политических процессов»¹⁹⁹.

Другой комплекс идущих от среды к системе международных отношений импульсов связан с активностью *народных масс*. Участие в мировых событиях народных масс во многом определяется достижениями НТР:

- 1) «существенно повышается заинтересованность народных масс в решении международных проблем, от которых зависит их будущее»²⁰⁰;
- 2) «в связи с созданием орудий массового уничтожения и концентрацией власти в руках военно-политической элиты возникает потребность в новых формах воздействия на политическую сферу, имеющих целью ре-

¹⁹⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 299.

¹⁹⁸ Там же. — С. 304.

¹⁹⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 248.

²⁰⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 307.

шение коренных проблем: прекращение гонки вооружений, ослабление влияния на политику военно-промышленных комплексов, борьба с наиболее агрессивными социальными группами правящих классов»²⁰¹.

Само воздействие импульсов, идущих от среды к системе, может происходить с помощью различных каналов: *непосредственных* и *опосредованных*. Например, «социальная революция, которая зачастую связана с коренной внешнеполитической переориентацией, прямо воздействует на систему международных отношений еще до того, как эта переориентация нашла свое выражение в конкретных внешнеполитических решениях. Такое же влияние оказывают успехи социальных преобразований в рамках страны или группы стран, если они имеют международное значение и получили широкий резонанс... Непосредственно влияют на международные отношения и массовые движения, выдвигающие внешнеполитические требования, особенно если эти движения выходят за рамки отдельных стран. Возможно также прямое воздействие на международные отношения затяжного политического кризиса в стране, обладавшей до этого значительным весом при решении внешнеполитических вопросов и т.д.»²⁰²

Примером опосредованного канала служит внешняя политика государства: «В ее сфере формируются внешнеполитические цели и определяется совокупность внешнеполитических действий по их реализации. Поэтому одной из важнейших задач теории международных отношений является изучение процесса прохождения импульсов через этот канал и искажений, которым они при этом подвергаются. Важнейшую роль в данном процессе играет институциональный механизм, который формулирует внешнеполитические цели, намечает пути их достижения и осуществляет конкретные внешнеполитические действия. Структура такого механизма может быть различной, однако в любом случае он включает в свой состав инстанции, подготавливающие, при-

²⁰¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 307.

²⁰² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 253.

нимающие и реализующие внешнеполитические решения»²⁰³.

Процесс формулирования, принятия и реализации внешнеполитических решений можно исследовать двумя способами: путем анализа его нормативных параметров и путем моделирования. Первый способ заключается в том, что «эмпирически (на основании анализа сформулированных и принятых прежде решений, оказавшихся успешными с точки зрения заданных целей, или путем опроса экспертов) выявляются каналы поступления информации, уровни ее использования, ее минимально необходимый объем на каждом из этих уровней, методы оценки и взвешивания информации, разработки альтернатив, их сопоставления, уровни подготовки и принятия решений, наиболее эффективные механизмы их реализации. На основании полученных данных разрабатываются теоретические модели принятия внешнеполитических решений, которым придаются эмпирически выявленные численные значения. Опираясь на эти модели, проигрываются гипотетические ситуации»²⁰⁴.

Проектирование моделей принятия внешнеполитических решений, отмечает Ф.М. Бурлацкий, осложняется рядом специфических обстоятельств: «Сама ситуация является более сложной. Широкий круг целей и планов увеличивает диапазон возможных толкований обстановки. Повторение ситуации сравнительно редко, а возможность экспериментальной проверки практически отсутствует. Значителен также разрыв во времени между возникновением проблемной ситуации и полным раскрытием ее значения. Изменение эффективности результатов решения существенно затруднено. Источники информации являются более обширными и менее надежными. Принятие решений зачастую происходит в острой обстановке, в условиях резкого ограничения во времени»²⁰⁵.

Однако данный подход, открывая возможности для использования «математических методов: теорий игр, информации, графов, линейного, динамиче-

²⁰³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 309–310.

²⁰⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 253–254.

²⁰⁵ Там же. — С. 254.

ского и эвристического программирования и т.д., дает полезные практические результаты... В то же время он не в состоянии выявить основные социальные механизмы формулирования, подготовки, принятия и реализации внешнеполитических решений. Эта задача может быть решена только путем исследования не нормативного, а реального социального процесса преобразования импульсов, идущих от среды к системе»²⁰⁶.

Внешнеполитические решения формулируются, принимаются и реализуются «под давлением различных социальных сил и зависят в конечном счете от их соотношения. Кроме того, немаловажную роль играют качество и объем поступающей информации, ее правильная интерпретация, уровень отработанности механизма выработки альтернатив и их адекватной оценки»²⁰⁷. Также учитываются, прежде всего, интересы правящего класса, «связанные с сохранением созданной им социально-экономической системы. Однако, поскольку господствующий класс далеко неоднороден, при подготовке и принятии конкретных внешнеполитических решений большое значение приобретает учет интересов его более или менее влиятельных фракций. Он осуществляется либо путем оценки силы и значения этих групп инстанцией, принимающей внешнеполитические решения, либо под влиянием групп давления, которые действуют через политическое представительство в законодательных органах и в правительстве, через систему лоббизма и при помощи формирования или имитации общественного мнения. В конечном счете при несовпадении внешнеполитических интересов отдельных групп правящего класса целевые установки в области внешней политики формулирует та его часть, которая имеет больший доступ к механизму власти»²⁰⁸.

Более того, принимающей решения инстанции, особенно если это политический уровень, приходится учитывать «интересы и позиции социальных

²⁰⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 254.

²⁰⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 311.

²⁰⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 255.

слоев и групп, не входящих в состав господствующего класса, но важных с точки зрения сохранения его господства»²⁰⁹. Происходят и совсем другие ситуации, когда на определенный промежуток времени в конкретных вопросах внешнеполитические интересы различных социальных групп могут идти параллельно или даже совпасть. Но более распространены ситуации, когда значительная масса людей недостаточно четко осознает свои действительные интересы (мнимое совпадение).

Внешнеполитические *цели и решения*, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, отражают «не национальные интересы, а интересы господствующего класса или правящих групп, которые его представляют. При этом большую роль в процессе формулирования целей и принятия решений приобретает личностный элемент, поскольку важнейшие внешнеполитические решения принимаются сравнительно небольшим кругом лиц»²¹⁰. Иногда личностный элемент возрастает до такой степени, что «коллизия социальных интересов выливается в закулисную игру, смахивающую на придворные интриги. Объяснение принятых решений, выносимых на суд общественности, носит в этих случаях чисто маскировочный характер»²¹¹.

Отдельно Ф.М. Бурлацкий останавливается на том, что сформулированные цели и принятые решения могут существенно корректироваться в ходе их реализации: «Среди субъективных факторов реализации внешнеполитических целей и решений особого внимания заслуживает непосредственный механизм такой реализации — аппарат внешнеполитической службы. По мере расширения значения внешней политики и международных отношений сфера действия и численность этого аппарата непрерывно возрастают»²¹².

При исследовании *влияния среды на систему международных отношений* необходимо анализировать не только характер, но и *силу воздействия* посту-

²⁰⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 255.

²¹⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 313.

²¹¹ Там же.

²¹² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 257.

пающих импульсов. *Силу воздействия* во многом *определяет международный авторитет* или вес государства. Этот авторитет может основываться на экономических, политических, военных и других факторах. Поэтому анализ соотношения сил предполагает «учет и измерение всех этих факторов в динамике и во всех их противоречиях. Например, немалое значение имеет моральный потенциал, который выступает в международных отношениях и как фактор реальной политики. Высокий моральный престиж определяет высокий уровень доверия со стороны союзников и возможных партнеров, помогает укреплять безопасность, обеспечивает не только моральную, но и материальную поддержку в критические моменты»²¹³. Также международный вес государства зависит от профессионализма во внешней политике: «Правильная оценка соотношения сил, умение точно определить позицию в сложных ситуациях, распознать друзей и противников могут частично компенсировать недостаток силы»²¹⁴.

Ф.М. Бурлацкий фокусирует внимание на том, что взаимодействие между средой и системой международных отношений не является односторонним, то есть предполагает «наличие импульсов, идущих не только от среды к системе, но и от системы к среде. При этом воздействие последних тем сильнее, чем неустойчивее социально-политическая ситуация и политические институты в том или ином государстве»²¹⁵.

Возвратимся к вопросу о воздействии международных отношений на внутреннюю политику. Оно может проявляться следующим образом: «Обострение внешнеполитической напряженности, как правило, приводит к укреплению позиций наиболее крайних, экстремистских сил. Политические движения, выступающие за агрессивную политику, получают в этих условиях возможность опереться на более широкую массовую базу. Ссылки на внешнюю угрозу служат дополнительным аргументом в пользу "жесткого" внут-

²¹³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 316.

²¹⁴ Там же. — С. 317.

²¹⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 261.

риполитического курса. Напротив, разрядка международной атмосферы, позитивное решение внешнеполитических конфликтов содействуют укреплению политических движений, выступающих за миролюбивую политику и прогрессивное, демократическое развитие внутри страны»²¹⁶.

Значительно сильнее воздействие внешнеполитических импульсов на внутреннюю политику в кризисных ситуациях: «при возникновении угрозы военных столкновений большого масштаба, в обстановке войны, в условиях поражения. Вначале война, даже явно несправедливая, особенно если она сопровождается первыми успехами, вызывает подъем националистических и даже шовинистических настроений, на которых паразитируют заинтересованные политические силы»²¹⁷. Однако продолжительные военные действия, «возрастание объема жертв и бедствий, поражения вызывают отрезвление, подъем антивоенных, революционных настроений»²¹⁸.

Воздействие импульсов, идущих от системы к среде, также может происходить с помощью *непосредственных* и *опосредованных каналов*. Непосредственное влияние может оказываться на «социально-психологические и идеологические процессы. Определенное международное событие вызывает соответствующую массовую реакцию, превращающуюся в фактор внутривнутриполитической жизни»²¹⁹.

Опосредованное воздействие внешнеполитических импульсов чаще оказываться на *экономические* и *социальные процессы*. К примеру «возникновение конфликтной ситуации может иметь своим результатом решение правительства увеличить расходы на вооружение. Такое решение окажет отрицательное воздействие на социальные условия существования населения через механизм налогообложения, инфляционные процессы и т.д., что отразится и в сфере политики»²²⁰. Однако повышение военных расходов может «временно

²¹⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 261.

²¹⁷ Там же. — С. 262.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же. — С. 263.

²²⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 319.

взбодрить оказавшуюся в состоянии застоя экономику и создать иллюзию улучшения ситуации. Выйдя за определенные рамки, расширение затрат на вооружение окажет гнетущее воздействие на национальное хозяйство. В таком случае последствия для экономики принимают негативную форму»²²¹.

Аналогичен и механизм, фильтрующий и опосредующий импульсы, идущие от системы к среде, принципу прохождения импульсов от среды к системе: изменяются только некоторые функции его отдельных звеньев: «Аппарат реализации внешнеполитических решений (дипломатическая служба) выступает в данном случае как приемник и первичный фильтр внешней информации. Звенья, формулирующие внешнеполитические решения, играют роль ее анализатора и оценщика. Инстанции, принимающие решения, выступают в своей прежней роли, однако принимают или определяют решения уже не только во внешнеполитической, но и во внутривнутриполитической областях»²²².

В этом случае действуют схожие социальные закономерности, что и «при прохождении импульсов от среды к системе. Социально обусловленные предпочтения сказываются еще на уровне первичного отбора информации. Они оказывают решающее воздействие при ее оценке и в значительной степени определяют принятые решения»²²³.

В итоге, исследование импульсов, идущих от системы международных отношений к среде, и наоборот, формируют фундамент для формализации процесса их взаимодействия.

Таким образом, в параграфе обоснован вывод о том, что, по мнению Ф.М. Бурлацкого, политическая наука позволит внести значительный вклад в разработку теории международных отношений, так как исследование данных проблем, разработка категорий и понятий на уровне политической теории способствуют обобщению обширных эмпирических данных, которые накапливают различные науки и дисциплины, изучающие международные отноше-

²²¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 319.

²²² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 263–264.

²²³ Там же. — С. 264.

ния, а также — более детальному анализу и прогнозированию тенденций в мировой политике.

Выводы главы

Вклад Ф.М. Бурлацкого в методологию политических исследований, определяется прежде всего его трактовками категорий «политика» и «власть», понятий «политическая система», «политический режим», «партийная система» и «политическая партия», феномена международных отношений.

Ф.М. Бурлацкий, признавая важную роль политологии, усматривал основную задачу политической науки в изучении механизма руководства обществом в динамике, в выяснении того, как общество функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития. Изучение политических явлений, как считал Ф.М. Бурлацкий, опирается на: 1) методологию диалектического и исторического материализма; 2) теорию политики среднего уровня (методика) и 3) совокупность конкретно-социологических процедур.

В связи с этим, Ф.М. Бурлацкий предлагал использовать следующие методы анализа политических явлений: дифференцированный анализ социальных общностей, их роли в политической жизни; структурно-функциональный анализ политических институтов; системный анализ больших и малых политических структур; комплексный анализ политического управления и руководства обществом; коммуникационный анализ взаимодействий элементов политического процесса; анализ соотношения сил как фактора формирования политических отношений, особенно в международных отношениях; анализ политической динамики; сравнительный метод сопоставления близких или противоположных политических систем; методы политического планирования и прогнозирования.

В свою очередь, изучение конкретных политических явлений, по Ф.М. Бурлацкому, предполагает: во-первых, объяснение экономических интересов, которыми они, в конечном счете, определяются и, во-вторых, уяснение всей системы социальных факторов и противоречий, через которые пробивают се-

бе дорогу экономические интересы. Анализируя политику, Ф.М. Бурлацкий предлагает находить те конкретные факторы, которые определяют появление и жизнедеятельность тех или иных политических институтов, осуществление того или иного курса в политике.

Для понимания содержания политики, по мысли Ф.М. Бурлацкого, существенны следующие признаки власти: а) взаимосвязь с политической системой и б) право и способность к принятию обязательных для всего общества решений по распределению ценностей между различными общностями и индивидами. Это позволяет учитывать как институциональный, так и функциональный подходы к изучению политического процесса. Для Ф.М. Бурлацкого, власть — реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям. Политическая власть — характеризуется реальной способностью данного класса, группы, а также отражающих их интересы индивидов проводить свою волю посредством политики и правовых норм. Политическая деятельность осуществляется не только в рамках государства, но и с помощью других институтов социально-политической системы: партий, профсоюзов, международных организаций.

Политическую систему Ф.М. Бурлацкий определяет в качестве одной из подсистем общества наряду с экономической и духовной. К ее функциям он относил: 1) определение целей и задач общества; 2) мобилизацию ресурсов на их выполнение; 3) интеграцию элементов общества; 4) легитимизацию. В структуре политической системы Ф.М. Бурлацкий выделял четыре элемента, различающиеся выполняемыми ролями и функциями: а) политические организации, б) политические нормы, в) политические отношения и д) политическое сознание.

Определяя тот или иной политический режим, Ф.М. Бурлацкий предложил прежде всего искать ответы на следующие вопросы: какие группы находятся у руководства государством; каким методам управления отдается предпочтение — прямым, насильственным или косвенным, демократическим; какие партии или партийные коалиции выступают как руководящая сила; до-

пускается ли и в каких пределах деятельность социальных институтов; каково положение личности в государстве?

Характеризуя партии и их типологию, Ф.М. Бурлацкий выдвинул следующие основные критерии: социальная сущность и определяемые ею политические цели и идеология, характер массовой базы и социальных связей, место и роль в политической системе, структура, внутренний режим и методы деятельности. Исходя из этих критериев, по Ф.М. Бурлацкому, политические партии можно разделить: с точки зрения социальной сущности — на буржуазные, мелкобуржуазные, пролетарские, полупролетарские; с точки зрения политических целей и идеологии — на праворадикалистские, консервативные, буржуазно-либеральные, буржуазно-реформистские, социал-демократические, лево-социалистические, коммунистические; с точки зрения внутренней структуры — на военизированные, автократические, демократические; с точки зрения выполняемых функций и места в политической системе — на властвующие, правящие и оппозиционные.

В целом, те или иные сложившиеся партийные системы, по Ф.М. Бурлацкому, определяются не только классовым составом населения страны, но и историческими традициями, политической культурой масс, национальным составом населения, его религиозными представлениями.

Ф.М. Бурлацкий развивал советскую теорию международных отношений. Он настаивал на том, что политическая наука позволит внести значительный вклад в разработку ТМО, так как исследование данных проблем, разработка категорий и понятий на уровне политической теории способствуют обобщению обширных эмпирических данных, которые накапливают различные науки и дисциплины, изучающие международные отношения, более детальному анализу и прогнозированию тенденций в мировой политике.

К основе ТМО Ф.М. Бурлацкий относил: понятие системы международных отношений и ее генезиса; экономические, социальные, культурные факторы и закономерности развития международных отношений; роль национальных интересов в формировании мировой политики и международного

права; равновесие сил и мирное сосуществование государств с различным социальным строем; интернационализация, интеграция и проблема суверенитета; национализм и его влияние на международное развитие; проблемы и перспективы ограничения гонки вооружений; методы разрешения конфликтов и профилактика проблемных ситуаций; глобальные проблемы современности.

Таким образом, можно утверждать, что Ф.М. Бурлацкий в своем творчестве уделял особое внимание проблемам методологии политической науки, он внес существенный вклад в политологию, обосновав оригинальные подходы и решения значимых вопросов соотношения политики и власти, типологии политических систем, политических режимов, партийных систем и самих партий, а также теории международных отношений.

Глава II. Теория политической науки

§1. Политическая культура

Современные отечественные исследования феномена *политической культуры*²²⁴ опираются не только на работы зарубежных политологов, но и на наследие советских ученых. Обращение к творчеству Ф.М. Бурлацкого позволяет показать результаты, достигнутые в этой области.

В начале 1970-х гг. в Институте конкретных социальных исследований АН СССР было проведено исследование политических систем зарубежных государств. Одним из направлений исследования было изучение политической культуры граждан США, Великобритании и ФРГ. Результаты данного исследования впервые были опубликованы в книге, написанной Ф.М. Бурлацким в соавторстве с А.А. Галкиным, «Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма».

В этой книге Ф.М. Бурлацкий вводит следующую трактовку понятия «политическая культура». *Политическая культура* — «институализирован-

²²⁴ См.: *Гаджиев К.С.* Политическая культура: концептуальный аспект // Полис. Политические исследования. — 1991. — № 6. — С. 69–83; *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура пореформенной России. — М.: ИНИОН, 1994. — 217 с.; *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура. Методологический очерк. — М.: ИНИОН, 1996. — 80 с.; *Ширинянец А.А., Ширинянец С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. — М.: Издательство Московского университета, 1997. — 160 с.; *Ахиезер А.С.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии (историко-культурное исследование) // Pro et Contra. — 2002. — Т. 7. — № 3. — С. 51–76; *Ширинянец А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — 360 с.; *Гаман-Голутвина О.В.* Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2005. — № 2. — С. 39–49; *Глебова И.И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность. — М.: Наука, 2006. — 333 с.; *Глебова И.И.* Политическая культура современной России: новые расколы // Россия и современный мир. — 2006. — № 1. — С. 17–39; *Глебова И.И.* Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 1. — С. 33–44; *Дука А.В.* Политическая культура – поиски теоретических оснований // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2006. — Т. 2. — № 1. — С. 7–30; *Глебова И.И.* Травматическое прошлое и национальная политическая культура // Политическая наука. — 2006. — № 3. — С. 114–139; *Малинова О.Ю.* «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука. — 2006. — № 3. — С. 7–30; *Патрушев С.В.* Российская политическая культура как система диспозиционных ориентаций: что нового? // Политическая наука. — 2006. — № 3. — С. 75–94; *Гуторов В.А.* Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2006. — Т. 2. — № 4. — С. 63–74; *Малинова О.Ю.* Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 5. — С. 106–128; *Ширинянец А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). — М.: Издательство Московского университета, 2011. — С. 19–56; *Гаман-Голутвина О.В.* Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 3. — С. 153–159; *Пожидаева Э.О., Телин К.О.* Политическая культура как фактор стабильности политической системы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. — № 3. — С. 91–106; и др.

ный и неинституализированный исторический и социальный опыт национальной или наднациональной общности, оказывающий большее или меньшее воздействие на формирование политических ориентаций и в конечном счете политического поведения индивидов, малых и больших социальных групп»²²⁵. Другими словами, политическая культура — «зафиксированная в законах, обычаях и политическом сознании "память" о прошлом общества в целом, а также его отдельных элементов, в первую очередь классов и социальных слоев. Эта "память" охватывает сферу отношений с внешней средой (другими народами и странами), внутренние общественные институты, рассматриваемые сквозь призму перипетий прошлой внутривнутриполитической и социальной борьбы, последствий побед и поражений, и может обладать как общезначимыми, так и специфическими чертами»²²⁶.

Накопленный исторический и социальный опыт при передаче от поколения к поколению подвергается «постоянным внешним воздействиям, которые либо укрепляют основы сложившейся политической культуры, либо видоизменяют ее»²²⁷. К таким воздействиям относятся «динамика отношений в сфере производства, которая приводит к перестройке общественной структуры, а, следовательно, потребностей и интересов соответствующих социальных групп, а также приобретение нового исторического опыта, который может либо совпадать с предыдущим, либо противоречить ему»²²⁸.

Не менее важно, что опыт передается каждому следующему поколению «не в "чистом", а в превращенном виде, главным образом через систему закрепляющих его идеологических представлений, норм и ценностей. Поскольку эта система, как правило, находится в руках экономически господствующего класса... ее воздействие способствует укреплению тех элементов политической культуры, которые обладают стабилизирующим эффектом, т.е.

²²⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 197–198.

²²⁶ Там же. — С. 198.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же.

имеют консервирующий характер»²²⁹. В этом же направлении действуют «закономерности общественно-психологических процессов, для которых характерна большая или меньшая инерционность. В целом опосредующая система межгенерационной передачи политической культуры действует как унифицирующий фактор. Вместе с тем при определенных обстоятельствах влияние опосредующего механизма может усиливать различия в восприятии одного и того же исторического опыта различными социальными группами»²³⁰.

Данный подход к политической культуре предполагает введение *трех групп теоретических вопросов*: «1) границы феномена и его соотношение со смежными явлениями; 2) механизмы формирования, развития и смены политической культуры; 3) внутренняя структура политической культуры»²³¹. В рамках первой группы вопросов первостепенное значение имеют «сопоставление политической культуры и политического поведения, соотнесение политической культуры и политического сознания, а также политической культуры и национального характера»²³².

Обращение к понятию «политическая культура» при анализе социальных, и прежде всего политических, процессов позволяет выявить «глубинные причины специфики поведения той или иной общественной группы при относительно равном уровне ее развития и близких условиях существования»²³³. Поэтому включение политического поведения, представляющего собой отдельный предмет исследования, в политическую культуру только отвлекает внимание от главного объекта анализа и, следовательно, затрудняет его. Политическое поведение является «более широким понятием, чем политическая культура, ибо последняя образует лишь один из его источников. Поэтому включение политического поведения в политическую культуру несовместимо с логикой исследования и может привести к недопустимой переоценке воздей-

²²⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 198.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же. — С. 199.

²³² Там же.

²³³ Там же.

ствия политической культуры и недооценке значения других факторов, формирующих политическое поведение»²³⁴.

Однако между *политической культурой* и *политическим поведением* существует взаимосвязь, которая проявляется в том, что: «1) политическое поведение может быть объяснено только с учетом феномена политической культуры, 2) политическая культура реализуется лишь через политическое поведение, 3) формы политического поведения при соответствующей аналитической обработке могут быть использованы как индикаторы политической культуры для характеристики ее содержания, структуры и т.д.»²³⁵ Данные обстоятельства делают необходимым «двойственный подход к исследованию обоих понятий. С одной стороны, они должны быть проанализированы отдельно с целью выявить содержание каждого из них; с другой — в ходе анализа необходимо учитывать их взаимосвязи»²³⁶.

Проблема взаимоотношений между *политическим сознанием* и *политической культурой*, добавляет Ф.М. Бурлацкий, решается в том же ключе. Политическое сознание на всех его уровнях характеризуется «преобладанием когнитивных элементов, хотя полностью и не сводится к ним. Наличие такого сознания предполагает определенный уровень развития как общества в целом, так и составляющих его элементов»²³⁷.

С одной стороны, понятие политического сознания может включать в себя политическую культуру в виде «причины дифференциации граждан на названные три группы, фактора, существенно влияющего на уровень ожиданий и оценку гражданами возможности влиять на политическую систему, на формирование социально-политических ценностей, лежащих в основе идеологического выбора, а также конкретных политических мнений»²³⁸. Лишь от части особенности той или иной политической культуры описываются с «по-

²³⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 199.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же. — С. 200.

²³⁸ Там же. — С. 200–201.

мощью предложенных категорий. В этом смысле политическое сознание вроде бы шире понятия "политическая культура"»²³⁹.

С другой стороны, понятие политическая культура может включать в себя политическое сознание, так как она «наличествует и в тех случаях, когда политическое сознание выражено в слабой степени или вообще отсутствует. Более того, сам факт отсутствия политического сознания может быть рассмотрен как специфическое проявление политической культуры, которая выступает в данном случае не в активной, а в пассивной форме»²⁴⁰. Другими словами, политическое сознание — «лишь один из типов реализации политической культуры наряду с неосознанными реакциями ориентировочного порядка и импульсивными поведенческими актами. В то же время политическое сознание как наиболее рельефное проявление политической культуры может служить эффективным инструментом ее выделения, определения ее содержательных компонентов, структурного членения и т.д. Типология политического сознания созвучна типологии политической культуры и может рассматриваться в известном смысле как аналог последней»²⁴¹.

Политическая культура является «социально-психологическим феноменом, формирующимся и развивающимся в процессе накопления исторического, прежде всего социального, опыта, она в этом смысле сходна с феноменом "национальный характер". Более того, при определенных обстоятельствах типология национальных характеров может быть аналогичной типологии политических культур. Однако этим сходство и ограничивается»²⁴².

Национальный характер Ф.М. Бурлацкий определяет следующим образом: «это некая совокупность психологических черт, обусловленная сходством условий существования лиц одной национальности, внешнего окружения и долговременного совместного исторического развития»²⁴³. Отдельные

²³⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 201.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

черты национального характера могут быть «обусловлены биологическими особенностями. Однако в основном они детерминируются общественными факторами, передаваемыми через механизмы социализации»²⁴⁴.

Национальный характер — «явление более глубинное, чем политическая культура. Являясь результатом весьма длительного развития, он прочно укоренен в социально-психологических структурах, а, следовательно, в гораздо меньшей степени подвержен изменениям. Ввиду этого одному и тому же национальному характеру могут соответствовать несколько сменяющих друг друга политических культур. В то же время глубокое укоренение национального характера делает его менее податливым анализу в соответствии с социальными признаками, возникшими сравнительно поздно, нередко тогда, когда национальный характер в основных чертах уже сложился»²⁴⁵. Поэтому хотя и имеет место социальная дифференциация национального характера, но проявляется «не так четко, как социальная дифференциация политической культуры. Зачастую анализ черт национального характера в силу его относительной устойчивости отражает не столько данную социальную дифференциацию, сколько ту, которая сложилась во время предыдущих формаций, длившихся более продолжительное время. Поэтому внутренняя структура национальных характеров и политических культур, как правило, не совпадает»²⁴⁶.

Национальный характер не сводится к биологическим факторам, но в определенной степени связан с ними. В формировании и развитии политической культуры биологический фактор не играет «сколько-нибудь значительной роли. Расхожее выделение политической культуры романских народов, англосаксов, германцев в той мере, в какой оно отражает действительное деление, имеет в своей основе не расово-биологические отличия, а общность историко-культурных судеб соответствующих народов»²⁴⁷.

²⁴⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 201.

²⁴⁵ Там же. — С. 202.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же.

Для Ф.М. Бурлацкого национальный характер составляет основу поведения человека, малой или большой социальной группы в обществе, а политическая культура — основу политического поведения. Национальный характер воздействует на поведение «тем сильнее, чем ближе индивиду общественные структуры, на которые оно направлено. И напротив, чем отдаленнее структуры, на которые направлено поведение, тем слабее влияние на него национального характера»²⁴⁸. Так как в иерархии общественных структур политические институты «более всего отдалены от индивида, влияние на них черт национального характера является минимальным. Для политической же культуры политические институты есть главный объект воздействия. Поэтому в данном случае интенсивность ее воздействия существенно выше, чем национального характера»²⁴⁹.

Политическая культура может быть определена «с помощью индикативного метода — путем использования материалов, свидетельствующих о структуре политического сознания (социологические опросы, контент-анализ и т.д.) или о структуре поведенческих актов»²⁵⁰. Национальный характер выделяется «либо путем вычленения психологических черт, которые считаются наиболее характерными для всех членов нации, либо на основе выявления относительной частоты определенного типа личности среди взрослых членов нации, либо в результате анализа продуктов интеллектуального творчества, и прежде всего произведений литературы, философии, искусства и т.д. Очевидно, что такое конструирование, не опирающееся на верифицируемые факты реальной действительности, открывает неограниченные возможности для субъективного произвола»²⁵¹.

На формирование, развитие и смену политических культур влияют следующие факторы. В качестве первого фактора можно назвать революции. Ведь именно они порождают «встряску, вследствие которой устойчивые си-

²⁴⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 202.

²⁴⁹ Там же. — С. 202–203.

²⁵⁰ Там же. — С. 203.

²⁵¹ Там же.

стемы политических обычаев, установок, ориентаций и норм поведения приходят в движение, трансформируются, распадаются или заменяются другими. Поэтому, чем глубже социальный переворот, чем длительнее его последствия, тем сильнее воздействие, оказываемое им на политическую культуру, нередко даже за территориальными рамками, которыми он ограничен»²⁵².

Также на политическую культуру оказывает воздействие «характер внешних отношений страны, и прежде всего степень безопасности от угрозы нашествий, опыт общения с соседними народами, интенсивность включенности в систему международного товарообмена»²⁵³. Существование постоянной угрозы вторжения способствует «формированию одного отношения к институтам власти и связанным с ними структурам, отсутствие такой угрозы — совсем другого отношения. Традиции завоевательной политики формируют политическую культуру в одном направлении, традиции миролюбивой политики — в другом и т.д.»²⁵⁴

В качестве третьего фактора можно назвать войны: «Чем более глубинные слои затрагивает война, чем более важные общественные интересы она затрагивает, тем значительнее ее отрицательные или положительные последствия для развития политической культуры. Особенно велико поэтому, как правило, позитивное воздействие, которое оказывают на политическую культуру освободительные войны»²⁵⁵.

Кроме того, важным фактором является «степень остроты текущей социальной и политической конфронтации, так и зафиксированные в общественной памяти наиболее типичные формы ее протекания. Если по тем или иным причинам социальная и политическая конфронтация, являющаяся неотъемлемой чертой антагонистического общества, протекает в особо острых формах, они запечатлеваются в политической культуре как наиболее естественный метод решения общественных противоречий. Напротив, в тех

²⁵² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 203.

²⁵³ Там же. — С. 204.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

случаях, когда в истории социальной и политической борьбы преобладали компромиссные варианты решения политических споров, тенденция политической культуры к компромиссу проявляется значительно сильнее»²⁵⁶. Но это не означает, что политическая культура «сама по себе определяет характер и формы социальных столкновений в любых условиях и на любом этапе. Их характер и формы зависят от множества иных обстоятельств. Однако политическая культура, как отмечалось, может — в определенных пределах — вносить коррективы в развитие событий, обостряя или смягчая его»²⁵⁷.

Политическая культура является одной из составных частей общей культуры. Поэтому ее развитие определяется «динамикой культурных процессов в целом. В основе общей культуры, как и политической, лежит исторический опыт. Он и обуславливает в конечном счете мир ценностей и устойчивых образцов поведения, образующих ядро культуры общества. В этом смысле движение культуры общей и политической синхронно»²⁵⁸. Однако общая культура развивается «на основе собственных законов. Это нередко разводит культурные ареалы, даже если соответствующие культуры выросли на сходной почве. Если в результате этого между политической и общей культурой возникает разрыв, последняя как бы накладывается на политическую культуру, воздействуя (позитивно или негативно) на нее в целом или на ее отдельные части»²⁵⁹.

Ф.М. Бурлацкий констатирует взаимосвязь *политической культуры и политической системы*. Она влияет на формирование, развитие и изменение политической культуры: «С одной стороны, политическая система является порождением определенной политической культуры; с другой — на базе одной и той же политической культуры могут возникать и эффективно действовать различные модели политической системы, в том числе и существенно отличающиеся друг от друга»²⁶⁰.

²⁵⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 204.

²⁵⁷ Там же. — С. 205.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же.

Однако политическая система имеет относительную независимость от политической культуры, обеспеченную с помощью нормативных установлений и институциональной структуры. В случае возникновения между ними заметного разрыва политическая система стремится «ликвидировать этот разрыв, прежде всего пытаясь модифицировать политическую культуру, препятствуя реализации тех или иных образцов поведения, навязывая составляющим общество социальным группам новые ценности и образцы поведения, выгодные для господствующего класса. Обычно это удается лишь частично, ибо политическая культура, обладая значительным запасом прочности, оказывает сопротивление подобным усилиям и стремится по возможности приспособить политическую систему к существующим структурам политической культуры»²⁶¹.

Воздействие факторов, влияющих на динамику политической культуры и обеспечивающих ее развитие, однако, не может «поколебать относительную устойчивость, представляющую собой одну из самых важных характеристик этой наименее динамичной части системы категорий, описывающих политические процессы, институты, нормы и т.д. Основу подобной устойчивости образуют механизмы межгенерационной преемственности»²⁶². Данные механизмы могут быть разделены на: «1) первичную политическую социализацию, происходящую преимущественно в пределах семейного и близкого к нему окружения, до начала самостоятельной профессиональной (или предпрофессиональной) деятельности; 2) вторичную политическую социализацию — путем накопления политического опыта в процессе самостоятельной трудовой (или квазитрудовой) активности. Эффективность функционирования передаточных механизмов в значительной степени зависит от интенсивности и однозначности воздействий»²⁶³.

²⁶¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 205–206.

²⁶² Там же. — С. 206.

²⁶³ Там же.

При этом важную роль, отмечает Ф.М. Бурлацкий, играют особенности психики человека, взаимодействие политической культуры и потребностей человека. Схематически такое взаимодействие можно представить в качестве процесса образования у «индивидов определенной системы представлений об образцах и нормах политического поведения, в рамках которой существуют относительно более устойчивое ядро и набор менее устойчивых оболочек. Внешние импульсы, адекватные содержанию данной системы, укрепляют устойчивость оболочек и способствуют тем самым защите и сохранению ядра. Если эти импульсы противостоят системе, они проникают в оболочки, размыывают их, оголяя и расшатывая ядро»²⁶⁴. Однако для того, чтобы окончательно разрушить ядро, внешние импульсы должны обладать «большой пробивной силой. Причем тем большей, чем сложнее и многослойнее система образцов и ценностей, образующая данную политическую культуру»²⁶⁵.

Другими словами, чтобы существенно изменить политическую культуру, недостаточно отдельных преобразований в «базисе или надстройке. Необходимым условием таких преобразований является аккумуляция изменений, создающая силу, способную преодолеть мощные психологические барьеры. Будучи феноменом общественным, политическая культура реализуется прежде всего на уровне личности. Это придает особое значение проблеме соотношения микро- и макроуровня в исследовании политических культур, а также связей и взаимодействия между ними»²⁶⁶. Решение этой проблемы предполагает ответ на следующие вопросы: «1) как политическая культура влияет на процессы первичной и вторичной политической социализации личности; 2) как осуществляется слияние личностных ориентации в политическую культуру»²⁶⁷.

Более того, *воздействие политической культуры на политическую социализацию* индивида осуществляется:

²⁶⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 206–207.

²⁶⁵ Там же. — С. 207.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же.

- 1) «непосредственно, путем обучения (подражания) устойчивым образцам поведения и принятым реакциям в рамках общей социализации личности»²⁶⁸;
- 2) «путем накопления, а затем сознательного сопоставления личного и общественного опыта, что позволяет сгладить, "усреднить" различия индивидуального восприятия»²⁶⁹;
- 3) «с помощью идеологических импульсов, поступающих извне и действующих в одних случаях в интересах политической системы, а в других — вразрез с ними»²⁷⁰.

Политическая культура, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, *неоднородна внутри себя*. Поэтому необходимо выявить порождающие неоднородность причины. Определяющими причинами являются «объективная социальная полярность и неоднородность... общества. Порождая широкий разброс потребностей и интересов, такая гетерогенность приводит прежде всего к тому, что даже общий исторический опыт, будучи пропущенным через их призму, получает различную, а иногда и противоположную трактовку, а, следовательно, по-разному формирует элементы политической культуры»²⁷¹.

Различия в ряде основных черт политической культуры разных социальных групп в единой национальной общности делают «оправданной постановку вопроса о существовании... своеобразных социально обусловленных политических субкультур. В одних случаях эти субкультуры остаются в рамках общей политической культуры данной национальной общности. В других — настолько отличаются от общей политической культуры, что могут рассматриваться в качестве самостоятельных»²⁷².

В полиэтничных государствах могут существовать «субкультуры национальных меньшинств. Отличие этих субкультур от политической культуры

²⁶⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 207.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Там же. — С. 209.

²⁷² Там же. — С. 210–211.

общества в целом существенно возрастает в тех случаях, когда соответствующее меньшинство представляет собой группу, дискриминируемую не только в национальном, но и в социальном отношении. Имеются региональные субкультуры, являющиеся своеобразным рудиментом либо прошлых национальных различий, размытых в ходе исторического развития, либо различий в социально-экономическом положении населения конкретного региона, достаточно длительных и глубоких»²⁷³. Также существуют различия между политическими субкультурами, основанными на «принадлежности к конкурирующим культурно-идеологическим традициям. Особую роль в этой связи играют религиозные системы»²⁷⁴.

В итоге, на основе проведенного анализа Ф.М. Бурлацкий сформулировал базовую типологическую модель политических культур, базирующуюся на разделении общества по уровню социального развития. В политической сфере «этот уровень проявляется в типе существующих отношений между "гражданским обществом" и политической системой. Поэтому тип таких отношений может рассматриваться как показатель, отражающий объективные различия»²⁷⁵.

Ф.М. Бурлацкий выделяет следующую структуру:

1. Архаическая политическая культура — «отсутствие дистанции между общностью и государством, высокий уровень коллективизма, активность индивидов при решении общих, в том числе и политических, проблем»²⁷⁶.

2. Элитарная политическая культура — «углубление дистанции между гражданским обществом и политической системой (государством), ослабление чувства коллективизма, отстранение основной части общества от решения политических дел, низкий уровень его политической активности»²⁷⁷.

²⁷³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 211.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же. — С. 212.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же.

3. *Представительская политическая культура* — «возникновение опосредованных форм связи между гражданским обществом и политической системой, сочетание индивидуалистских и коллективистских форм поведения, более высокая, чем при элитарной политической культуре, степень политизации общества»²⁷⁸.

4. *Политическая культура высокой гражданственности (коммунистическая)* — «ликвидация дистанций между гражданским обществом и политической системой и их слияние, высокий уровень коллективизма, перманентная политическая активность во всех сферах общественной жизни»²⁷⁹.

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий на основе историко-сравнительного анализа политических систем США, Великобритании и ФРГ с учетом их традиций и особенностей культурного развития разработал оригинальный подход к феномену политической культуры. Ф.М. Бурлацкий исследовал политическую культуру в качестве одного из компонентов политической системы общества. По результатам исследования Ф.М. Бурлацкий отнес политическую культуру к социально-психологическим явлениям, так как она формирует политическое поведение и основывается на социально-политическом опыте общества.

§2. Политическое сознание и поведение

Современные отечественные исследования феноменов *политического сознания*²⁸⁰ и *политического поведения*²⁸¹ опираются не только на работы зару-

²⁷⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 212.

²⁷⁹ Там же. — С. 213.

²⁸⁰ См.: Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2011. — № 6. — С. 89–102; Дождиков А.В., Селезнева А.В. Политическое сознание современной российской молодежи: политико-психологический анализ // Социально-гуманитарные знания. — 2012. — № 2. — С. 48–60; Никлаус А.А., Черняховский С.Ф. Политическое сознание современной России и ее ценностные расколы // Власть. — 2015. — № 12. — С. 113–117; Шестопап Е.Б. Образ будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. — № 2. — С. 7–20; и др.

²⁸¹ См.: Лобжанидзе А.А. Проблема иррационального в стихийном политическом поведении массы и толпы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2010. — № 3. — С. 25–33; Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация / Е.Б. Шестопап, Н.М. Ракитянский, Н.В. Смутькина и др. // Полис. Политические исследования. — 2013. — № 6. — С. 46–63; Галкин А.А. Общественные настроения и политическое поведение: некоторые тенденции современного развития // Полития:

бежных политологов, но и на наследие советских ученых. Обращение к творчеству Ф.М. Бурлацкого позволяет показать результаты, достигнутые в этой области.

Еще одним направлением исследования, проведенного в начале 1970-х гг. в Институте конкретных социальных исследований АН СССР, было изучение политического сознания и политического поведения граждан США, Великобритании и ФРГ. Результаты данного исследования также впервые были опубликованы в книге, написанной Ф.М. Бурлацким в соавторстве с А.А. Галкиным, «Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма».

Объективные условия существования, пишет Ф.М. Бурлацкий, формируют «определенное политическое сознание, которое преобразуется затем в политическое поведение»²⁸². Но такого рода подчиненность не является единственно возможной; существует система взаимоотношений другого рода. В такой системе объективные условия существования вызывают «политическое поведение, порождающее определенную ориентацию, которая либо стимулирует соответствующие политические действия, либо, наоборот, способствует их приглушению. В свою очередь политическое поведение может стать фактором, способным видоизменить объективные условия»²⁸³. Переплетение различных воздействий и влияний в еще большей степени выявляется при детализации базовых понятий. Исследование объективных условий существования позволяет обнаружить, что они объединяют «ряд различных, хотя и взаимосвязанных факторов, воздействие которых на политическое сознание и поведение может быть разным в зависимости от обстоятельств»²⁸⁴.

Анализ. Хроника. Прогноз. — 2014. — № 2. — С. 6–20; Галкин А.А. Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант // Вестник Института социологии. — 2015. — № 1. — С. 12–33; Козлов Д.В. Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента // Полис. Политические исследования. — 2017. — № 1. — С. 85–98; и др.

²⁸² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 242.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же.

К базовым условиям существования относится «социальное происхождение индивида. Производным от него является семейный уклад, в котором происходит первоначальная (в том числе и политическая) социализация будущего гражданина, т.е. закладывается основа его политических взглядов и предпочтений»²⁸⁵. Социальное происхождение можно разделить на ряд компонентов:

- «роль главы семьи и других ее взрослых членов в системе общественно-го производства, их классовый статус»²⁸⁶.
- «место классовой группы, к которой они принадлежат, в социальной иерархии и оценка данного места общественным сознанием»²⁸⁷.
- «уровень жизни данной семейной ячейки в его соотношении с уровнем жизни смежных социальных групп. И на все это накладывается степень осознания взрослыми членами ячейки своего реального общественного положения и путей его изменения»²⁸⁸.

Социальное происхождение обуславливает социальное окружение личности: «По мере взросления объекта социализации сила домашних связей и родительского авторитета ослабевает, а значение подростковых референтных групп возрастает. В их роли выступают прежде всего сообщество сверстников, находящихся в территориальной близости, школьный коллектив, а также формальные общественные организации»²⁸⁹.

Степень влияния таких референтных групп определяется следующим образом: «Если сообщество сверстников, выполняющее функции референтной группы, по своим социальным связям родственно объекту воздействия, контакты с ним служат закреплению семейного влияния, делая тем самым первичную политическую социализацию особенно прочной»²⁹⁰. Другие, а тем более противоположные связи ослабляют «направленность первичной политической социализации, а при определенных обстоятельствах полностью изме-

²⁸⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 242.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. — С. 243.

²⁹⁰ Там же. — С. 243–244.

няют ее. Подобный исход наиболее вероятен при резкой смене социального окружения в результате изменения статуса родителей, особенно связанного с географическим перемещением»²⁹¹.

Первичная *политическая социализация* является начальным этапом процесса формирования *политического сознания*. Индивид подвергается многочисленным воздействиям, когда вступает в самостоятельную жизнь. В этой связи на первое место «среди объективных условий бытия выдвигается социальное положение. Решающее значение здесь, как и в предыдущем случае, имеет место конкретного человека в системе общественного производства»²⁹². Однако он одновременно оказывается вовлеченным в другие общественные, как формальные, так и неформальные связи. Одни из них «корреспондируют с его положением в системе общественного производства, другие как бы конфликтуют с ним. Ситуация осложняется еще и тем, что в ходе жизненной карьеры индивид может изменить социальный статус. Еще менее стабильна система непроизводственных связей: по интересам, семейным и дружеским контактам и т.д.»²⁹³

В ситуации, когда социальное положение в течение жизни не подвергается сильным изменениям, то есть «адекватно социальному происхождению и окружению в период первичной политической социализации, а совокупность непроизводственных связей не находится в резком противоречии с местом, занимаемым человеком в общественном производстве, происходит закрепление политического сознания, сложившегося в процессе социализации на первом этапе»²⁹⁴. Но в обратной ситуации возможен целый набор вариантов: «от сохранения первичного политического сознания, закалившегося в противоборстве с враждебными влияниями, до смены политических симпатий в результате перехода личности на полярно противоположные позиции»²⁹⁵. Определяю-

²⁹¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 244.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же.

щее значение при этом имеют «прочность первичных политических установок, сила противостоящих влияний, а также характер жизненного опыта, накопленного под воздействием индивидуальной и общей ситуаций»²⁹⁶.

При наличии конфликта между *социальным происхождением* и *новым социальным положением*, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, происходит изменение политического сознания. В этом случае возникает «внутренняя потребность в психологической перестройке, часть которой составляет модификация прежних политических предпочтений, обостряется особо сильным внешним давлением окружения, стремящегося адаптировать пришельца. Естественно, что такая адаптация происходит интенсивнее всего там, где внешнее окружение наиболее гомогенно, в том числе и в политическом отношении»²⁹⁷. По мнению Ф.М. Бурлацкого адаптация происходит наименее болезненно в тех случаях, когда «первичная социализация прерывается на раннем этапе и, следовательно, политическое сознание остается не полностью закрепленным. Если же перестройка происходит в условиях, когда социализация уже подкреплена личным социальным опытом, то переориентировка дается особенно трудно, требует большего времени, осуществляется не полностью, а в некоторых случаях даже не происходит вовсе»²⁹⁸. На формирование политического сознания воздействуют не только объективные условия жизни, но и другие факторы: *специфика политической культуры*, «влияние различных организаций и манипуляторских воздействий правящего класса, выражающих его социальную и политическую стратегию, а также психологическое давление с помощью средств массовой коммуникации»²⁹⁹.

Характер и тип политической культуры, отмечает Ф.М. Бурлацкий, оказывают «сильное воздействие на интенсивность политического поведения, а также, что особенно важно, на его содержание. Складываясь в процессе исторического развития, политическая культура создает своеобразные "архео-

²⁹⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 245.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же.

логические" напластования в общественном сознании»³⁰⁰. При определенных условиях из них складываются базовые общественные, в том числе и политические, ориентации. Являясь продуктом политической культуры, данные ориентации являются «в то же время ее составной частью, обладают высокой устойчивостью и образуют ту основу, на которой и возникает конкретное политическое поведение индивидов»³⁰¹.

Для Ф.М. Бурлацкого неформальные группы выступают своеобразным мостиком между воздействиями формальных организаций и политической культуры. *Неформальные группы* — «непременный фактор становления, развития или модификации политического сознания на протяжении всей жизни человека. Их значение особенно явно прослеживается в небольших сельских общинах с отсталыми традиционно-патриархальными социально-экономическими отношениями»³⁰². В формировании политического сознания граждан также немалую роль играют «эти структуры в малых городах. Несколько слабее они в больших населенных пунктах, однако и там их воздействие проступает вполне четко»³⁰³.

Воздействие неформальных групп на формирование, развитие или модификацию политического сознания, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, связано с «типом политических предпочтений, преобладающих в каждом из видов поселений и соответственно в социальных слоях, представители которых играют роль референтных групп. Интенсивность этого воздействия зависит как от гомогенности таких предпочтений, так и от силы санкций, которые могут быть использованы неформальными группами для навязывания своей воли. В целом, однако, эта интенсивность убывает в зависимости от возрастания масштабов населенного пункта»³⁰⁴. В то же время на формирование политического сознания оказывают «возрастающее влияние институализированные органи-

³⁰⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 245–246.

³⁰¹ Там же. — С. 246.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же. — С. 247.

зации. В данном случае прослеживается обратная зависимость: их влияние тем выше, чем крупнее тип поселения и значительнее включенность его обитателей в систему современного производства»³⁰⁵.

Механизм воздействия охватывающих большие категории населения организаций, пишет Ф.М. Бурлацкий, существенно отличается от «механизма воздействия, характерного для неформальной общественной структуры. Неформальная, особенно малая, группа слабо дифференцирована. В формальной организации внутренняя структура отличается большой сложностью. В рамках неформальной группы связи и взаимодействия предельно персонифицированы. При этом каждый участник в состоянии лично интерпретировать поведение и действия другого. В организации возникают новые формы связи и взаимодействия при помощи опосредованных структурированных импульсов»³⁰⁶.

В этой ситуации важное значение приобретает фактор *идеологии*. Роль идеологии в решающей степени определяется тем, что «общественное, в том числе и политическое, сознание формируется под влиянием не только материальных факторов, но и закономерностей развития самого сознания, взаимного влияния взглядов различных социальных групп и т.д. В зависимости от набора воздействий созревание общественного сознания той или иной группы может опережать развитие ее материальных условий или отставать от него, принимая модифицированную, искаженную форму. Это обуславливает неизбежность постоянного острого противоборства различных, прежде всего полярных, идеологий в процессе формирования общественных ориентаций»³⁰⁷.

Ф.М. Бурлацкий добавляет, что «воздействие идеологии осуществляется не только через каналы формальных организаций. Оно присутствует и при первичной социализации, накладывает отпечаток на деятельность неформальных групп и является неотъемлемой составной частью манипуляторских дей-

³⁰⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 247.

³⁰⁶ Там же. — С. 248.

³⁰⁷ Там же.

ствий и т.п. Однако в жизни организаций идеология занимает особое место»³⁰⁸. Осознание возрастающей роли идеологии «не только как фактора, формирующего политическое сознание, но и как силы, цементирующей формальные организации, вынудило и традиционные... движения встать на путь перестройки, т.е. превращения в партии, имеющие идеологическую основу»³⁰⁹. А в тех случаях, когда «цельной идеологии, способной составить такую основу, не существовало, использовалась квазиидеология, в качестве которой выступали религиозное мировоззрение, набор консервативных или либеральных стереотипов и т.д. Показательно, что идеология занимает значительное место и в неполитических формальных организациях (в том числе в профсоюзах), хотя и используется ими обычно в завуалированной форме»³¹⁰.

Структуру становления политического сознания Ф.М. Бурлацкий схематично показывает следующим образом: «1. Формирование системы потребностей и социальных ожиданий. 2. Принятие (интернализация) ролей и актуализация потребностей под влиянием принятых ролей. 3. Формирование ценностной ориентации, соответствующей иерархии потребностей и принятым социальным ролям. 4. Идентификация "своей" социальной группы в соответствии с принятыми ролями и ценностной ориентацией. 5. Осознание собственных интересов (целей) в социально-политической сфере на основе системы потребностей, ценностной ориентации и характера группового самосознания. 6. Оценка существующей в данной социальной ситуации возможности (средств) влиять на политическую деятельность в направлении, соответствующем осознанным интересам. 7. Принятие системы социально-политических ценностей и установок, формирующих политические устремления»³¹¹.

Содержание политического сознания, отмечает Ф.М. Бурлацкий, составляют «политические ориентации, т.е. нормативные представления людей о соответствующих их стремлениям целях политической деятельности и при-

³⁰⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 250.

³⁰⁹ Там же. — С. 250–251.

³¹⁰ Там же. — С. 251.

³¹¹ Там же. — С. 253–254.

емлемых для них средствах достижения этих целей. Политическая ориентация представляет собой конечный результат перечисленных выше процессов, каждый из которых запечатлевается в содержании политического сознания. Разумеется, при такой схематизации имеется в виду "идеальный тип" политического сознания»³¹². С целью получить политическое сознание более отражающее реальность необходимо учитывать следующее:

1. «В данном случае речь идет о некоей "законченной" форме рационального политического сознания, которая в жизни встречается редко. Обычно из приведенного реестра выпадает один или несколько элементов. Зачастую они заменяются элементами аффективного, а иногда и иррационального свойства»³¹³.
2. «Ни один из названных процессов (элементов) не является ни вполне самостоятельным, ни в строгом смысле "первичным" по отношению к другому: все они находятся в отношениях взаимовлияния, а характер причинно-следственных связей между ними может быть различным в зависимости от обстоятельств»³¹⁴.
3. «При такой схеме не раскрывается в полной мере та роль, которую играет в реальном политическом сознании масс процесс стереотипизации политических представлений»³¹⁵.

Политическое сознание индивидов и групп может характеризоваться «различным уровнем стереотипизации. В обыденном сознании сложилось представление о стереотипе как о чем-то негативном. Этому в значительной степени способствовало широкое, в том числе и бытовое, использование данного термина для обозначения несамостоятельности, поверхностности в восприятии сложных явлений, стандартизированного поведения, неправомерного применения идеологических клише и т.д.»³¹⁶ Такому пониманию *стереотипов*

³¹² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 254.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же.

способствовали «некоторые леворадикальные... исследователи и публицисты, сопровождавшие критику капитализма немалой толикой снисходительно-презрительного отношения к массам, обвиняемым в конформизме, в податливости манипуляторским действиям сверху, в склонности к упрощенчеству, к оперированию трафаретными понятиями и т.д.»³¹⁷

Практическое обращение к *стереотипам*, пишет Ф.М. Бурлацкий, представляет собой «естественный, неотъемлемый элемент осознания и восприятия действительности. Более того, стереотипы наличествуют в сознании даже при самом глубоком проникновении в суть проблемы»³¹⁸. При этом, чем сложнее ситуация, тем большее значение приобретает «выработка стереотипов. Не случайно в центре научного исследования стереотипов с самого начала оказались так называемые антростереотипы, т.е. зафиксированные в образах представления человека о своей группе или представителях других групп. Ведь именно общественные отношения, с одной стороны, таят в себе множество сложностей, а с другой — представляют конкретный жизненный интерес с точки зрения каждого индивида»³¹⁹.

Проблема стереотипа — это «проблема влияния на восприятие предмета, явления или знаний, уже содержащихся в сознании и зафиксированных преимущественно в виде образов»³²⁰. В этой связи важна неразрывная связь между стереотипом и установкой. Под установкой, если рассматривать ее функционально, понимают «состояние готовности индивида к определенной реакции в отношении всех объектов и ситуаций, с которыми эта установка связана. Установка включает как аффективный (эмоциональный), так и когнитивный (основанный на знании) элементы. Непосредственно она не наблюдается и может быть выявлена только через проявление — вербальное или поведенческое»³²¹.

³¹⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 254–255.

³¹⁸ Там же. — С. 255.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же.

³²¹ Там же.

Совпадение ряда признаков, характеризующих оба понятия, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, позволяет рассматривать стереотип как «форму установки, возникающую в процессе социального взаимодействия и отличающуюся значительной эмоциональной интенсивностью и повышенной устойчивостью»³²². Эти особенности стереотипа помогают индивиду «более или менее уверенно ориентироваться в сложной социальной действительности и принимать решения, несмотря на неполное знание сложного переплетения взаимосвязей, недостаточную информацию и интенсивные противодействующие друг другу внешние воздействия»³²³.

По мнению Ф.М. Бурлацкого перегруженное стереотипами сознание обладает немалыми недостатками: «Неизбежное при этом упрощение сложной и противоречивой действительности делает индивида порой малочувствительным к нюансам ситуации, ее переходным и промежуточным стадиям. Если такие нюансы приобретают существенное значение, это может привести индивида к оценкам и решениям, противоречащим его первоначальным установкам»³²⁴. Устойчивость стереотипов часто создает барьер для «восприятия новой информации, особенно если она связана с необходимостью отказа от конкретного стереотипа или даже от всей системы стереотипных представлений. Несмотря на жесткую фиксацию стереотипов, перестройка сознания все же происходит»³²⁵. Однако она часто принимает «крайне болезненные формы и требует значительного времени. Окружающее стереотипы повышенное эмоциональное поле иногда подавляет рациональные элементы, что придает реакциям, основанным на этих стереотипах, иррациональный оттенок. Все это усугубляется в тех случаях, когда в структуре сознания присутствуют ложные стереотипы»³²⁶.

³²² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 255.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же. — С. 255–256.

³²⁵ Там же. — С. 256.

³²⁶ Там же.

Элементы политического сознания не только поддаются «стереотипизации», но и, как правило, присутствуют в массовом сознании в форме образов. Все они характеризуются, с одной стороны, глубокой поляризацией, а с другой — четкой эмоциональной окраской. В соответствии с этим наиболее употребительным является противопоставление "хорошо — плохо"³²⁷. На основе такого противопоставления дается оценка и другим социальным слоям или политическим группам, и институтам, и политической системе в целом. Это особенно четко выявляется в «процессе политического противостояния и борьбы, когда участвующие в нем партии в большинстве случаев воспринимаются не в непосредственной связи с их конкретной деятельностью в прошлом или программными установками в настоящем, а в соответствии с их сложившимся образом (имиджем), ориентированным на определенный стереотип и вызывающим ожидаемую реакцию»³²⁸. Данное обстоятельство, однако, не означает, что «результаты деятельности политических сил или провозглашенные ими намерения не играют роли в развитии или изменении политических ориентаций. Значение этих факторов велико, однако проявляется оно не прямо, а через влияние на восприятие (модификацию или деформацию) образа конкретной политической силы»³²⁹.

Ф.М. Бурлацкий отмечает, что это относится и к *политическим деятелям*: «Если они выступают лишь представителями своей партии, то просто персонифицируют ее образ. Если же благодаря специфике политической культуры данной страны первостепенное значение приобретает личность деятеля как таковая, то, прежде чем стать фактором политической действительности и соответственно объектом внимания общественности, она трансформируется в образ, черты которого определяются представлениями социальной группы или совокупности групп, к которым обращается политик»³³⁰.

³²⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 256.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же. — С. 256–257.

Данная особенность восприятия политического процесса, делает акцент Ф.М. Бурлацкий, образует «один из важных каналов, через которые воздействуют механизмы манипуляции общественным мнением, в частности средства массовой коммуникации. Их функция в данном случае состоит в том, чтобы способствовать выработке такого образа партии или личности, который имел бы наибольшие шансы на поддержку политически активных граждан»³³¹. Структура такого образа состоит из «сравнительно устойчивого стержня и ряда переменных характеристик. К устойчивому стержню относятся прежде всего социальные и социально-политические оценки. Так, политическая партия может иметь образ защитницы угнетенных и бедных или покровительницы привилегированных и богатых, партии реформ или консервативной стабильности, светской или конфессиональной и т.д.»³³²

Ф.М. Бурлацкий подмечает важную характеристику: отражением стереотипизированного политического сознания является феномен, именуемый «эффектом ореола». Он состоит в «такой типизации явлений или действующих лиц (индивидов и групп), в результате которой каждое из них наделяется одной или несколькими характеристиками, служащими своего рода опознавательными знаками. Их вербальное или реальное проявление вызывает запрограммированную реакцию настроенных на "ореол" стереотипов политического сознания»³³³. Подобные характеристики могут быть «существенными или поверхностными, адекватными или неадекватными. Однако, став частью "ореола", они уже с трудом отчленяются от него»³³⁴.

Существование «эффекта ореола» не означает сведения политического сознания к «простому набору стереотипов. Это было бы равнозначным утверждению, будто такое сознание является застывшим, не способным к развитию»³³⁵. В действительности политическое сознание постоянно изменяется,

³³¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 257.

³³² Там же.

³³³ Там же. — С. 258.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Там же. — С. 259.

«продвигаясь от сравнительно простых форм к сложным. Однако происходит это развитие не путем вытеснения стереотипов неким абстрактным "самостоятельным" мышлением, а в результате смены стереотипов: ложных — истинными, чрезмерно генерализующих — более конкретными, расплывчатых — приближенными к реальным явлениям и процессам»³³⁶.

Наиболее глубинные элементы политического сознания, и прежде всего установки, утверждает Ф.М. Бурлацкий, возникают «скорее всего на ранних стадиях социализации. Для этих стадий характерны расплывчатость и чрезмерная глобализация возникающих стереотипов»³³⁷. В то же время на формирующиеся установки и стереотипы в значительной степени воздействуют «врожденные особенности индивида. Стойкость первичных воздействий и их значение для процесса политической социализации в целом в немалой степени зависят как от психофизиологических характеристик индивида, так и от степени однозначности этих воздействий»³³⁸.

На следующих этапах развития личности все большее значение приобретает влияние на процесс формирования политического сознания: «с одной стороны, индивидуального опыта, а с другой — уже сложившегося группового сознания»³³⁹. Существует несколько *аспектов* данной проблемы: «а) как воспринимается и усваивается новый для личности общественный опыт; б) как воспринимается и усваивается этот же (или аналогичный) опыт различными (малыми и большими) социальными группами со сформировавшимся политическим сознанием; в) как трансформируется индивидуальное политическое сознание в процессе групповых контактов и возникает "психологическая целостность" группы на эмоциональном, рациональном и волевом уровнях»³⁴⁰.

³³⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 259.

³³⁷ Там же. — С. 260.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Там же.

Ответ на данные вопросы, считает Ф.М. Бурлацкий, в значительной степени зависит от «типа группы и ее сплоченности... Механизмы взаимодействия между индивидуальным и групповым политическим сознанием в малой неформальной группе существенно отличаются от аналогичного механизма в большой формальной организации. Последний в свою очередь не идентичен механизму взаимодействия в объективно сформировавшемся социальном слое или классе. То же самое можно сказать о степени сплоченности соответствующих групп»³⁴¹.

Ф.М. Бурлацкий добавляет, что *интенсивность воздействия группового политического сознания* на «процесс формирования индивидуального сознания, и наоборот, тем больше, чем выше уровень солидарности в соответствующей большой социальной группе»³⁴². При этом в основе такого взаимодействия лежат «объективные типологические связи, усиливаемые психологическими связями внутри макрогруппы и системой внутригрупповых коммуникаций, включающей каналы информации и эмоционально насыщенные личностные отношения»³⁴³.

Политическое сознание, отмечает Ф.М. Бурлацкий, «в том числе его внешний, содержательный компонент — политическая ориентация, неизменно содержит в себе более или менее четко выраженную поведенческую направленность, т.е. готовность практически действовать в направлении зафиксированного отношения к действительности. Именно через такую тенденцию ориентация и преобразуется в действие. Хотя этот процесс представляется естественным и очевидным, он протекает крайне сложно и требует для своего осуществления определенных условий»³⁴⁴.

Существует, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, *ряд обстоятельств*, способствующих или препятствующих «превращению ориентации в политическое поведение. Одним из них является степень свободы действий. А эта сво-

³⁴¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 260.

³⁴² Там же. — С. 261.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же.

бода зависит прежде всего от типа институциональной системы, формирующей каналы политического поведения»³⁴⁵. Институциональные системы различаются «по степени безопасности, которая гарантируется личности, по возможности произвести действие, не затрачивая на него неоправданно больших усилий и не делая непомерно высоких затрат, по уверенности в адекватности предпринимаемого действия возможному конечному результату и т.п.»³⁴⁶

При этом здесь не идет речь только о совокупности юридических норм и законодательных актов. Речь идет о соотношении социальных и политических сил. Например, «и безопасность личности, и возможность произвести действия, не затрачивая на них неоправданно больших усилий, и уверенность в адекватности действий конечному результату могут быть обеспечены и при отсутствии соответствующих юридических актов, если, например, институты, которые способны препятствовать таким действиям, выведены из строя или их деятельность парализована в результате революционных потрясений»³⁴⁷. Также и наоборот, «при определенных ситуациях юридические нормы не предоставляют значительным категориям населения необходимые гарантии самой возможности реализовать политические ориентации в действия либо из-за позиций властей, игнорирующих правовые нормы, либо из-за сопротивления влиятельных социальных групп, прибегающих к неинституциональным формам давления на политическое поведение, включая различные виды морального или физического террора»³⁴⁸.

Характер экономических отношений также влияет на степень свободы действий: «Даже при институциональной системе, не препятствующей реализации ориентаций в политическом действии, оно может осуществиться лишь при необходимой степени экономической независимости индивидов. В противном случае такое действие выражает ориентацию не столько их самих,

³⁴⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 261–262.

³⁴⁶ Там же. — С. 262.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же.

сколько тех, от кого они материально зависят»³⁴⁹. Влияние экономических факторов на политическое поведение не сводится к «примитивному принуждению путем материальных санкций... Существует гамма косвенных принуждающих действий: от предоставления действительных или мнимых привилегий индивиду (или группе) до использования материального богатства для создания атмосферы, при которой определенный тип действий становится обязательным (или невозможным)»³⁵⁰.

В качестве ограничителя свободы действий могут выступать регуляторы социального поведения, то есть «нормы и требования, предъявляемые общественной системой индивиду или группе. Эти нормы-предписания принимаются (интернализуются), преломляясь в сознании в виде системы табу, в соответствии с которой определенные действия объявляются недопустимыми вне зависимости от того, отвечают они политическим ориентациям или нет»³⁵¹. Кроме регуляторов социального поведения, «характерных для общества в целом, существуют также регуляторы, свойственные различным группам. При преобразовании политической ориентации в поведение такие регуляторы могут иметь либо стимулирующее, либо тормозящее значение»³⁵².

Действия таких регуляторов приводят к тому, что «для одних групп переход от ориентации к поведению осуществляется сравнительно легко, а для других — предельно затруднен. При этом воздействие механизмов, опосредующих превращение политических ориентаций в поведение, определяет не только его интенсивность, но и формы»³⁵³. В результате однотипная политическая ориентация «в рамках одной государственной общности при одной и той же ситуации может вылиться в различные действия либо обусловить отсутствие таковых... Эффективность регуляторов группового поведения в решающей степени зависит от сплоченности группы»³⁵⁴.

³⁴⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 262.

³⁵⁰ Там же. — С. 262–263.

³⁵¹ Там же. — С. 263.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Там же.

Преобразование ориентации в политическое действие, как и формирование самой ориентации, пишет Ф.М. Бурлацкий, происходит в «конкретных ситуациях. При соответствующих обстоятельствах их влияние на этот процесс может оказаться определяющим»³⁵⁵. Так, при неблагоприятной внешнеполитической обстановке «негативное отношение массовых социальных групп к политическим институтам и политической системе в целом может не преобразоваться в действие (или найти выражение в действиях меньшей решительности и эффективности, чем в ином случае) из-за опасения нанести ущерб безопасности государственной общности перед внешней угрозой. В свою очередь реализация ориентаций в виде политических действий в одной стране может создать психологический фон, катализирующий переход аналогичных политических ориентаций в фазу действий в соседних государствах»³⁵⁶.

Данный путь — «от объективных условий существования через политическую ориентацию к действию — наиболее типичен для социально-осмысленной мотивационной формы. Именно при такой форме политическая ориентация созревает как результат возникновения системы потребностей, социальных ожиданий, ценностной ориентации, принятия социальных ролей, осознания собственных интересов, оценки ситуации и вытекающих из нее возможностей и т.д.»³⁵⁷ А поведение, в этом случае, выступает как «непосредственное следствие, форма реализации этой ориентации. Аналогичный путь характерен и для ценностно-обусловленного поведения, при котором не обязательны полное осознание собственных интересов, адекватная оценка ситуации и вытекающих из нее возможностей, однако существует общая политическая ориентация, основанная на устойчивой системе ценностей»³⁵⁸.

В случае мотивированного поведения посредническая роль политической ориентации прослеживается меньше: «В данном случае сама эта ориентация крайне неразвита. Нередко она сводится к заимствованию немногих готовых

³⁵⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 263.

³⁵⁶ Там же. — С. 264.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Там же.

установок, ориентированных на несколько гипотетических явлений и процессов»³⁵⁹. Функция такой ориентации может ограничиться только запрограммированной реакцией на «те или иные внешние импульсы. При аффективно мотивированном политическом действии посредническая роль ориентаций возможна, но не обязательна. Это, конечно, не означает, что индивиды, совершающие аффективно мотивированные поступки, вообще не имеют политических ориентаций. Их полное отсутствие предполагает абсолютную исключенность из политической системы, что встречается крайне редко. Речь в данном случае идет о том, что при аффективно мотивированном действии ориентация, даже если она имеет явно выраженную форму, часто не определяет характера политического действия, которое может быть совершено и вопреки ей»³⁶⁰.

Ф.М. Бурлацкий отмечает, что при острых кризисных ситуациях в политические действия, «причем в их самой активной форме, нередко стихийно вовлекаются массовые группы, ориентация которых сама по себе не определяет их участия в акциях такого порядка. В обычных, более стабильных условиях такие случаи встречаются реже, однако тоже не исключены. В результате порядок зависимости как бы меняется. Политические ориентации не только перестают быть фактором, формирующим и видоизменяющим поведение, но и сами меняются под его воздействием»³⁶¹. И получается, что поведение, «вызванное объективными условиями существования, начинает формировать и видоизменять политические ориентации. В свою очередь модифицированные ориентации воздействуют на породившее их поведение, как бы подкрепляя его новыми импульсами. В описанных случаях прямой переход от объективных условий существования к политическим действиям обусловлен эмоциональной реакцией индивида (или группы) на определенные события или ситуацию, вызванные этими условиями»³⁶².

³⁵⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 264.

³⁶⁰ Там же. — С. 264–265.

³⁶¹ Там же. — С. 265.

³⁶² Там же.

Политическое поведение — «поведение коллективное, ибо в конечном счете оно может быть реализовано лишь в результате совокупных усилий. Но такое поведение не может быть сведено к сумме независимых действий индивидов, которые как бы автономно реализуют свой подход к проблеме»³⁶³. Это поведение представляет собой «новое качество: итог многих лет борьбы, успехов и поражений, наступлений и отступлений. Поэтому каждое политическое действие должно быть рассмотрено через призму групповых влияний не только на стадии формирования политической ориентации... но и на стадии поведения как такового»³⁶⁴.

При наличии определенных условий «(политической гомогенности, высокой интенсивности воздействия, соответствующей ситуации) групповое влияние может предписать индивиду или совокупности индивидов поведение, не вытекающее из сформировавшихся у них политических ориентаций, иногда даже противоречащее им. В этом случае, как и в предыдущем, участие в коллективном политическом действии чаще всего модифицирует прежние политические ориентации, которые уже в измененной форме сказываются на поведении»³⁶⁵. При этом, чем более массовым является групповое политическое действие, «тем сильнее его преобразующее влияние на систему ориентаций. Поэтому данный процесс четче всего прослеживается во время массовых политических движений»³⁶⁶.

Подводя итог своим рассуждениям, Ф.М. Бурлацкий делает вывод, что в «реальной жизни, разумеется, не существует "чистых" моделей формирования политического поведения — через политические ориентации или помимо них. В любом варианте такого формирования присутствуют и посредническая роль политических ориентаций, и прямые импульсы, идущие от объективных условий существования к поведенческим характеристикам»³⁶⁷. Но значение

³⁶³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 265.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Там же. — С. 266.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Там же. — С. 267.

различных моделей в общем процессе бывает разным: «от доминирования посреднических функций политических ориентаций при социально-осмысленном типе поведения до их минимизации при аффективном типе и в случае преобладания групповых воздействий»³⁶⁸.

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий на основе историко-сравнительного анализа политических систем США, Великобритании и ФРГ с учетом их традиций и особенностей культурного развития разработал оригинальный подход к феноменам политического сознания и политического поведения. Ф.М. Бурлацкий исследовал политическое сознание и политическое поведение в качестве компонентов политической системы общества. По результатам исследования Ф.М. Бурлацкий отнес политическое сознание и политическое поведение к социально-психологическим явлениям, так как они определяются политической культурой и основываются на социально-политическом опыте общества.

§3. Элита, политическое лидерство и эксперты³⁶⁹

Современные отечественные исследования феноменов *элиты*³⁷⁰ и *политического лидерства*³⁷¹ опираются не только на работы зарубежных политологов,

³⁶⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 267.

³⁶⁹ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Соболев В.А.* Феномен политических советников и консультантов в творчестве Ф.М. Бурлацкого // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). — 2018. — № 3. — URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/912>; *Соболев В.А., Ширинянец А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. — 2016. — № 5. — С. 25–42.

³⁷⁰ См.: *Дука А.В.* Эволюция константы: российские элиты в историческом контексте // Полис. Политические исследования. — 2008. — № 6. — С. 180–185; *Дука А.В.* Институционализация российской политико-административной элиты // Политическая наука. — 2009. — № 3. — С. 110–140; *Ашин Г.К.* Элитология в системе общественных наук // Вестник МГИМО-Университета. — 2009. — № 6. — С. 27–37; *Ашин Г.К.* Элитология и обществознание // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2010. — № 4. — С. 91–98; *Пивоваров Ю.С.* Еще раз об элитах в русской истории // Россия и современный мир. — 2010. — № 4 (69). — С. 18–47; *Ашин Г.К.* Элитология как российская инновация // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2011. — № 1. — С. 162–172; *Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В.* Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 1. — С. 66–79; *Буренко В.И.* Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2011. — № 20. — С. 18–23; *Кочетков А.П.* Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 5. — С. 8–20; *Карабущенко П.Л.* Живая элитология // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2012. — № 1. — С. 212–223; *Буренко В.И., Шумилов А.В.* Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. — 2012. — № 4. — С. 9–18; *Гуторов В.А.* Политическая элита и политическое образование в современной России // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. — СПб.: Интерсоцис,

но и на наследие советских ученых. Обращение к творчеству Ф.М. Бурлацкого позволяет показать результаты, достигнутые в этой области.

Одно из первых отечественных исследований элит и политического лидерства было осуществлено в начале 1970-х гг. в Институте конкретных социальных исследований АН СССР. В нем, используя разработки западной науки и синтезируя их с достижениями советских ученых, была проанализирована динамика эволюции различных групп элит Западной Европы и США. Результаты данного исследования были опубликованы в книге, написанной Ф.М. Бурлацким в соавторстве с А.А. Галкиным, «Социология. Политика. Международные отношения», и получили дальнейшее развитие в обобщающей работе «Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма».

Начнем с определения «элиты» во второй книге «Современный Левиафан...», так как там содержится наиболее полная трактовка данного понятия. *Элита* — «верхушечные группы различных слоев, составляющих в совокупности господствующий класс, группы, которые отражают интересы данного класса и осуществляют в соответствии с этим управление экономической, социальной и политической жизнью общества»³⁷².

Понятие элиты предполагает, что речь идет о «категории лиц, принимающих решения, которые оказывают существенное влияние на функционирование и развитие общественного организма»³⁷³. Такие решения могут быть приняты как в экономической, так и в политической сферах. Однако решения,

2014. — Т. 1. — С. 207–223; *Пляйс Я.А.* Политико-административная элита современной России: проблемы трансформации // *Власть*. — 2015. — № 4. — С. 29–33; *Соловьев А.И.* Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства // *Власть и элиты* / Гл. ред. А.В. Дука. — СПб.: Интерсоцис, 2015. — Т. 2. — С. 152–170; *Карабущенко П.Л.* Элита как ценность: смысл избранности // *Ценности и смыслы*. — 2016. — № 1 (41). — С. 48–62; *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука*. — 2016. — № 2. — С. 38–73; и др.

³⁷¹ См.: *Ильин М.В., Коваль Б.И.* Личность в политике: «Кто играет короля?» // *Полис. Политические исследования*. — 1991. — № 6. — С. 127–138; *Шестопал Е.Б.* Политическое лидерство и проблемы личности // *Полис. Политические исследования*. — 2011. — № 2. — С. 53–68; *Шестопал Е.Б.* Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // *Полис. Политические исследования*. — 2013. — № 3. — С. 47–57; *Соловьев А.И.* Политический лидер в административной среде государственного управления или «Кто в доме хозяин?» // *Полис. Политические исследования*. — 2017. — № 2. — С. 60–81; и др.

³⁷² *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 124.

³⁷³ *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 133.

принятые в политической сфере, могут носить «преимущественно экономический, а в экономической — преимущественно политический характер. Сами эти сферы тоже неоднородны. Экономическая подразделяется на частную и государственную, политическая — на политическую в узком смысле этого слова, бюрократическую и идеологическую»³⁷⁴.

Процесс принятия решений у различных элит имеет сложный и многоуровневый характер, поэтому решающую роль в нем играют «не только те, кто формально визирует решения или берет на себя за них ответственность»³⁷⁵. В зависимости от ситуации такую роль могут исполнять «лица, формально не облеченные всей полнотой власти, однако имеющие большой вес при подготовке и обсуждении решений, а также в ходе их практической реализации или наблюдения за исполнением»³⁷⁶.

При принятии экономических решений в государственной сфере «велико влияние групп экспертов, состоящих, как правило, из лиц, непосредственно отражающих интересы крупнейших частных монополий и представителей технократической верхушки»³⁷⁷. Политические же решения принимаются под «воздействием "групп давления", решающую роль среди которых играют защитники интересов крупных частных монополий, а формулируются и осуществляются при самом активном, а иногда и определяющем участии бюрократической верхушки»³⁷⁸.

Это, по мнению Ф.М. Бурлацкого, дает возможность более конкретно определить *границы и внутреннюю структуру элиты*. Ее частью, которая функционирует на «поверхности, формально выступая в качестве основного

³⁷⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 134.

³⁷⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 133.

³⁷⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 134.

³⁷⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 133.

³⁷⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 135.

носителя властных функций, является *политическая элита*³⁷⁹. С точки зрения структуры власти она состоит из двух частей: «группа, принимающая политические решения, и группа, оказывающая политическое давление»³⁸⁰.

Принимаемые политической элитой решения носят «наиболее общий характер. По мере развития государственно-монополистического капитализма и, соответственно, расширения сферы компетенции... государства политические решения становятся определяющими далеко за пределами того круга проблем, которые по традиции считаются политическими»³⁸¹. Однако в принятии таких решений политическая элита существенно ограничена. На практике ее роль и влияние зависят от «конкретной обстановки: соотношения классовых сил в стране, остроты социальных противоречий, расстановки сил в самой... элите, специфики формы политического строя»³⁸².

На позиции политической элиты существенное влияние может оказывать «обострение социально-классовой обстановки в стране. Пока противостоящие классы уравнивают друг друга, политическая верхушка, лавируя и заигрывая с различными социальными силами, может не только укрепить свои позиции, но и приобрести определенную свободу рук»³⁸³. Однако это возможно только до определенного предела, после которого начинается распад политической власти: «Как только социальный накал достигает уровня, за которым возникает угроза власти господствующего класса... элита, действуя в соответствии с его интересами, занимает четкую позицию по одну сторону баррикады. Соответственно возможности маневра, которыми она располагала до этого, уменьшаются»³⁸⁴.

³⁷⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 133–134.

³⁸⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 135.

³⁸¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 134.

³⁸² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 135.

³⁸³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 134–135.

³⁸⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 136.

Основное ядро элиты образуют «владельцы монополий, а также директора и управляющие частных государственных компаний, или *экономическая элита*. Ее влияние в капиталистическом обществе обусловлено огромной концентрацией экономической мощи»³⁸⁵. В отношении политической элиты она выступает в качестве группы давления. Формы воздействия на политическую власть могут быть следующими: «и субсидирование политических партий, и финансирование политических кампаний, и давление на правительства через парламент, а на парламент — через разветвленную систему лоббизма, и прямой подкуп, и экономический саботаж неугодных решений, и организация заговоров для свержения попавших в немилость политических режимов»³⁸⁶.

Власть экономической элиты может зависеть от «степени концентрации экономической мощи, неодинаковой в различных странах. Немалую роль играет уровень сплоченности самой хозяйственной верхушки»³⁸⁷. Также пределы ее власти ограничивают «противостоящие ей социальные, классовые силы, наличие мощного рабочего движения, руководимого революционной партией, степень единства антимонополистических сил»³⁸⁸.

Достаточно ощутимым влиянием, но меньшим, чем две выше названные группы элиты обладают «руководящие деятели бюрократического аппарата. Иногда их считают составной частью политической элиты. Однако специфика их положения в системе власти, интересов и характера воздействия на общественный организм позволяет рассматривать их как отдельную группу»³⁸⁹.

Влияние *бюрократической элиты* осуществляется двумя путями: *Первый путь* — «ее представители обладают полномочиями для принятия важных решений в той сфере, которую они непосредственно опекают. Такие решения, хотя формально и не носят политического характера, могут в ряде случаев

³⁸⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 135.

³⁸⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 136.

³⁸⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 135.

³⁸⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 137.

³⁸⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 135.

оказывать определяющее воздействие на общественную жизнь»³⁹⁰. *Второй путь* — «у них имеются огромные возможности влиять как на характер принимаемых общеполитических решений, подготовку которых они осуществляют, так и на проведение их в жизнь»³⁹¹.

Место и роль *военной элиты* в правящем классе зависит от «степени развития милитаризма. При низком уровне она не играет самостоятельной роли»³⁹². Общественные позиции ее представителей зависят от «места, которое они занимают в других группах элиты, другими словами, от политических связей, размеров личного богатства и т.д. Рост удельного веса военной клики превращает ее в самостоятельную силу»³⁹³.

Особое положение занимает *идеологическая (коммуникационная) элита*. В нее обычно включают «ведущих деятелей науки, искусства и культуры, верхушку духовенства, а также лиц, направляющих деятельность средств массовых коммуникаций»³⁹⁴. Эффективное управление современным обществом «невозможно без целенаправленного формирования его идейной и культурной жизни»³⁹⁵. Поэтому «господствующий класс вынужден прилагать максимум усилий для поддержания влияния своей идеологии, усиления ее воздействия на массы»³⁹⁶. Эффективность такой деятельности напрямую зависит от активного участия в ней лиц, играющих «ведущую роль в идейной и духовной жизни. Это невозможно без их тесных контактов с... элитой, а в некоторых случаях и прямого слияния с ней»³⁹⁷.

Однако такая успешная интеграция осуществляется не всегда. Легче всего туда интегрируются «лица, направляющие деятельность средств массовых

³⁹⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 137.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 136.

³⁹³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 137.

³⁹⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 136.

³⁹⁵ Там же. — С. 136–137.

³⁹⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 138.

³⁹⁷ Там же.

коммуникаций»³⁹⁸. Большинство из них входит в элиту через другие группы — «как крупные собственники (владельцы газет, частных радиостанций и коммерческих телевизионных компаний) или государственные чиновники (руководители государственных органов информации)»³⁹⁹.

Деятелями науки и культуры интегрируются сложнее. Это происходит из-за того, что специфика духовной деятельности обуславливает «определенную степень критического отношения к действительности. Кроме того, высокое общественное признание несовместимо с позициями плоского конформизма. Немалую роль играет и то, что влияние в данной сфере обычно носит неофициальный характер»⁴⁰⁰. Поэтому можно констатировать, что возможности волевого формирования идеологической элиты находятся в узких рамках. Интеграция данной группы может быть в ряде случаев осуществлена «путем применения различных форм коррумпирования. Тем не менее ее большая часть пытается сохранить относительно независимое положение либо оказывается в оппозиции к системе. Ввиду этого идеологическая верхушка входит в... элиту лишь частично»⁴⁰¹.

Приведенная характеристика различных групп в составе элиты позволяет очертить ее границы. Объективную картину определения той черты, которая отделяет основную часть правящего класса от элиты можно получить на основе изучения «перечня должностей и позиций, обладание которыми обеспечивает включение в состав элиты»⁴⁰². Данный перечень должностей и позиций, «обладание которыми равнозначно включению в... элиту, варьируется в зависимости от национальной специфики»⁴⁰³.

³⁹⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 137.

³⁹⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 138.

⁴⁰⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 137.

⁴⁰¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 139.

⁴⁰² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 138.

⁴⁰³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 140.

Кроме того, необходимо определить «круг фирм, руководители которых могут быть включены в такие перечни. Вопрос этот также решается для каждой страны отдельно с учетом различий в уровне промышленного развития, степени концентрации капитала, размеров национального богатства и т.д.»⁴⁰⁴ В перечень бюрократической элиты включают «руководящий состав общенациональных учреждений — от министерских до высших судебных»⁴⁰⁵. Главный критерий отнесения к этой группе — «участие в подготовке и принятии решений, оказывающих заметное влияние на процессы развития в национальных масштабах. Аналогичным путем определяется состав военной и коммуникационной элит»⁴⁰⁶.

Однако Ф.М. Бурлацкий делает оговорку, что приведенный метод выявления численности элиты не лишен недостатков. Так, определение численности путем анализа перечня должностей не дает однозначной картины, так как они могут быть отнесены к тем или иным элитным группам. В таких спорных случаях можно использовать экспертную оценку. Также нередко существует расхождение между формально-должностным и реальным влиянием. Поэтому целесообразно применение включения в состав элиты на основе других признаков.

Исследование процесса формирования и структуры элиты, с одной стороны, позволяет перейти к более детальному рассмотрению феномена политического лидерства и его ключевым характеристикам, а с другой — выявить «особенности реализации власти каждой из составляющих ее групп. Для экономической и бюрократической (в том числе военной) элит наиболее типично осуществление властных функций по закрытым каналам, для политической и коммуникационной — по внешне открытым»⁴⁰⁷. Данное различие важно, так как открытые формы реализации власти переносят «осуществляющие их

⁴⁰⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 139.

⁴⁰⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 140.

⁴⁰⁶ Там же. — С. 141.

⁴⁰⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 157.

группы на общественную авансцену. Информация об их деятельности — при всей ее ограниченности — гораздо шире по сравнению с другими группами. Больше и формальные возможности для контроля за нею»⁴⁰⁸.

В процессе исторического развития общество выработало для политического руководства специальные правила поведения и систему ограничителей, которые ставят его в определенные рамки. Осуществление власти по открытым каналам предполагает в «качестве одной из важнейших функций установление непосредственных связей со всем обществом, прямую апелляцию к его активной части, ее мобилизацию на поддержку всего того, что является необходимым для осуществления власти... элиты или, по крайней мере, обеспечение благожелательного нейтралитета»⁴⁰⁹. Использование закрытых каналов требует умений и качеств другого рода: «способности обеспечить сплоченность элитарной "группы интересов", нахождения путей укрепления ее позиций, употребления механизмов власти для осуществления своих целей и нейтрализации противостоящих им устремлений»⁴¹⁰.

Различия в каналах и типах осуществления власти формируют индивидуальные качества лиц, входящих в те или иные группы элиты: «"идеальная" модель преуспевающего менеджера-технократа и собственника, использующего скрытые рычаги общественной власти, отличается от "идеальной" модели высокопоставленного бюрократа, знающего силу вовремя подготовленной (задержанной) бумаги, или прожженного политикана, освоившего современные методы массового воздействия — как через средства массовых коммуникаций, так и путем прямых контактов с рядовыми гражданами»⁴¹¹. Необходимо оговориться, что такие «идеальные» модели могут существовать лишь в теории. На практике черты различных «идеальных» типов, учитывая всевозмож-

⁴⁰⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 160.

⁴⁰⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 157–158.

⁴¹⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 160.

⁴¹¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 158.

ные переплетения структурных элементов элиты, могут быть «свойственны одному человеку. Можно найти также немало примеров, когда представитель одной элитной группы обладает чертами, которые, согласно "идеальной" модели, должны были бы быть присущи представителю иной и т.д.»⁴¹²

Приведенное различие реализуется с помощью своеобразного механизма селекции: «Его основная пружина — критерий успеха... но действующий уже в пределах самой... элиты. Например, для занятия ведущих позиций в рамках экономической элиты недостаточно получить в наследство крупное состояние»⁴¹³. Необходимо обладать «умением сохранить и умножить его в ожесточенной борьбе с конкурентами. Отсутствие такого умения (или соответственно желания) обычно является побудительной причиной перехода в другую элитную группу»⁴¹⁴.

Аналогичный процесс может происходить и в других элитных группах: «Элитарные позиции родителей (например, размеры их состояния) могут открыть (и, как правило, открывают) путь для вхождения в бюрократическую элиту и для быстрого продвижения по ступеням ее иерархии»⁴¹⁵. Однако при выборе такой карьеры и для успешной ее реализации необходимы «по меньшей мере готовность, склонность и способность принимать и реализовывать в ходе конкретной деятельности достаточно унылые "правила игры" этой элитарной группы»⁴¹⁶.

При этом *типология лидеров*, рассматриваемая в качестве части элиты, не может быть сведена к «структурным критериям, тем более что сама структура... элиты... постоянно меняется. Каждая историческая эпоха, каждый исторический поворот выдвигают свои специфические требования к различным

⁴¹² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 160–161.

⁴¹³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 158.

⁴¹⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 161.

⁴¹⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 159.

⁴¹⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 161.

группам правящей верхушки, соответственно воздействуя на их формирование»⁴¹⁷.

Историческое развитие общества меняло и систему требований, предъявляемых к членам политической элиты: «Традиционная... либерально-парламентская система, сформировавшаяся во второй половине XIX века, была рассчитана на низкую политическую активность основной массы населения. В политическую систему были включены, как правило, лишь наиболее состоятельные и образованные социальные группы»⁴¹⁸. Поэтому к типичному представителю политической элиты того времени можно отнести ориентированного на эти группы политика, борющегося за «парламентскую карьеру. Его обычный путь — от рядового члена парламента через парламентария "министриабельного" к государственному деятелю»⁴¹⁹. Отличительными чертами такого политика чаще всего являлись «гуманитарное (преимущественно юридическое) образование, большая или меньшая степень политической ориентированности (включая высокую долю беспринципности), изворотливость, умение устанавливать необходимые контакты и красноречие. Последнее качество в ряде случаев имело столь большое значение, что могло сыграть определяющую роль в политической карьере»⁴²⁰.

Дальнейшее развитие общества также внесло коррективы в его политическую систему: «Расширение функций государства... привело к усложнению функций политической деятельности. Ускорение общественного развития, связанное с коренной ломкой устоявшихся, традиционных структур, еще больше обострило и так уже острые проблемы, с которыми столкнулся капитализм. Одновременно появились новые инструменты и методы политическо-

⁴¹⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 159.

⁴¹⁸ Там же. — С. 160.

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 163.

го воздействия на массы»⁴²¹. Поэтому политику-парламентариию начали составлять серьезную конкуренцию политические лидеры «нового» типа:

- «лидер-демагог» — «апеллирующий к широкой, преимущественно неорганизованной, массе, спекулирующий на ее инстинктах, предрассудках, традиционном консерватизме, политической неискренности, обусловленной отсутствием опыта»⁴²²;
- «политический бюрократ» — «специалист по созданию политических организаций и руководству ими, владеющий методами массовой манипуляции»⁴²³.

Возрастающая роль политических лидеров «нового» типа наиболее ярко проявилась в процессе формирования и развития фашистских режимов в 1920–1930-е гг. в Италии и Германии. Лидеры такого типа (к ним можно отнести и лидеров крайне правых политических элит в странах Европы) отличались от «своих предшественников не только политической программой, но и методами реализации власти»⁴²⁴. Все они играли в «"народных вождей", обращались "непосредственно к народу", говорили о его "насущных социальных проблемах", обещали стоять на "страже его интересов"»⁴²⁵.

Лидеры «нового» типа, являясь защитниками интересов действующей власти и членами ее элиты, по своему происхождению были «выходцами из низов. Это обстоятельство помогало им лучше понять психологию... массы, к которой они прежде всего обращались, играть на ее слабых струнах»⁴²⁶. Тогда изменились и критерии политических речей: «Это были уже не парламентские рулады, построенные по всем правилам ораторского искусства и рассчитанные на эрудитов. В политический обиход были введены грубые, примитив-

⁴²¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 161.

⁴²² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 163.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 161.

⁴²⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 164.

⁴²⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 161.

ные призывы, рассчитанные на эмоции толпы, отсутствие у нее привычки рассуждать, на создание атмосферы массового психоза. Наряду с лидерами этого толка появились также политики второго плана, державшие в руках важнейшие организационные нити»⁴²⁷.

Возрастание роли политических лидеров такого типа происходило и после падения крайне правых режимов, представлявших собой «кризисную форму реализации процесса государственно-монополистического развития... капитализма. Смягчились лишь внешние проявления поведения, в том числе формы апелляции к массам»⁴²⁸.

Актуальными и сегодня являются следующие выводы Ф.М. Бурлацкого: современные тенденции, лежащие в основе нынешнего стремления общества к сильному политическому лидерству, с одной стороны, во многом отличаются от тех, которые привели «в свое время к установлению фашистских режимов»⁴²⁹. Но, с другой, их социально-политические и экономические корни аналогичны. Сегодня кризисные тенденции обнажают «несостоятельность существующей политической системы, которая перестает эффективно выполнять свою надстроечную роль. Она оказывается не в состоянии ни гарантировать стабильность позиций правящего класса, ни обеспечить устойчивость функционирования и взаимодействия своих элементов. Теряют эффективность и используемые этой системой методы поддержания минимально необходимого для ее сохранения уровня консенсуса»⁴³⁰.

В данных условиях обращение к сильной власти, к «харизматическому лидеру», к «герою» может «действительно показаться (и зачастую кажется) панацеей от всех бед, которые обрушиваются на политическую систему капитализма»⁴³¹. Такая апологетика сильной власти, сильной личности весьма пока-

⁴²⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 164.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 170.

⁴³⁰ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 172.

⁴³¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — С. 170.

зательна в качестве отражения «определенных настроений и расчетов. Однако, как продемонстрировал опыт и бонапартизма, и фашизма, обращение к лидеру-"герою" является лишь паллиативом. Сама по себе "сильная власть", персонализированная в одном человеке, не в состоянии решать назревшие проблемы и только создает новые»⁴³².

Приписываемая лидерам харизматического типа «целеустремленность» в принятии решений, имеет лишь внешний характер. Зачастую решения принимаются на основе «искаженной информации, которая учитывает взгляды лидера. Их реализация контролируется только сверху, т.е. односторонне»⁴³³. Необходимость создания жесткой структуры для реализации единоличной сильной власти формирует «бюрократическую прослойку, которая вскоре приобретает негативные черты бюрократии, существовавшей при прежней власти, не обладая ее компетентностью. Перекрытие последних каналов обратной связи, существовавших при парламентском режиме, лишает политическое руководство возможности исправлять свои наиболее грубые просчеты»⁴³⁴. В итоге, как показывает исторический опыт такая система подвергается внутреннему распаду и не выдерживает серьезных испытаний, которые преподносит перед ней жизнь.

В данном контексте необходимо отметить, что Ф.М. Бурлацкий также изучал и анализировал личности крупнейших политических деятелей XX века: Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, Н.С. Хрущева и Ю.В. Андропова, М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина и др.⁴³⁵

В итоге, рассмотренное выше позволяет сделать вывод, Ф.М. Бурлацкий выработал оригинальную трактовку понятий лидерства и элиты, которая расходится с доминирующими сегодня в мировой политической науке объяснени-

⁴³² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — С. 172.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Там же. — С. 172–173.

⁴³⁵ См.: Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. — М.: Рипол Классик, 2003. — 254 с.; Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин. — М.: Собрание, 2008. — 231 с.; Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его наследники. — М.: Международные отношения, 1979. — 400 с.; Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущев. — М.: Рипол Классик, 2003. — 349 с.; Бурлацкий Ф.М. Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. / Ф.М. Бурлацкий. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. I. — 584 с.; Бурлацкий Ф.М. Русские государи: Эпоха реформации. Никита Смелый. Михаил Блаженный. Борис Крутой. — М.: Фирма «ШАРК», 1996. — 510 с.

ями, выводящими вопросы нравственности и ценностей за рамки политологического анализа. В своем политологическом анализе деятельности крупнейших лидеров XX века Ф.М. Бурлацкий выходил на высокий уровень научных обобщений, что ставит его в один ряд с мировыми учеными в сфере разработки проблем политического лидерства.

Изучение и анализ элит, а затем лидерства пробудил исследовательский интерес Ф.М. Бурлацкого к теоретическому описанию феномена политических экспертов. Ф.М. Бурлацкий в книге «Загадка и урок Никколо Макиавелли»⁴³⁶ впервые в советской науке затронул вопрос о политической роли советников, консультантов, экспертов и об их участии в принятии государственных и политических решений. Исследовательский интерес подкреплялся личным опытом Ф.М. Бурлацкого — в 1950–1960-е гг. он сначала сам работал советником, а затем возглавлял группу консультантов при Ю.В. Андропове⁴³⁷. Е.М. Примаков отмечал, что Ю.В. Андропов «окружил себя одаренными людьми... партийными интеллектуалами... которые помогали приближать партию к реальному пониманию действительной, а не "марксистско-книжной" обстановки в мире»⁴³⁸. Характеризуя группу, которую собрал вокруг себя Ф.М. Бурлацкий на Старой площади, Г.А. Арбатов подчеркивал, что «это был очень сильный и очень творческий коллектив»⁴³⁹. Своих сподвижников Ф.М. Бурлацкий называл «аристократы духа» (термин Г. Стеффенса) в силу их высоких интеллектуальных и нравственных качеств⁴⁴⁰.

Систематизируя взгляды Ф.М. Бурлацкого по данному вопросу, можно выделить следующие типы советников.

⁴³⁶ См.: *Бурлацкий Ф.М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли. — М.: Молодая гвардия, 1977. — С. 5–13.

⁴³⁷ См.: *Бутенко А.П.* Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2000. — С. 120–121; *Галкин А.А.* У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* — 2010. — № 3–4. — С. 263.

⁴³⁸ *Примаков Е.М.* Минное поле политики. — М.: Молодая гвардия, 2006. — С. 29.

⁴³⁹ *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985): Свидетельство современника. — М.: Международные отношения, 1991. — С. 81.

⁴⁴⁰ См.: *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... — М.: Политиздат, 1990. — 383 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Никита Хрущев и его советники – красные, черные, белые. — М.: Собрание, 2008. — 285 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Никколо Макиавелли: Советник государя. — М.: Собрание, 2008. — 334 с.; *Бурлацкий Ф.М.* Юрий Андропов и аристократы духа. — М.: Собрание, 2009. — 286 с.; *Burlatsky F.M.* *KhrushchevandtheFirstRussianSpring.* London, WeidenfeldandNicolson, 1991. 286 p.

Первый тип — «советник-мыслитель, советник-просветитель, харизматический советник. Это тот, кто, по словам Пушкина, содействует изменению нравов, что лежит в основе лучших, наиболее устойчивых преобразований. Примерами таких советников были Аристотель при Александре Македонском, Сенека при Нероне, Макиавелли при Медичи, Вольтер и Руссо при государях XVIII века, Сперанский при Александре I, Витте и Столыпин при Александре III и Николае II. В наше время не было ни одного советника на таком профессиональном уровне и с таким влиянием»⁴⁴¹.

Второй тип — «советник-пророк... Томас Мор в Англии, Нострадамус во Франции, Сен-Симон в период Консулата. В наше время к этому типу мыслителей ближе подошли Андрей Сахаров, Александр Солженицын. Испорченной моделью такого советника является советник-идеолог. Идеологи отличаются обычно фанатизмом. Это люди одной идеи, веры, подсознательного убеждения»⁴⁴².

Третий тип — «советник-политикан, советник — себе на уме, советник-перебежчик. Он легко, как хамелеон, меняет окраску в зависимости от того, какому государю служит. Таких советников в истории легион. Эта самая распространенная порода. Многие из них достигли выдающихся высот: Меттерних в Австрии, Талейран во Франции, Василий Шуйский в России»⁴⁴³. Более негативным вариантом политикана, по мнению Ф.М. Бурлацкого, является советник-визирь, советник-чиновник, советник-холоп.

Особое внимание Ф.М. Бурлацкий уделяет *советнику-просветителю* и называет его «*харизматическим советником*» (по модели «харизматического лидера» Макса Вебера). Такие советники, «абсолютно убежденные в правоте своих идей, концепций, рекомендаций, сумели оказать значительное влияние на решения, принимаемые государями»⁴⁴⁴.

⁴⁴¹ Бурлацкий Ф.М. Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. II. — С. 205–206.

⁴⁴² Там же. — С. 206.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 252.

«Харизматический советник» в отличие от «харизматического государя», отмечает Ф.М. Бурлацкий, не ищет личной власти. Такой советник довольствуется «влиянием на умы, на принятие решений. Это род деятельности серых кардиналов, хотя она, эта деятельность, может быть окрашена в светлые тона. Советник харизматического склада черпает удовлетворение не в обладании реальной властью в государстве, а в приобщенности к власти духовной. Если хотите, это другой род тщеславия, чем у правителей»⁴⁴⁵. Для советников харизматического склада поиск чинов — «смешное и унижительное занятие. Он мыслит себя совсем по другому счету. Он искренне верит, что Слово важнее Дела, что Слово всегда предшествует творению»⁴⁴⁶.

По мнению Ф.М. Бурлацкого *советник* имеет определенные преимущества по сравнению с *государем*. Ф.М. Бурлацкий объясняет это, ссылаясь на свой личный опыт: «Судьба или случай дали мне возможность участвовать в осуществлении своих идей. Я имею в виду свою работу в Верховном Совете СССР, которая длилась всего лишь 2,5 года. Несколько основных законов в области прав человека⁴⁴⁷, над которыми я трудился, быть может, больше других представляют предмет моей гордости и удовлетворения. Но работа в парламенте — очень специфическая политическая деятельность. Это тоже род духовной работы — предлагать законы, по которым будут жить люди, почти то же самое, что и работа просветителя, эксперта, советника»⁴⁴⁸.

Кроме того, Ф.М. Бурлацкий разграничивает советников на *независимых* и *послушных*: «Людей европейской и азиатской традиции»⁴⁴⁹. Поскольку в России Европа и Азия перемешались между собой, здесь встречаются и те, и другие, хотя послушных, несомненно, больше. Из-за характера нашей политиче-

⁴⁴⁵ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 253.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ См.: Закон СССР от 20 мая 1991 г. N 2177-1 «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР»; Закон СССР от 12 июня 1990 г. N 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации»; Закон СССР от 1 октября 1990 г. N 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях»; Закон СССР от 5 сентября 1991 г. N 2393-1 «Декларация прав и свобод человека».

⁴⁴⁸ Бурлацкий Ф.М. Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. II. — С. 207.

⁴⁴⁹ См.: Федорова М.М. Традиция в контексте политико-философских дискурсов // Философский журнал. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 74–92.

ской культуры и привычек наших властителей советники имеют довольно трудную судьбу, нередко "горят синим пламенем". Но, как ни странно, властители испытывают к ним какой-то род уважения и любопытства. Послушные — ведут себя покорно, служат годы и даже десятилетия. Однако они убивают себя подавлением лучших движений своей души и самых интересных порождений своего интеллекта. Властители ими пользуются, выжимают, как губку, и рано или поздно отбрасывают их в сторону»⁴⁵⁰.

Отдельно Ф.М. Бурлацкий останавливается на такой характеристике как *преданность* советника своему государю: «Отчасти она связана с личными интересами — престижными или материальными. Но главное не это. Есть магия власти. И советником становится именно тот, кто подпал под этот гипноз»⁴⁵¹. Государь — не просто человек, он словно «окружен некой аурой, светом, ореолом, за которым, как в тумане, видится громада державы, ее мощь, ее прошлое, ее будущее»⁴⁵².

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий на основе историко-сравнительного анализа различных групп элит Западной Европы и США разработал оригинальный подход к феноменам элиты и политического лидерства. Ф.М. Бурлацкий первый в советской науке поднял вопрос о политической роли советников, консультантов, экспертов. Более того, в рамках своего оригинального подхода он выделил особые типы политических советников.

Выводы главы

Вклад Ф.М. Бурлацкого в теорию политической науки, определяется прежде всего его исследованиями концепта «политическая культура», категорий «политическое сознание» и «политическое поведение», феноменов политической элиты, политического лидерства и экспертов.

⁴⁵⁰ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 253.

⁴⁵¹ Бурлацкий Ф.М. Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. II. — С. 210.

⁴⁵² Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 256.

Ф.М. Бурлацкий одним из первых в советском обществознании исследовал политическую культуру в качестве компонента политической системы общества и, так как она формирует политическое поведение и основывается на социально-политическом опыте общества, отнес ее к социально-психологическим явлениям.

Кроме того, Ф.М. Бурлацкий сформулировал базовую типологическую модель политических культур, основанную на разделении общества по уровню социального развития и выделил следующие ее типы: а) архаическая политическая культура; б) элитарная политическая культура; в) представительская политическая культура и г) политическая культура высокой гражданственности (коммунистическая).

Ф.М. Бурлацкий разработал оригинальный подход к феноменам элиты и политического лидерства, который расходится с доминирующими сегодня в мировой политической науке трактовками, выводящими ценностные и нравственные вопросы за рамки политологического анализа.

Более того, Ф.М. Бурлацкий исследовал политическую роль советников, консультантов, экспертов и их участие в принятии государственных и политических решений, а также, основываясь на своем личном опыте, выделил следующие типы политических советников: 1) «советник-мыслитель», 2) «советник-пророк» и 3) «советник-политикан».

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий внес определенный вклад в теорию политической науки, исследовав «политическую культуру», «политическое сознание» и «политическое поведение» как социально-психологические феномены, и рассмотрев с точки зрения нравственных и ценностных смыслов политические элиты, политическое лидерство и роль политических экспертов.

Глава III. Политическая практика

§1. Социально-политические преобразования в Китае⁴⁵³

Обращение к анализу исследования социально-политических преобразований в Китае⁴⁵⁴ в 1949–1982 гг.⁴⁵⁵ в творчестве Ф.М. Бурлацкого необходимо начать со следующего. В 1967 г. была опубликована первая книга Ф.М. Бурлацкого «Маоизм или марксизм?»⁴⁵⁶, в которой он концентрирует свое внимание на Китае, на его политических лидерах и на социально-политических процессах, происходивших в стране. И уже в 1968 г. выходит вторая книга под названием «Маоизм — угроза социализму в Китае», посвященная Мао Цзэду-ну, критике режима личной власти (маоизм), которой он создал и его влиянию на социально-политический процесс в КНР.

В книге «Маоизм — угроза социализму в Китае» Ф.М. Бурлацкий, характеризуя историю социально-политических преобразований в Китае, призывает не увлекаться проведением аналогий между процессами, происходившими в период «культурной революции», и другими историческими событиями: «Многие зарубежные исследователи современного Китая заняты сейчас поиском аналогий нынешним китайским событиям в тех явлениях, которые имели место в этой стране столетия, а то и тысячелетия назад. Они ищут следы ожесточенной политической борьбы и неудачных реформ современного Китая в далеких, забытых или полузабытых традициях. И все мотив о том, что Восток

⁴⁵³ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Соболев В.А.* Ф.М. Бурлацкий о социально-политических преобразованиях в Китае // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2018. — № 1 (54). — С. 102–111.

⁴⁵⁴ См.: *История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович*. — М.: Наука, 2017. — 824 с.; *История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов*. — М.: Наука, 2016. — 996 с.

⁴⁵⁵ См.: *Делюсин Л.П.* Каково место Мао Цзэдуна в истории страны // *Азия и Африка сегодня*. — 2001. — № 2. — С. 22–26; *Делюсин Л.П.* Величие и трагедия Дэн Сяопина // *Азия и Африка сегодня*. — 2002. — № 4. — С. 7–14; *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. — М.: ИДВ РАН, 2005. — 323 с.; *Тельбизов В.В.* Дэн Сяопин. Принципы политической теории и практики. — М.: БИНН, 2006. — 119 с.; *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. — М.: Стилсервис, 2009. — 842 с.; *Воскресенский А.Д.* Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» // *Сравнительная политика*. — 2014. — Т. 5. — № 1 (14). — С. 120–138; К 50-летию «культурной революции» в КНР (Круглый стол в ПДВ) / В.Я. Портяков, Я.М. Бергер, О.Н. Борох и др. // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2016. — № 4. — С. 100–143.

⁴⁵⁶ См.: *Бурлацкий Ф.М.* Маоизм или марксизм? — М.: Политиздат, 1967. — 128 с.

остаётся Востоком; они утверждают, что даже, когда Восток воспринимает нечто у Запада, он перерабатывает это на свой лад таким образом, что полностью меняет природу воспринимаемого»⁴⁵⁷.

При исследовании Китая, считает Ф.М. Бурлацкий, необходим объективный и взвешенный анализ: «нам представляется неверным как игнорировать исторические традиции, которые в той или иной форме возрождаются сейчас в Китае, так и переоценивать их значение, смазывать, по существу, необходимость всестороннего анализа того социального и политического феномена, который представляет собой современный Китай»⁴⁵⁸.

По мнению Ф.М. Бурлацкого народы, «в том числе и такие великие, как китайский, имеющий за своими плечами тысячелетия развития, знают и ровные, сравнительно спокойные периоды, и бурные, скачкообразные, насыщенные ожесточенной борьбой и коренными преобразованиями. Но при всем том невозможно забывать, что все это — история одного народа, не разделенная на куски, а непрерывная в своей прерывности, единая в своих перепадах»⁴⁵⁹. И даже такой крутой перелом, как китайская революция, которая захватила все стороны социальной жизни страны, проникла во все уголки китайского общества, не может рассматриваться вне связи с предыдущей историей, с уровнем экономического, социального, политического развития, с традициями культуры и национальной психологии, с бытом, нравами, привычками многомиллионных масс»⁴⁶⁰.

Советским гражданам, отмечает Ф.М. Бурлацкий, казалось, что «с 1949 года Китай стал таким, или почти таким, как другие страны социализма: установил народную власть, проводит национализацию промышленности, индустриализацию, кооперирование деревни, провозглашает своей идеологией марксизм-ленинизм. Что же еще нужно? А в каком соотношении находятся день сегодняшний и день вчерашний, какие процессы подспудно развиваются в

⁴⁵⁷ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 180.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ См.: Федорова М.М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. — 2018. — Т. 23. — № 1. — С. 108–121.

⁴⁶⁰ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 181.

тех же внешне привычных для нас формах, как живет и что чувствует народ, во что он верит, какие цели ставят перед собой его руководящие силы — об этом думалось меньше; все были прежде всего глубоко обрадованы тем, что вместе с нами по социалистическому пути идет многомиллионный народ — наш союзник и друг»⁴⁶¹.

Ф.М. Бурлацкий соглашается: «Все это так. Но отсюда вовсе не следует, что правы те поверхностные наблюдатели, которые доказывают, что Китай возвращается на свой традиционно-националистический путь, стоящий в стороне от мировой цивилизации. Отсюда не следует, что можно проводить прямые аналогии между восточным способом производства, характерным для Китая на протяжении многих столетий, и его нынешней экономической структурой. Отсюда не следует, что можно ставить знак равенства между древней имперской властью и современным политическим строем страны. Отсюда не следует, что можно сводить маоизм к конфуцианству или другим философским течениям прошлого Китая, столь богатого разнообразием школ и направлений теоретической мысли. Словом, отсюда не следует, что можно закрыть глаза на могучие противоборствующие тенденции, которые не могут не заявить о себе раньше или позже, заявить основательно, крупно, могуче. Кроме того, и само прошлое страны далеко не однозначно. Негативизм в отношении китайской цивилизации так же нетерпим, как пренебрежительное отношение со стороны азиатов к европейской или американской цивилизации»⁴⁶².

Настоящим друзьям китайского народа и китайской революции, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, «отвратительно видеть, как политиканствующие исследователи на Западе снова и снова набрасываются на историю Китая, кромсают ее на части, выискивая нужные им факты и примерчики негативного характера»⁴⁶³. Как будто не было великой китайской цивилизации, насчитываю-

⁴⁶¹ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 181.

⁴⁶² Там же. — С. 181–182.

⁴⁶³ См.: Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // Полис. Политические исследования. — 2015. — № 4. — С. 12–21; Гигаури Д.И., Гуторов В.А. Политический

щей больше веков и тысячелетий, чем многие другие цивилизации. Как будто не было великой китайской культуры, бессмертных памятников зодчества и изобразительного искусства, поэзии и прозы. Как будто не было крупнейших мыслителей, которые еще тысячелетия назад сумели нащупать такие оттенки человеческого духа, что даже сейчас не перестаешь поражаться глубине и точности их взгляда. Как будто не было, наконец, замечательной революционной традиции в Китае, самоотверженных крестьянских войн и восстаний, мужественных и смелых революционеров и реформаторов. Как будто передовые умы страны не выстрадали всей своей деятельностью и борьбой в начале нашего века сближение между Востоком и Западом, сломав китайскую стену предубеждения к чуждым цивилизациям. Как будто не было, наконец, огромной вины... Запада перед Китаем, не было унижающих национальное достоинство опиумных войн, кровавого подавления тайпинского восстания, не было хищнического раздела на сферы влияния этой огромной самобытной независимой страны»⁴⁶⁴.

Ф.М. Бурлацкий пишет, что «марксистам глубоко чужд этот националистический дух буржуазной пропаганды. Мы больше, чем кто бы то ни было, переживаем нынешнюю трагедию китайского народа, ввергнутого во многие беды и страдания группой Мао Цзэдуна. Именно потому, что нам близки и дороги его интересы, интересы китайской революции, интересы единства прогрессивных сил Востока и Запада, Севера и Юга, мы сохраняем и отстаиваем объективную оценку прошлого великого народа. Только это позволит сохранить с огромным трудом достигнутый союз с передовой прогрессивной и революционной частью китайского народа, а не толкнуть ее в коварные, но, увы, столь крепкие объятия националистов»⁴⁶⁵.

Однако для Ф.М. Бурлацкого все это не означает «попыток уклониться от исторического анализа при оценке событий "культурной революции"».

миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2017. — № 2. — С. 24–45.

⁴⁶⁴ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 182–183.

⁴⁶⁵ Там же. — С. 183.

Напротив, мы видим, что группа Мао Цзэдуна преднамеренно и сознательно восстанавливает, поощряет и усиливает очень многие отрицательные националистические, антигуманистические и антиинтеллектуальные традиции, которые накапливались в различных слоях китайского общества в прошлом. Обожествление личности Мао, милитаризация управления, пренебрежение к человеку и народу в целом, жестокое подавление всякого инакомыслия — все эти формы и методы социальной жизни руководящей группе легче насаждать, поскольку они имели сходные прецеденты в прошлом. Трудно, а точнее, невозможно надеяться на то, что в течение пятнадцати лет из сознания масс начисто выветрятся имперские представления о власти, которые насаждались на протяжении тысячелетий. На это, конечно, и ставят маоисты. Дело, однако, заключается в том, чтобы в нашем анализе не обойти вопроса об ответственности маоистов за происходящее ныне в Китае и не создать ложного впечатления, будто все это неизбежно в силу исторических традиций китайского общества»⁴⁶⁶.

Отдельно Ф.М. Бурлацкий подчеркивает важную особенность исторического развития Китая, которая состоит в «существовании объективных предпосылок для великодержавных, шовинистических настроений. На протяжении многих столетий Китай занимал ведущее положение в Восточной Азии и его правящие силы всеми средствами насаждали идеологию исключительности китайцев, их особой роли в мире. Экономическая, военная и техническая отсталость Китая в XIX–XX веках, колониальный гнет империализма вели к усилению националистических настроений»⁴⁶⁷.

По мнению Ф.М. Бурлацкого настроения, господствовавшие в Китае в годы японской агрессии (1937–1945), помогли обеспечить победу «мелкобуржуазной националистической линии Мао Цзэдуна в КПК. В партию шли не только убежденные коммунисты, борцы за социалистическое преобразование страны, но и те, кто видел в КПК национальную силу, способную организо-

⁴⁶⁶ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 183–184.

⁴⁶⁷ Там же. — С. 185.

вать отпор иностранным захватчикам. Социальная программа, идеология гораздо в меньшей степени интересовала таких людей. Поэтому к моменту победы в 1949 году народной власти, КПК не только по классовому составу, но и по идеологии ее членов объективно была преимущественно мелкобуржуазной, революционно-демократической партией, в которой были очень распространены националистические предрассудки. И лишь тесные международные связи КПК с мировым коммунистическим движением давали перевес внутри партии на определенных этапах силам, которые убежденно отстаивали научный коммунизм и интернационализм»⁴⁶⁸.

В Китае, отмечает Ф.М. Бурлацкий, много «специфического, связанного исключительно с условиями исторического развития страны, ее традициями»⁴⁶⁹. Но в тоже время там наблюдаются и некоторые явления, которые, пусть в иной форме, так или иначе сопутствовали и сопутствуют революционному движению во всем мире, особенно в отсталых странах. С момента зарождения социализма и коммунизма за ними следовало, как тень, то, что сейчас так уродливо расцвело в Китае. В XIX веке это течение было представлено анархистами типа Бакунина, в начале нашего столетия — эсерами, троцкистами и другими представителями так называемого "левого коммунизма"⁴⁷⁰.

Ф.М. Бурлацкий также предостерегает от попыток проводить «прямые аналогии между тем, что происходит в Китае, и тем, что происходило раньше в освободительном движении. Но история учит, что рабочее движение уже сталкивалось и с апологией насилия, и с вакханалией обманутой толпы. Сейчас это проявилось в новой и куда более грозной форме; полигоном безумия стала огромная страна. Ее руководители играют такими вещами, как мировая война и судьбы международного социализма. Иными словами, это куда более опасный, чем ранее, случай давно знакомой рабочему движению болезни»⁴⁷¹.

⁴⁶⁸ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 186.

⁴⁶⁹ См.: Бергер Я.М. Еще раз о китайской модели развития // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. — 2012. — № 2. — С. 119–124.

⁴⁷⁰ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 186.

⁴⁷¹ Там же. — С. 189.

Основную причину сложившаяся тогда в Китае ситуации Ф.М. Бурлацкий видит следующим образом. Она «кроется в трудностях строительства социализма в стране экономически отсталой, с преобладанием крестьянского населения, с тяжелым грузом наследия имперских и националистических традиций. Совершить национально-освободительную революцию оказалось здесь легче, чем обеспечить планомерный и постепенный переход к социализму, создание его экономической базы, повышение уровня жизни народа, укрепление народной власти»⁴⁷².

Ф.М. Бурлацкий пишет, что борьба, которая развернулась внутри КПК и ведется «с большим ожесточением уже на протяжении ряда лет, — это борьба между силами научного пролетарского социализма и интернационализма, с одной стороны, и мелкобуржуазного социализма и национализма — с другой. По крайней мере так происходило до сих пор. Только если мы подойдем к анализу событий в Китае под этим углом зрения, мы сможем понять подлинный характер трагедии, которую переживают компартия, весь политический режим страны, и возможные перспективы развития страны. Маоисты, как люди, глубоко зараженные идеологией мелкобуржуазного революционаризма и национализма, оказались совершенно неспособными к длительной и настойчивой борьбе за постепенное и правильное решение экономических и социальных задач. *Кризис группы Мао — это кризис мелкобуржуазного максимализма, кризис людей, рассчитывавших в короткие сроки "перепрыгнуть" через этапы исторического развития и решить таким путем все проблемы страны. Не сумев добиться этого, они вступили на путь авантюры, все более увязая в своих ошибках, и, наконец, стали открыто рвать с марксизмом в угоду мелкобуржуазным, шовинистическим взглядам* (выделено мной — В.С.)»⁴⁷³.

Ф.М. Бурлацкий выражает негодование советских людей, «с горячим сочувствием следивших за многолетней освободительной борьбой китайского

⁴⁷² Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 189–190.

⁴⁷³ Там же. — С. 190.

народа, оказавших ему немалую помощь в этой борьбе и в строительстве социалистического Китая, глубоко тревожит трагическое развитие событий в стране, которую мы привыкли считать своим другом и союзником. Нас, естественно, не может не волновать вопрос: что же будет с этой страной в будущем? Социолог мог бы ответить так: в конечном счете в Китае здоровые процессы пробьют себе дорогу, ибо традиции, заложенные революцией и воплощенные в реальных формах, раньше или позже должны взять верх. Если революционное движение в тех или иных странах умело преодолевать болезнь мелкобуржуазности, то почему китайский рабочий класс, его партия не смогут найти в себе силы, чтобы сбросить груз маоизма и вернуться на позиции подлинного социализма? Вся героическая история Коммунистической партии Китая внушает надежду на возможность такого поворота в будущем»⁴⁷⁴.

В преддверии XXV съезда КПСС в ноябре 1975 г. Ф.М. Бурлацкий, работая заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии Института общественных наук при ЦК КПСС (1971–1989), подготовил аналитическую записку по проблематике Китая в адрес Председателя КГБ Ю.В. Андропова, в которой обосновывалась необходимость:

1. *Отразить* в материалах XXV съезда не только в основных докладах, но и в выступлениях делегатов, в особенности представителей компартий, *новые оценки нынешней политики КПК и КНР, которая в современных условиях все более становится одним из центров экстремизма и социально-политической реакции. Отметить факт разгрома сил интернационалистов в КПК и борьбу двух основных направлений экстремистов и умеренных в рамках великодержавного национализма и маоизма в его различных вариациях.*

2. Поскольку идеологические позиции КПК как партии, стоящей на позициях маоизма, а не марксизма-ленинизма, фактически не оставляют места в обозримой перспективе для восстановления единства на позициях пролетарского интернационализма, *подчеркнуть готовность СССР строить свои*

⁴⁷⁴ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — С. 190–191.

отношения с КНР на принципах мирного сосуществования, необходимость вовлечения этой страны в систему международных обязательств в целях предотвращения ее экстремистских действий в любых направлениях.

3. Обратиться с закрытым письмом после съезда ко всем членам КПСС и советскому активу, в котором изложить всю остроту и сложность китайской проблемы, призвать к бдительности и борьбе с прокитайскими взглядами, реагировать на высказывания прокитайских идей с такой же остротой и непримиримостью, как и на проникновение идеологии правооportunистических элементов Чехословакии и Югославии.

4. В открытой печати усилить критику, направленную лично против Мао и приближенных к нему лиц, оказывать осторожную поддержку умеренным в КПК, рассеивать в то же время иллюзии относительно периода «после Мао», подчеркивая идеологическую, политическую и военную угрозу КПК и КНР.

5. Разработать по китайскому вопросу долгосрочную программу, рассчитанную на длительную перспективу и учитывающую возможные варианты расстановки сил в будущем⁴⁷⁵.

Далее в 1970-х гг. Ф.М. Бурлацкий выпускает две книги о Китае: «Мао Цзэдун: "Наш коронный номер — это война, диктатура"» и «Мао Цзэдун и его наследники», в которых он более подробно анализирует происходившие в КНР процессы.

В книге «Мао Цзэдун: "Наш коронный номер — это война, диктатура"» Ф.М. Бурлацкий пишет, что только два человека в современном мире могли бы конкурировать с Мао Цзэдуном по продолжительности времени, проведенного у «кормила власти, — Франко в Испании, сумевший пережить даже идеологию фалангизма, и генералиссимус Чан Кайши, окончивший свои дни в качестве островного владыки. И, пожалуй, только один Мао Цзэдун по-прежнему претендует на роль и правителя, и идеолога. Жажда деятельности

⁴⁷⁵ См.: Бурлацкий Ф.М. Записка Председателю КГБ Ю.В. Андропову // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1–7.

или, вернее, жажда власти оказалась сильнее его физических сил. Его стремление утвердить себя в качестве учителя китайского народа, да и других народов мира с возрастом не только не убывало, но усиливалось»⁴⁷⁶. Тогда эти четыре десятилетия, «насыщенные ожесточенной борьбой: победами и поражениями, упоением властью и боязнью ее потерять, новыми надеждами и глубокими разочарованиями. Четыре десятилетия гигантских перемен во всем мире, лихорадочных поисков путей исторического перелома в судьбах самого Китая: народная революция, "большой скачок", "народная коммуна", "культурная революция"... Сколько испытано, увидено, пережито...»⁴⁷⁷. Трудно понять психологию человека, «в руках которого в известном смысле оказались судьбы более чем 800-миллионного народа. О чем думает, чем живет, что испытывает этот человек, наделенный такой невиданной властью и обремененный столь высокой ответственностью?»⁴⁷⁸.

Схожие трудности, отмечает Ф.М. Бурлацкий, подстерегают «любого публициста, пытающегося судить о мотивах поведения и о сокровенных мыслях политических деятелей нашего насыщенного драматизмом века — идет ли речь о Черчилле или Рузвельте, а тем более о тиранических личностях, таких как Франко или Гитлер. Но они, эти трудности, многократно возрастают, когда речь идет о Мао Цзэдуне, представителе того Китая, с которым мир в сущности только начинает всерьез знакомиться»⁴⁷⁹. Ф.М. Бурлацкий подчеркивает, что Мао Цзэдун «(как, впрочем, и современный Китай в целом) — закрытая структура. Подобно зрителям классической китайской оперы, мы часто видим лишь ту маску, которую нам показывают. А жаждем мы познать подлинное лицо»⁴⁸⁰.

Ф.М. Бурлацкий пишет, что его поколению людей особенно нелегко писать о Мао Цзэдуне, так как в юности им внушали «чувство глубокого уваже-

⁴⁷⁶ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура». — М.: Международные отношения, 1976. — С. 4.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Там же. — С. 4–5.

⁴⁸⁰ Там же. — С. 5.

ния к руководителям Компартии Китая как героям "великого похода" и китайской революции. Но вот уже скоро 15 лет все мы являемся свидетелями враждебной деятельности Мао Цзэдуна в отношении нашей Родины и вызывающей внутренний протест у каждого культурного прогрессивного человека политики в отношении самого китайского народа. Как случилось, что имя человека, которое раньше связывалось с великой революцией, стало ныне синонимом национализма и контрреволюции...»⁴⁸¹.

По мнению Ф.М. Бурлацкого «только социалистический интернационализм дает нам правильный принцип для оценки этих явлений. Разумеется, интернационализм в сочетании с конкретным анализом национальной специфики Китая, ибо *невозможно понять прошлое Китая — особой, самобытной и великой цивилизации, если смотреть только на Запад, как невозможно судить о будущем Китая, если стоять спиной к Западу и смотреть только на Восток* (выделено мной — В.С.)»⁴⁸².

На много позже в книге «Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин» Ф.М. Бурлацкий, оценивая личность «великого кормчего» (такой титул получил Мао Цзэдун), обращает внимание на следующие его характеристики: «Мао Цзэдун, быть может, больше других лидеров XX века отвечал характеристикам, которые давал государям незабвенный Макиавелли⁴⁸³. Это, несомненно, один их выдающихся деятелей, который оставил глубокий след в истории Китая и далеко за его пределами. Независимо от того, как оценивать те или иные его деяния, они повернули историю более чем миллиарда человек на азиатском континенте в новом направлении. Он с юности сам себя мыслил героем и полностью реализовался в этом качестве»⁴⁸⁴. Трудно представить, что «сын простого крестьянина из далекой провинции сумел создать и возглавить армию и, пройдя через сотни испытаний, привести ее к победе. Он добился не меньшего, а возможно, большего поклонения своего народа, чем Сталин в Со-

⁴⁸¹ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура». — М.: Международные отношения, 1976. — С. 5.

⁴⁸² Там же. — С. 5–6.

⁴⁸³ См.: Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 255 с.

⁴⁸⁴ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин. — М.: Собрание, 2008. — С. 3.

ветской России, и, хотя он был мало успешен и даже странен в своих крутых реформах, его имя, в отличие от имени Сталина, не было растоптано и не было предано забвению, как имя Хрущева, а сохранено на пьедестале основателя Китайской Народной Республики»⁴⁸⁵.

Исследуя личностные характеристики Мао Цзэдуна, Ф.М. Бурлацкий старался погрузиться в его внутренний мир, «понять истоки его духа, восходящего к образу жестокого императора Цинь Шихуана — объединителя Китая — и мудрого Конфуция, перед которым юный Мао преклонялся, чтобы впоследствии отвергнуть его благородные поучения. Я старался понять глубинные мотивы, побуждения и предрассудки при осуществлении таких всемирных катаклизмов, как "большой скачок" и "культурная революция". Мы испытали на своем опыте в России в последние десятилетия XX века соблазны больших скачков и "революций сверху", и потому интересно видеть аналогии им, даже если векторы направлены в противоположные стороны»⁴⁸⁶.

Кроме того, в данном контексте Ф.М. Бурлацкий выделяет проблему политического маятника: «опыт, который был проделан Китаем Мао Цзэдуна, когда маятник качнулся в самую крайнюю левую точку, неожиданно оказался чрезвычайно полезным, обеспечив быстрое продвижение маятника вправо — к рыночному обществу. Поистине мудрой оказалась модная в 1920-х годах сентенция: пойдешь налево — попадешь направо»⁴⁸⁷.

В 1980-х гг. Ф.М. Бурлацкий положительно оценивал происходивший в Китае поворот от «культурной революции» к новой внутренней политике, особенно в сфере экономики. В 1980 г. Ф.М. Бурлацкий публикует статью «О социально-экономической и политической системе КНР» в журнале «Вопросы философии». В статье подробно раскрываются характерные черты и уникальные особенности социальной, экономической и политической систем КНР. В тексте Ф.М. Бурлацкий расписывает различные трансформации, про-

⁴⁸⁵ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин. — М.: Собрание, 2008. — С. 3.

⁴⁸⁶ Там же. — С. 3–4.

⁴⁸⁷ Там же. — С. 4.

исходившие с данными системами, а также какие факторы на самом деле определяют внутреннюю и внешнюю политику Китая⁴⁸⁸.

Стоит упомянуть еще об одной статье. В 1982 г. Ф.М. Бурлацкий опубликовал в «Новом мире» статью «Междущарствие, или хроника времен Дэн Сяопина»⁴⁸⁹. В ней изложены основные итоги «междущарствия» — периода, начавшегося после смерти Мао Цзэдуна и закончившегося восхождением на ключевые в Китае посты Дэн Сяопином. В статье Ф.М. Бурлацкий приходит к выводу, что *проблемы, отчетливо проявившиеся после смерти Мао Цзэдуна, не ограничиваются политической борьбой и экономической сферой, а лежат глубоко в основании китайского общества: в коренных духовных, нравственных, этических и социальных идеалах и ценностях*⁴⁹⁰.

Спустя много лет Ф.М. Бурлацкий приходит к следующим выводам в отношении социально-политических преобразований в Китае: «Как случилось, что мы через 50 лет после смерти Сталина оказались в разрушенном Союзе ССР и в глубокой экономической пропасти, а Китай через 30 лет после смерти Мао Цзэдуна стал второй экономической супердержавой в мире? Что это — своевременный выбор новых руководителей КНР; разность устремлений элит в двух державах; сохранение строгого партийного контроля в Китае и жалкая многопартийность в дешевых товарах и рабочей силе из КНР? А может быть ответ, который сам просится в руки. В Китае пришел к власти умный, талантливый реформатор Дэн Сяопин, а у нас один за другим менялись вожди, которые не знали, как делать реформы...»⁴⁹¹.

Таким образом, в параграфе обосновано положение о том, что хотя Ф.М. Бурлацкий не был профессиональным китаеведом, но его труды дают воз-

⁴⁸⁸ См.: Бурлацкий Ф.М. О социально-экономической и политической системе КНР // Вопросы философии. — 1980. — № 2. — С. 112–125.

⁴⁸⁹ Статья «Междущарствие...» имела проекцию на то, что происходило в Советском Союзе. В 1982 г. на мировом социологическом конгрессе в Берлине была образована специальная секция для обсуждения вопроса о том, кто из политических лидеров СССР стоит за этой статьей. Это происходило, когда Ю.В. Андропов переходил с должности Председателя КГБ на пост второго секретаря ЦК КПСС. Участники данной дискуссии пришли к выводу, что статья отражает позиции Ю.В. Андропова как будущего генерального секретаря ЦК. Статья действительно была опубликована в предвидении его прихода к руководству, но с ним не согласовывалась.

⁴⁹⁰ См.: Бурлацкий Ф.М. Междущарствие, или Хроника времен Дэн Сяопина // О политической науке: Избранные произведения. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — С. 223–244.

⁴⁹¹ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин. — М.: Собрание, 2008. — С. 5.

возможность погрузиться в «китайскую» проблематику и лучше понять специфику рассматриваемого периода истории КНР. Ф.М. Бурлацкий не только исследовал социально-политические преобразования в Китае, но и разработал ряд предложений по выстраиванию взаимоотношений между СССР и КНР.

§2. Становление прав и свобод человека в России

Обращение к анализу исследования становления прав и свобод человека⁴⁹² в России в творчестве Ф.М. Бурлацкого можно начать с оценки, данной бывшим уполномоченным по правам человека в РФ О.О. Мироновым, который сформулировал следующую характеристику подхода автора к проблеме: «Ф.М. Бурлацкий считает, что ключевым поворотным пунктом, ознаменовавшим переход от тоталитаризма к ограниченным реформам, явилась так называемая оттепель, связываемая с именем Н.С. Хрущева. Уделяя значительное место анализу особенностей этого периода, он исходит из того, что именно в 50-х годах — вслед за XX съездом КПСС — было положено начало прорыву к правам человека, преобразованию сталинской системы»⁴⁹³.

История становления прав и свобод человека в России, по мнению Ф.М. Бурлацкого, уходит своими корнями в XVIII век, когда в «Наказе» Екатерины II впервые были охарактеризованы права и свободы человека⁴⁹⁴: «Парадоксально, но факт, что впервые о неотчуждаемых человеческих правах — о свободе, о равенстве перед законом, о верховенстве закона — русские люди слышали не от кого-нибудь, а от царской власти. Я имею в виду "Наказ" Екатерины II, составленный ею самой и ее сотрудниками и приуроченный к Собору, который должен был собраться для выработки новых законов в европейском духе. "Наказ" изобилует ссылками на французских просветителей,

⁴⁹² См.: Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. — М.: Аквилон, 2015. — 288 с.; Шелистов Ю.И. Расширение каталога прав человека в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2007. — № 2. — С. 34–42.

⁴⁹³ Бурлацкий Ф.М. Проблемы прав человека в СССР и России. (1970–80-е и начало 90-х годов). — М.: Научная книга, 1999. — С. 6.

⁴⁹⁴ См.: Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания. — М.: Русский мир, 2007. — С. 175–194; Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. — М.: Издательство «ФИБ», 2015. — С. 279–299; Перевезенцев С.В. Основные направления русской социально-политической мысли XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2016. — № 3 (48). — С. 9–17.

английских, голландских мыслителей XVIII века. Здесь можно найти большие выдержки из произведений Ш. Монтескье, Дж. Локка, Беккариа и многих других представителей школы естественного права, идей равенства и свободы»⁴⁹⁵.

Далее Ф.М. Бурлацкий выделяет преобразования Петра I и Александра II. Именно их реформы позволили существенно продвинуться в направлении обеспечения в России гарантии прав и свобод человека: «Двести лет прошло между двумя взрывами реформаторства — Петра I и Александра II. Но, несмотря на дистанцию, тогда решались сходные задачи: налаживание профессионального управления; установление честного правосудия; повышение эффективности хозяйства; просвещение народа. Это говорит о том, как медленно тащилась политическая телега России по ухабам и весям истории. Страна невероятно расширялась на Запад и, особенно, на Восток, а государство оставалось архаичным, феодальным. Но в отличие от Петра, Александр II уже проявлял интерес к правам человека и освобождению крестьян от крепостного рабства»⁴⁹⁶.

Во времена Петра I именно проблема развития прав и свобод человека не рассматривалась, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, но было проведено «некоторое уравнение сословий перед лицом абсолютной власти. Купечество и городское мещанство получили доступ к образованию и должностям в аппарате управления. Личные качества обретали не меньшее значение, чем принадлежность к знатным родам. Восточный ритуал двора уступил место западным канонам. В среду аристократии стали проникать либеральные западные идеи. Дочь Петра I Елизавета Петровна не случайно отказалась от применения смертной казни. Это был акт, навеянный просветительскими начинаниями Петра Великого»⁴⁹⁷. А уже в XIX веке именно реформы Александра II заложили основу для становления прав и свобод человека в России: «освобождение крестьян — земельная реформа; создание местного самоуправления — зем-

⁴⁹⁵ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 219.

⁴⁹⁶ Там же. — С. 223.

⁴⁹⁷ Там же. — С. 228.

ская (от слова "земля") реформа; реформа печати и образования; учреждение суда присяжных — судебная реформа... Отмена крепостного права явилась первым примером глубокой, социальной реформы "сверху". В сущности, это был *первый исторический шаг к становлению личных прав человека* (выделено мной — В.С.)»⁴⁹⁸.

Проблемы прав и свобод человека, отмечает Ф.М. Бурлацкий, «появились в русской лексике ... только в конце XIX и начале XX века. Впервые проблемы правового государства, естественного права рассматриваются в трудах Б.А. Кистяковского, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого»⁴⁹⁹»⁵⁰⁰. В начале XX в. после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г., когда в России была избрана первая Государственная Дума, «либеральные идеи отстаивала, пожалуй, только одна партия — конституционных демократов, но она не имела значительного влияния ни в Думе, ни в обществе, а тем более в среде необразованного и, как правило, неграмотного крестьянства, а также рабочего класса. Поэтому общественное сознание было совершенно не подготовлено к восприятию прав человека как основы демократического устройства государства. Самая прогрессивная мысль в период революций 1917 года фактически останавливалась перед дверью Учредительного собрания, которое должно было выработать конституцию и заложить основы демократического республиканского строя»⁵⁰¹.

Самым выдающимся реформатором дореволюционной России, по мнению Ф.М. Бурлацкого, был Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911). Занимая сначала пост губернатора, затем председателя Совета министров и Министра внутренних дел в начале XX века, П.А. Столыпин начал осуществление реформ, которые «, по его словам, ставили целью превращение России в право-

⁴⁹⁸ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 228–229.

⁴⁹⁹ См.: Ширинянец А.А., Ширинянец С.А. Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. — М.: Издательство Московского университета, 1997. — С. 58–119; Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). — М.: Издательство Московского университета, 2011. — С. 166–186; Ширинянец А.А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 4. — С. 39–55.

⁵⁰⁰ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 235.

⁵⁰¹ Там же. — С. 236.

вое государство. Основной переустройства самодержавия в конституционную монархию Столыпин считал коренное изменение положения крестьянства. Главная его мысль состояла в создании условий для выхода крестьянина из общины и обретения частной собственности на землю, что должно было стать основой его свободы, а затем и конституционного строя в целом. Он провел ряд установлений, которые подготовляли почву для коренной реформы положения крестьянства. В их числе был Указ от 5 октября 1906 года о равноправии крестьян, от 9 ноября о выходе из общины, от 12 августа, 27 августа, 19 сентября, 21 октября о передаче земель крестьянам и т.д. По инициативе Столыпина в Государственную думу правительство внесло более 200 законопроектов, направленных на формирование правового порядка, укрепление частной собственности, местного самоуправления и защиты прав человека»⁵⁰².

События 1917 г. и последующих годов⁵⁰³ приостановили процесс становления прав и свобод человека в России: «Октябрьская революция, приход к власти партии большевиков, разгон Учредительного собрания надолго отложили саму возможность пропаганды и осуществления идей прав человека в России, в их общепринятом истолковании»⁵⁰⁴.

Возвращение к идеям прав человека произошло в Советском Союзе только в 1930-е гг. И следующим значимым событием на пути становления прав и свобод человека Ф.М. Бурлацкий называет принятие Конституции СССР 1936 г. Данная Конституция закрепляла целый ряд правовых норм, «направленных внешним образом на защиту права на физическую неприкос-

⁵⁰² Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 236.

⁵⁰³ См.: Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // Полис. Политические исследования. — 2007. — № 5. — С. 35–55; Гуторов В.А. О некоторых тенденциях современной теоретической интерпретации революционного насилия // Философия политики и права. — 2017. — № 8. — С. 78–89; Торкунов А.В. Изучая Великую русскую революцию // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — № 3 (54). — С. 7–15; Коваленко В.И. Столетие революции 1917 г. в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2017. — № 3. — С. 7–16; Пляйс Я.А. Два подхода к российским революциям 1917 года: какой из них верен? Концептуальные размышления о судьбах российских революций 1917 года // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. — 2017. — № 9 (332). — С. 94–103; Пляйс Я.А. Октябрьская революция 1917 года в России: драма, трагедия или событие всемирно-исторического масштаба // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. — 2017. — № 12 (335). — С. 85–95; Гуторов В.А. К вопросу о «критических точках» революционного процесса в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. — 2018. — Т. 11. — № 1. — С. 15–23; Fedorova M.M. Revolution: the transformation of the semantic field in contemporary political philosophy. Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. no. 3–4. pp. 280–292.

⁵⁰⁴ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 237.

новенность, социальных прав, а также политических прав и свобод, которые даровались, однако, на условиях "укрепления коммунистического строя"⁵⁰⁵. Ф.М. Бурлацкий отмечает, что «включение в так называемую сталинскую конституцию большого блока, повторяю, внешне направленного на охрану человеческих прав, произошло под влиянием Запада и заинтересованности Сталина в нормализации отношений с демократическими государствами»⁵⁰⁶.

В тот период начали складываться основные отличительные черты «советской доктрины прав человека, которую представители СССР стремились проводить при заключении и принятии основных документов по этим проблемам на международной арене. Первая ее особенность заключалась в том, что *полностью отрицалась идея естественных и неотчуждаемых прав личности* (выделено мной — В.С.). Эти права рассматривались, как нечто даруемое государством, при этом каждое государство могло устанавливать те нормы, которые отвечали его идеологии и интересам. Второе: *претензия на "превосходство" социалистических представлений о правах человека* (выделено мной — В.С.), якобы дающих реальные гарантии их осуществления в силу характера самой системы, где нет деления на господствующие и подчиненные классы. С этих позиций подвергались критике так называемые буржуазные представления, взгляды, нормы, политическая культура, которые носят будто бы формальный характер и не обеспечиваются ни материальными условиями, ни государством.

Третье: *утверждение о приоритете социальных прав над политическими и личными правами* (выделено мной — В.С.). Четвертое: *трактовка прав человека* (выделено мной — В.С.) не из универсального принципа гуманизма, не из человеческой природы, не из системы отношений между странами и государствами, а *как суверенного внутригосударственного права, исключаящего какое-либо международное вмешательство* (выделено мной — В.С.). Пятое: *отрицание частной собственности* (выделено мной — В.С.) как важ-

⁵⁰⁵ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 237.

⁵⁰⁶ Там же.

нейшего права, дающего реальные гарантии независимости личности от государства и свободы инициативы и предпринимательской деятельности, как важнейшего принципа, который обеспечивает развитие личности»⁵⁰⁷.

Следующим этапом в процессе становления прав и свобод человека в России Ф.М. Бурлацкий называет период управления СССР Н.С. Хрущевым: «Первый прорыв к правам человека от сталинского режима был осуществлен по инициативе Никиты Хрущева, хотя он сам являлся органическим продуктом тоталитарной системы... Священное право человека на жизнь — вот главное, что гарантировали реформы Никиты Хрущева»⁵⁰⁸. Ф.М. Бурлацкий отмечает, что секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о И.В. Сталине, осудивший массовые репрессии, был «крупным шагом для утверждения права на жизнь и физическую неприкосновенность советского человека. За этим последовала реабилитация и освобождение из ГУЛАГа сотен тысяч людей. В программе КПСС 1961 года были закреплены некоторые принципы, направленные на преодоление сталинской системы власти»⁵⁰⁹.

Активное участие в работе над этой программой принимал сам Ф.М. Бурлацкий. Он внес в программу положение о *«переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству и советской демократии и о гарантиях против рецидива культа личности* (выделено мной — В.С.). Эти идеи встретили решительное сопротивление догматиков в Президиуме ЦК. О. Куусинен убедил Хрущева в необходимости отмены стереотипа Диктатуры пролетариата, что служило идеологическим обоснованием практики массовых репрессий. Затем мне было поручено возглавить рабочую группу по подготовке новой Конституции СССР. Мы проделали большую работу со специалистами и подготовили предложения по демократизации страны, учреждению президентской республики с постоянно работающим советским парламентом и либерализации внутри КПСС. Одним из боковых следствий явилось учреждение в регионах двух параллельных партийных организаций — промыш-

⁵⁰⁷ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 237–238.

⁵⁰⁸ Там же. — С. 239.

⁵⁰⁹ Там же. — С. 240.

ленной и сельскохозяйственной. Эта идея принадлежала лично Хрущеву и означала робкий шаг к двухпартийной системе. Отстранение Хрущева в октябре 1964 года положило конец этому этапу реформ»⁵¹⁰.

Ф.М. Бурлацкий считает, что на тот момент им удалось провозгласить и частично осуществить принцип: *«не подлежат уголовному наказанию люди, высказывающие свое несогласие с властью (выделено мной — В.С.)*. Хрущев даже похвалялся: у нас нет ни одного человека, осужденного за политические преступления. Это оказалось полуправдой, но само провозглашение принципа было чрезвычайно благотворно. Второе: *закончилась практика уголовных наказаний без суда (выделено мной — В.С.)*. И третье: *целый слой населения — крестьянство — получил права на передвижение по стране и переселение в город или другие регионы (выделено мной — В.С.)*. Началось законотворчество, которое порывало со сталинской традицией и создавало базу для становления законности. Эта деятельность, однако, осталась незавершенной, поскольку Хрущев был отстранен от власти»⁵¹¹.

Отдельно Ф.М. Бурлацким охарактеризовано влияние Запада на процесс становления прав и свобод человека в Советском Союзе: «В начале 1970-х годов начался процесс улучшения отношений между СССР и США и странами Западной Европы, который привел к существенным договоренностям и сдвигам в области прав человека в Советском Союзе. У истоков этого процесса были соглашения, достигнутые на встречах на высшем уровне во Франции (1970, 1971 гг.), ФРГ (1971 г.) и США (1972 г.). Во время этих переговоров было согласовано решение о созыве Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)»⁵¹². Третий этап этого совещания проходил с 30 июня по 1 августа 1975 г. в Хельсинки: «На нем был принят Заключительный акт, который сыграл большую роль в укреплении мира на

⁵¹⁰ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 240–241.

⁵¹¹ Там же. — С. 241.

⁵¹² Там же.

континенте и развитии сотрудничества, в том числе в гуманитарной сфере. В совещании принимали участие 33 страны Европы, а также США и Канада»⁵¹³.

Ф.М. Бурлацкий рисует следующую картину событий: «СССР и Запад стремились к несовпадающим целям: первый стремился закрепить границы в Европе, начать ограничение гонки вооружений; второй, кроме безопасности, был озабочен вопросом о либерализации в СССР и решением проблем прав человека, свободного передвижения товаров, людей и идей между Востоком и Западом. После успешного завершения Совещания в Хельсинки процесс был продолжен на Белградской встрече (1977–1978 гг.), мадридской встрече (1980–1983 гг.)... Заключительный акт Хельсинки сыграл важную роль в ходе разрушения сталинского наследия, тоталитарного режима. Правда, происходило это больше всего в сфере идеологии, куда все шире стали проникать западные ценности относительно чести, достоинства и свободы личности»⁵¹⁴.

Период управления СССР М.С. Горбачевым, по мнению Ф.М. Бурлацкого, — следующий этап в процессе становления прав и свобод человека в России: «Приход к власти Михаила Горбачева в апреле 1985 года ознаменовал начало крутого перелома в развитии страны, в демократизации и становлении прав человека. Его деятельность отразила тенденции, объективно созревшие внутри СССР, и в то же время личные устремления Горбачева... Первый исторический шаг — создание советского полупарламента... Это был поворот России к современной цивилизации. Тогда началось становление политики гласности, политических прав и свобод»⁵¹⁵. Ф.М. Бурлацкий подчеркивает, что большое значение имела «женевская встреча Горбачева с Р. Рейганом»⁵¹⁶ (я [Бурлацкий] сопровождал делегации), точнее, серия встреч с западными лидерами, в особенности в Вашингтоне и Москве. Верный своей тактике, Горбачев не делал внешне радикальных шагов и крутых поворотов. Но он последовательно шел к формированию совершенно нового типа отношений с Западом.

⁵¹³ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 241.

⁵¹⁴ Там же. — С. 241–242.

⁵¹⁵ Там же. — С. 243.

⁵¹⁶ См.: Бурлацкий Ф.М. Женева: вчера, сегодня, завтра: (Встреча М.С. Горбачева и Р. Рейгана 19-21 ноября 1985 г.). — М.: Мысль, 1986. — 159 с.

Горбачев все больше проникался пониманием значения прав человека для СССР»⁵¹⁷.

В целом, становление прав и свобод человека в Советском Союзе, по мнению Ф.М. Бурлацкого, можно представить как составную часть разрушения «тоталитарной системы, ее сталинской модели и утверждения демократии, права частной собственности и рынка. В отличие, например, от Германии, где тоталитарный режим был взорван вместе с нацистской элитой в результате поражения в войне, в СССР, а позднее в России этот процесс осуществляется сверху, представителями самой коммунистической номенклатуры и растянулся на многие десятилетия. Тоталитаризм как бы отрубался по частям, как хвост ящерицы. Этим определяется мучительный, долгий и прерывистый характер демократизации, извращение ее сущности во многих отношениях, декларативность заявленных принципов и негарантированность провозглашенных прав гражданина. Прежняя номенклатура, ее более молодая часть, осознавая неизбежность все большего отставания от Запада в технологии, военном деле, экономике, вступила на зыбкую дорогу демократизации, но при этом добивалась сохранения своей власти в новых формах. Общественное движение в защиту человека едва зародилось и не могло оказать решающего влияния на этот процесс»⁵¹⁸.

Делая резюме своему описанию становления прав и свобод человека в России, Ф.М. Бурлацкий пишет, что: «главным фактором становления прав человека в СССР, а затем и России были внутренние изменения в стране, прежде всего разложение коммунистической идеологии и довольно бурное развитие либеральных тенденций в рамках самой политической элиты. С некоторой долей преувеличения можно было бы сказать, что духовную революцию в интересах личной свободы произвели советники в рамках МИДа, ЦК КПСС, науки и искусства. Движение диссидентов и отказников опосредовано

⁵¹⁷ Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — С. 244.

⁵¹⁸ Там же. — С. 215.

влияло на этот процесс именно через советников»⁵¹⁹. Далее Ф.М. Бурлацкий отмечает, что: «решающее значение имел приход к руководству страной М. Горбачева, который отчасти был подготовлен к восприятию демократических идей своей биографией и контактами, а в значительной мере эволюционировал к пониманию ценности человека... То же самое можно сказать о Б. Ельцине в ранний период его руководства страной»⁵²⁰.

В то же время Ф.М. Бурлацкий подчеркивает значение западного фактора: «России и ее деятелям негде было взять пример, юридическую и правовую культуру кроме как на Западе и в международном праве, которое также формулировалось под влиянием западных идей. Этот фактор сыграл решающую роль в просвещении и советников, и вождей...»⁵²¹. Ф.М. Бурлацкий добавляет, что международный фактор сыграл «огромную роль в эпоху реформации в России. Наступила внутренняя эрозия коммунизма, его идеологии. Коммунистическая номенклатура, вернее, ее продвинутая культурно часть, стала задумываться над преимуществами западной экономики и системы ценностей. Началась революция сверху, выплеснувшая таких новых деятелей, как Горбачев и Ельцин»⁵²².

Схожими причинами, считает Ф.М. Бурлацкий, объясняются и «все ошибки, и извращения демократических реформ. Старая партийная и молодая комсомольская номенклатура повернула их в сторону личного обогащения, сохранив в значительной степени бесправие народа и попутно раздавив демократическую интеллигенцию. Провал молодых радикальных демократов, которые привели экономику к тяжелейшему кризису летом 1998 года, создал предпосылки для движения политического маятника в другую сторону. Центристское правительство Е. Примакова попыталось укрепить политическую

⁵¹⁹ Бурлацкий Ф.М. Проблемы прав человека в СССР и России. (1970–80-е и начало 90-х годов). — М.: Научная книга, 1999. — С. 235.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же. — С. 236.

стабильность и сохранить завоевания прав человека. Однако преодолеть глубокий экономический кризис не смогло»⁵²³.

В контексте исследуемой проблемы уникальность личного опыта Ф.М. Бурлацкого состоит в том, что ему удалось реализовать часть своих идей и предложений на практике. В 1987 г. под руководством Ф.М. Бурлацкого была создана Комиссия по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. В состав Комиссии вошли ученые, деятели культуры и представители религиозных конфессий, впоследствии внесшие значительный вклад в развитие доктрины обеспечения прав и свобод человека и формирование правозащитных институтов.

Комиссия занималась разрешением различного рода вопросов, касающихся защиты прав и свобод человека, проводила разного формата конференции, встречи, семинары. Поэтому ее можно считать предтечей различных правозащитных организаций России⁵²⁴. Далее на основе этой комиссии была создана международная правозащитная организация — «Дебургское движение по правам человека», которое позже получило название «Восточно-Западная конференция по правам человека». Сопредседателями конференции были: от СССР — Ф.М. Бурлацкий и от США — Р. Картер. Наибольшую известность Дебургскому движению принесло отстаивание прав и требование освобождения осужденных за так называемые религиозные преступления.

В этот период Ф.М. Бурлацким была подготовлена аналитическая записка в адрес члена Политбюро ЦК КПСС, Секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева, в которой обосновывалась необходимость: *поднятия статуса Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека, приравняв ее к имеющимся общественным Комитетам (мира, за европейскую безопасность и др.); возложить на Комиссию осуществление ряда мероприятий вместе с представителями партийных и правоохранительных органов; возложить на*

⁵²³ Бурлацкий Ф.М. Проблемы прав человека в СССР и России. (1970–80-е и начало 90-х годов). — М.: Научная книга, 1999. — С. 236–237.

⁵²⁴ Там же. — С. 89.

*Комиссию осуществление целенаправленных мероприятий на международной арене, имеющих целью перехватить инициативу и перейти в наступление в этой области и др.*⁵²⁵

В 1989 г. Ф.М. Бурлацкий был избран народным депутатом и стал членом Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. В рамках комитета, по его инициативе, был создан подкомитет по гуманитарному, научному и культурному сотрудничеству, руководство которым было поручено самому Ф.М. Бурлацкому. Результатом деятельности Ф.М. Бурлацкого в направлении обеспечения гарантий прав и свобод человека стали подготовленные под его руководством и вступившие в силу законы: *о свободе передвижения, о свободе средств массовой информации и о свободе совести и религиозных организациях*, а также «Декларация прав и свобод человека». 22 ноября 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил Декларацию прав и свобод человека и гражданина. Многие положения данной декларации были внесены в проект Конституции РФ 1993 г.

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий вел активную деятельность в направлении становления прав и свобод человека: способствовал созданию Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. Работая депутатом Верховного Совета СССР, Ф.М. Бурлацкий участвовал в подготовке и принятии законов, гарантирующих права и свободы человека в Советском Союзе. В итоге, Ф.М. Бурлацкий не только исследовал процесс становления прав и свобод человека в России, но и смог положительно повлиять на этот процесс.

⁵²⁵ См.: Бурлацкий Ф.М. Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 1–9.

§3. Перестройка в СССР⁵²⁶

Обращение к анализу деятельности и творчества Ф.М. Бурлацкого в период перестройки в СССР⁵²⁷ (1985–1991 гг.)⁵²⁸ можно начать с оценки, данной академиком АН СССР Л.И. Абалкиным, который рассуждая в 1988 г. о причинах начала перестройки в Советском Союзе, высказывал следующие суждения: «объективная логика на определенном этапе привела общество к необходимости коренных сдвигов в организации экономической жизни, в системе управления. Это одна из причин, потребовавших от нас решительных действий»⁵²⁹. Вторая же причина связана с «конкретной ситуацией, которая дала о себе знать в экономике наиболее остро в конце 70-х – начале 80-х годов. Сложившаяся на прошлом этапе система управления с ее методами и способами организации производства исторически себя исчерпала. Именно она, та система управления, которая дала в свое время неплохие результаты, сама превратилась в тормоз дальнейшего развития...»⁵³⁰.

⁵²⁶ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Соболев В.А.* Деятельность и творчество Ф.М. Бурлацкого в период перестройки в СССР // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio–2018» / [гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов]. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. — С. 372–374; *Соболев В.А.* Федор Михайлович Бурлацкий о перестройке в СССР // Материалы XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2018». Политические науки. — М.: Макс Пресс, 2018. — URL: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/5000/report/request_284883/65358/uid40722_report.pdf?1535307241; *Соболев В.А.* Ф.М. Бурлацкий и перестройка в СССР // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). — 2018. — № 2. — С. 169–178.

⁵²⁷ См.: *Красин Ю.А.* Перестройка в контексте российской реформации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2005. — № 5. — С. 32–45; Общероссийская научная конференция «Перестройка: 20 лет спустя» / В.И. Коваленко, О.В. Гаман-Голутвина, А.С. Барсенков и др. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2005. — № 6. — С. 29–58; *Пляйс Я.А.* К вопросу о трансформации партийных и политических систем (попытка теоретического осмысления опыта перестройки в СССР) // Власть. — 2005. — № 10. — С. 3–13; *Барсенков А.С.* Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 гг. // Российская история. — 2014. — № 6. — С. 77–98; *Пихоя Р.Г.* Как развивалась социалистическая экономика в СССР (Об одной из причин распада страны) // Социально-политические науки. — 2016. — № 4. — С. 14–22.

⁵²⁸ См.: *Лукашин А.В.* Распад СССР глазами историков и других представителей общественно-политической мысли // Гуманитарные и социально-экономические науки в новом тысячелетии. — ГОУ ВПО МГАКХиС Москва, 2011. — С. 205–220; *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Перестройка – с дистанции в три десятилетия // Полит. Политические исследования. — 2015. — № 5. — С. 160–174; Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Составители: П. Дуткевич, Р. Саква, В.И. Куликов. Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. — М.: Издательство Московского университета, 2015. — 464 с.; *Мчедлова М.М.* Реформы и модернизация в России: историческая проекция // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 529–534.

⁵²⁹ *Абалкин Л.И.* Трудная школа перестройки // Уроки горькие, но необходимые / Сост. В.С. Молдаван, А.Г. Гридчина. — М.: Мысль, 1988. — С. 262.

⁵³⁰ Там же.

По мнению Л.И. Абалкина важнейшим условием являлся комплексный характер таких изменений, «т.е. экономическая перестройка должна дополняться достаточно глубокими изменениями в политической системе: ничем не сдерживаемой подлинной гласностью, включая всю полноту информации, свободу обсуждений, высказываний и критику хода перестройки, контроль за деятельностью планово-хозяйственных органов и многое другое, без чего невозможно довершить начатое дело. Добавлю и такое условие, как перестройка общественного сознания и выработка новых социалистических ценностей и установок»⁵³¹.

Наиболее интересными и важными сюжетами творчества Ф.М. Бурлацкого в период перестройки в СССР являются: участие в разработке доктрины «нового мышления» и публицистика в передовых изданиях на актуальные темы.

В 1985–1988 гг. когда выработывалась доктрина «нового мышления» Ф.М. Бурлацкий работал политическим обозревателем «Литературной газеты» (с 1982 г.) и заведовал кафедрой марксистско-ленинской философии Института общественных наук ЦК КПСС (1971–1989). Группа в ИОН ЦК КПСС под руководством Ф.М. Бурлацкого, наряду с другими группами, созданными в подразделениях Академии наук СССР: Институте США и Канады (директор — Г.А. Арбатов), Институте мировой экономики и международных отношений (директора: 1983–1985 г. — А.Н. Яковлев, с 1985 г. — Е.М. Примаков) и Институте экономики мировой социалистической системы (директор — О.Т. Богомолов); занималась разработкой и аналитической поддержкой идей «нового мышления».

Свои идеи по доктрине «нового мышления» Ф.М. Бурлацкий сформулировал в книге под названием «Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах». Ф.М. Бурлацкий видел «новое мышление» шире, чем только концепцию внешней политики СССР. Это но-

⁵³¹ *Абалкин. Л.И.* Трудная школа перестройки // Уроки горькие, но необходимые / Сост. В.С. Молдаван, А.Г. Гридчина. — М.: Мысль, 1988. — С. 265.

вый всеобъемлющий подход к социалистическому строительству и развитию всего социалистического мира.

В этой книге Ф.М. Бурлацкий пишет, что новый подход к проблемам развития советского общества опирается на три принципа. *Первый*: «понимание противоречий как источника развития. Особо важно анализировать противоречия между современным уровнем развития производительных сил в условиях новой технологической революции и производственными отношениями, всем механизмом хозяйственного управления; противоречия между централизованным планированием и товарно-денежными, рыночными отношениями; между развитием экономической и социальной сферы; между классами, между различными социальными группами; между социальной справедливостью и эффективностью; между требованиями профессионализма и участием в управлении всех трудящихся; между централизованным руководством и растущим влиянием общественного мнения на принимаемые решения и др.»⁵³². Из этого Ф.М. Бурлацкий делает вывод, что множественность, состязательность и честная борьба являются важными стимулами развития общества.

Второй принцип, на котором основывается новый подход к проблемам развития советского общества, касается вопроса конкретности истины. Ф.М. Бурлацкий отмечает, что «требование конкретности реализма и правды прозвучало на XXVII съезде КПСС. Все мы видим, какое влияние это оказало на деятельность средств массовой информации, на творчество писателей, публицистов, ученых. Очищение общества, развитие гласности и критики органично дополнили идею перестройки всей нашей социально системы...»⁵³³.

Третий принцип фокусируется на соотношении применения реформы и революции в социалистическом обществе. Здесь Ф.М. Бурлацкий делает уточнение, что в период перестройки в научном марксизме появилось новое понятие — революционные преобразования в условиях социализма. По мнению Ф.М. Бурлацкого речь идет о «характеристике глубины, радикальности,

⁵³² Бурлацкий Ф.М. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. — М.: Политиздат, 1989. — С. 425.

⁵³³ Там же. — С. 426.

качественности осуществляемых в нашей стране преобразований. Речь идет о подлинно структурных преобразованиях — и не в их узком истолковании как изменение организационной структуры аппарата управления. Речь идет о принципиальных изменениях в производственных отношениях в условиях господства общественной собственности. Речь идет о более последовательном осуществлении коренного принципа социальной справедливости нашего общества: "От каждого — по способностям, каждому — по труду"⁵³⁴.

Ф.М. Бурлацкий считает, что основной характеристикой модели социализма в период перестройки являлась *эффективность*. И объясняет это тем, что социализм — это «не докапиталистическое, а послекapиталистическое общество. И согласно марксистской теории социально-экономической формации, он должен обеспечить более высокий уровень производительности труда, индустриального и научно-технического развития, жизни, чем капитализм. И в исторической перспективе обеспечит. Отсюда вытекает гигантская задача развития производительных сил на основе технологической революции»⁵³⁵.

Следующей характеристикой является *демократизм*. Ф.М. Бурлацкий пишет, что социализму удалось решить задачу включения во власть и управление как рабочего класса, так и всех трудящихся. Однако «осталась не решенной проблема развития демократических форм. Отсюда задача демократизации политической системы социалистического общества»⁵³⁶.

Еще одной характеристикой социализма является *гуманизм*. Ф.М. Бурлацкий объясняет это тем, что «социализм не имеет иной цели, кроме повышения благосостояния и культуры каждого трудящегося человека, обеспечения его экономических, социальных и юридических прав»⁵³⁷.

Большое значение для Ф.М. Бурлацкого имеет анализ объективных причин структурных реформ. Главная объективная причина таких реформ —

⁵³⁴ Бурлацкий Ф.М. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. — М.: Политиздат, 1989. — С. 427.

⁵³⁵ Там же. — С. 429.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ Там же.

«необходимость преодоления технологического отставания, внедрения достижений научно-технической революции не только в экономику, но и в управление, культуру и весь образ жизни»⁵³⁸. Другая важная причина — «появление кризисных явлений в некоторых странах социализма. Это проявляется в растущем технологическом отставании от индустриально развитых капиталистических стран; в отставании по уровню и качеству жизни; в замедлении темпов экономического развития; в формировании "экономики дефицита"; в росте задолженности капиталистическим странам; в бюрократизации управления и падении нравов, в размывании социалистических ценностей и др.»⁵³⁹.

Ф.М. Бурлацкий называет следующие основные черты модели демократического, гуманистического и эффективного социалистического общества: *«1) плано-товарная экономика; 2) множественность видов общественной собственности — возвышение государственной до уровня общенародной, развитие кооперативной, семейной, индивидуальной форм и др.; 3) развитие гражданского общества и подчинение государства обществу; 4) разделение власти, полномочий и функций между партийными, государственными и общественными организациями, преодоление бюрократизма; 5) развитие самоуправления, формирование общественного мнения как фактора политического процесса, построение государственного управления по принципу — лучше меньше, да лучше; развитие выборности, ротации кадров, профессионализма; 6) экономическая состязательность (социалистическая конкуренция) и состязательность культурных направлений, воспитание социалистической личности, полное преодоление наследия авторитарно-патриархальной культуры и формирование социалистической (выделено мной — В.С.)»⁵⁴⁰.*

⁵³⁸ Бурлацкий Ф.М. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. — М.: Политиздат, 1989. — С. 429.

⁵³⁹ Там же.

⁵⁴⁰ Там же. — С. 429–430.

Ф.М. Бурлацкий подчеркивает, что все эти преобразования направлены на «укрепление социализма, совершенствование методов руководства со стороны коммунистической партии, осуществление подлинно народной власти»⁵⁴¹.

Теперь перейдем к публицистике Ф.М. Бурлацкого. За четыре месяца до XIX партийной конференции 24 февраля 1988 г. Ф.М. Бурлацкий публикует в «Литературной газете» статью «О советском парламентаризме». В ней была предложена новая модель политической системы СССР, в частности: *введение должности президента и всенародного его избрания; формирование двухпалатного парламента; проведение реформы государственного аппарата; обеспечение реальных гарантий гражданских и политических прав и свобод человека*⁵⁴². Данные меры будут реализованы, но позже и другими людьми.

Идеи, выдвинутые в статье «О советском парламентаризме», Ф.М. Бурлацкий продолжал отстаивать и дальше. 8 ноября 1989 г. в «Литературной газете» выходит статья Ф.М. Бурлацкого «Судебная реформа», где подробно расписаны необходимые шаги и меры судебной реформы в СССР, в частности: *создание суда присяжных; формирование специализированных судов (подростковых, семейных, административных и др.); расширение судебной системы, т.е. увеличение количества судов; обеспечение гарантий независимости суда от других ветвей власти*⁵⁴³.

Стоит упомянуть еще об одной статье. 10 февраля 1990 г. Ф.М. Бурлацкий публикует в «Известиях» статью «Президент и разделение властей». В данной статье Ф.М. Бурлацкий вновь объясняет важность создания в СССР должности президента. Однако здесь уже подробно расписаны конкретные институты и механизмы обеспечения сдержек и противовесов политической системы СССР, в частности: *внесение в Конституцию принципа голосования о доверии правительству; введение процедуры импичмента президента; за-*

⁵⁴¹ Бурлацкий Ф.М. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. — М.: Политиздат, 1989. — С. 430.

⁵⁴² См.: Бурлацкий Ф.М. О советском парламентаризме // Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. II. — С. 43–48.

⁵⁴³ См.: Бурлацкий Ф.М. Судебная реформа // Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. II. — С. 52–54.

*крепление за гражданами права — они есть источник власти в государстве; создание президентского совета для обеспечения перехода к президентской системе правления*⁵⁴⁴.

Кроме того, в период перестройки Ф.М. Бурлацким была подготовлена аналитическая записка в адрес члена Политбюро ЦК КПСС, Секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева, в которой обосновывалась необходимость: *разработки долгосрочной программы развития гуманитарного сотрудничества на мировой арене, обмена информацией, людьми, идеями в интересах усиления идеологического влияния СССР; разработки системы мероприятий по развитию культурно-информационной интеграции в рамках мирового социалистического содружества; упрощения процедуры оформления выездов советских людей в капиталистические и развивающиеся страны; укрепления юридических гарантий защиты прав человека в СССР; использовать празднование тысячелетия крещения Руси (1988 г.) в интересах укрепления доверия между Востоком и Западом, развития сотрудничества в гуманитарной сфере и др.*⁵⁴⁵

Необходимо отдельно подчеркнуть, что Ф.М. Бурлацкому удалось реализовать часть своих идей и предложений на практике. В 1989 г. Ф.М. Бурлацкий получил возможность непосредственно оказывать влияние на политику в стране⁵⁴⁶. В этот год Ф.М. Бурлацкий избирается народным депутатом СССР от Советского Фонда мира и становится членом Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. По его инициативе в рамках комитета создается подкомитет по гуманитарному, научному и культурному сотрудничеству, руководство которым было поручено самому Ф.М. Бурлацкому. Результатом деятельности в качестве депутата стали подготовленные под руководством Ф.М. Бурлацкого и вступившие в силу законы: *о свободе СМИ*⁵⁴⁷; *о свободе*

⁵⁴⁴ См.: Бурлацкий Ф.М. Президент и разделение властей // О политической науке: Избранные произведения. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — С. 261–266.

⁵⁴⁵ См.: Бурлацкий Ф.М. Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 1–9.

⁵⁴⁶ В этом абзаце для констатации вклада Ф.М. Бурлацкого необходимо повторить тезисы, изложенные в предыдущей части исследования.

⁵⁴⁷ Закон СССР от 12 июня 1990 г. N 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации».

*совести и религиозных организациях*⁵⁴⁸; *о свободе выезда и въезда в страну*⁵⁴⁹; а также *«Декларация прав и свобод человека»*⁵⁵⁰.

В марте 1990 г. Ф.М. Бурлацкий становится главным редактором «Литературной газеты», но сразу после «Августовского путча» его отстраняют от этой должности. И уже в сентябре 1990 г. Ф.М. Бурлацкий по личной инициативе приостанавливает свою работу в качестве члена Верховного Совета СССР. Ф.М. Бурлацкий не принимает распад Советского Союза после подписания Беловежского соглашения и на полгода уезжает преподавать в Гарвард.

Таким образом, уже с 1985 г. Ф.М. Бурлацкий принимал активное участие в перестройке: занимался разработкой и аналитической поддержкой доктрины «нового мышления». Он публиковал статьи в передовых изданиях на актуальные темы. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, Ф.М. Бурлацкий участвовал в подготовке и принятии важных для Советского Союза законов. В итоге, Ф.М. Бурлацкий не просто внес значительный идейный вклад в перестройку в СССР, но и смог реализовать часть своих предложений на практике.

Выводы главы

Вклад Ф.М. Бурлацкого в политическую практику, определяется прежде всего его идеями и предложениями относительно социально-политических преобразований в Китае, становления прав и свобод человека в России и политики перестройки в СССР.

Ф.М. Бурлацкий разработал ряд принципиальных и конкретных предложений по выстраиванию взаимоотношений между СССР и КНР, касающихся необходимости: отразить в материалах XXV съезда не только в основных докладах, но и в выступлениях делегатов, в особенности представителей компартий, новые оценки нынешней политики КПК и КНР, которая в современ-

⁵⁴⁸ Закон СССР от 1 октября 1990 г. N 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях».

⁵⁴⁹ Закон СССР от 20 мая 1991 г. N 2177-1 «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР».

⁵⁵⁰ Закон СССР от 5 сентября 1991 г. N 2393-1 «Декларация прав и свобод человека».

ных условиях все более становится одним из центров экстремизма и социально-политической реакции; подчеркнуть готовность СССР строить свои отношения с КНР на принципах мирного сосуществования, необходимость вовлечения этой страны в систему международных обязательств в целях предотвращения ее экстремистских действий в любых направлениях; обратиться с закрытым письмом после съезда ко всем членам КПСС и советскому активу, в котором изложить всю остроту и сложность китайской проблемы, призвать реагировать на высказывания прокитайских идей с такой же остротой и непримиримостью, как и на проникновение идеологии правооппортунистических элементов Чехословакии и Югославии; в открытой печати усилить критику, направленную лично против Мао Цзэдуна и приближенных к нему лиц, оказывать осторожную поддержку умеренным в КПК, рассеивать в то же время иллюзии относительно периода «после Мао», подчеркивая идеологическую, политическую и военную угрозу КПК и КНР; разработать по китайскому вопросу долгосрочную программу, рассчитанную на длительную перспективу и учитывающую возможные варианты расстановки сил в будущем.

Вкладом Ф.М. Бурлацкого в становление и развитие прав и свобод человека в СССР является его работа по созданию Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество, а также участие в подготовке и принятии документов, гарантирующих права и свободы человека в Советском Союзе (законы о свободе передвижения, о свободе средств массовой информации и о свободе совести и религиозных организациях, а также «Декларация прав и свобод человека»).

Ф.М. Бурлацкий занимался идейным обоснованием политики перестройки в СССР, сформулировал предложения о необходимости ввести должности президента и всенародного его избрания; сформировать двухпалатный парламент; провести реформы государственного аппарата; обеспечить реальные гарантии гражданских и политических прав и свобод человека; внести в Конституцию принцип голосования о доверии правительству; ввести процедуру

импичмента президента; закрепить за гражданами право — они есть источник власти в государстве; создать президентский совет для обеспечения перехода к президентской системе правления; создать суд присяжных; сформировать специализированные суды; расширить судебную систему, т.е. увеличить количество судов; обеспечить гарантии независимости суда от других ветвей власти.

Кроме того, деятельность Ф.М. Бурлацкого была связана с разработкой долгосрочной программы развития гуманитарного сотрудничества на мировой арене, обмена информацией, людьми, идеями в интересах усиления идеологического влияния СССР, системы мероприятий по развитию культурно-информационной интеграции в рамках мирового социалистического содружества; упрощением процедуры оформления выездов советских людей в капиталистические и развивающиеся страны; укреплением юридических гарантий защиты прав человека в СССР; использованием празднования тысячелетия крещения Руси (1988 г.) в интересах укрепления доверия между Востоком и Западом, развития сотрудничества в гуманитарной сфере.

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий предстает перед нами не просто как ученый, несший значительный вклад в политическую науку, но и как политолог-практик, политолог-аналитик, чьи идеи и предложения относительно социально-политических преобразований в Китае, становления прав и свобод человека и политики перестройки в СССР были востребованы властью.

Заключение

Подведем итоги данного исследования. Ф.М. Бурлацкий, признавая важную роль политологии, усматривал основную задачу политической науки в изучении механизма руководства обществом в динамике, в выяснении того, как общество функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития. Изучение политических явлений, как считал Ф.М. Бурлацкий, опирается на: 1) методологию диалектического и исторического материализма; 2) теорию политики среднего уровня (методика) и 3) совокупность конкретно-социологических процедур.

В связи с этим, Ф.М. Бурлацкий предлагал использовать следующие методы анализа политических явлений: дифференцированный анализ социальных общностей, их роли в политической жизни; структурно-функциональный анализ политических институтов; системный анализ больших и малых политических структур; комплексный анализ политического управления и руководства обществом; коммуникационный анализ взаимодействий элементов политического процесса; анализ соотношения сил как фактора формирования политических отношений, особенно в международных отношениях; анализ политической динамики; сравнительный метод сопоставления близких или противоположных политических систем; методы политического планирования и прогнозирования.

В свою очередь, изучение конкретных политических явлений, по Ф.М. Бурлацкому, предполагает: во-первых, объяснение экономических интересов, которыми они, в конечном счете, определяются и, во-вторых, уяснение всей системы социальных факторов и противоречий, через которые пробивают себе дорогу экономические интересы. Анализируя политику, Ф.М. Бурлацкий предлагает находить те конкретные факторы, которые определяют появление и жизнедеятельность тех или иных политических институтов, осуществление того или иного курса в политике.

Для понимания содержания политики, по мысли Ф.М. Бурлацкого, существенны следующие признаки власти: а) взаимосвязь с политической системой и б) право и способность к принятию обязательных для всего общества решений по распределению ценностей между различными общностями и индивидами. Это позволяет учитывать как институциональный, так и функциональный подходы к изучению политического процесса. Для Ф.М. Бурлацкого, власть — реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям. Политическая власть — характеризуется реальной способностью данного класса, группы, а также отражающих их интересы индивидов проводить свою волю посредством политики и правовых норм. Политическая деятельность осуществляется не только в рамках государства, но и с помощью других институтов социально-политической системы: партий, профсоюзов, международных организаций.

Политическую систему Ф.М. Бурлацкий определяет в качестве одной из подсистем общества наряду с экономической и духовной. К ее функциям он относил: 1) определение целей и задач общества; 2) мобилизацию ресурсов на их выполнение; 3) интеграцию элементов общества; 4) легитимизацию. В структуре политической системы Ф.М. Бурлацкий выделял четыре элемента, различающиеся выполняемыми ролями и функциями: а) политические организации, б) политические нормы, в) политические отношения и д) политическое сознание.

Определяя тот или иной политический режим, Ф.М. Бурлацкий предложил прежде всего искать ответы на следующие вопросы: какие группы находятся у руководства государством; каким методам управления отдается предпочтение — прямым, насильственным или косвенным, демократическим; какие партии или партийные коалиции выступают как руководящая сила; допускается ли и в каких пределах деятельность социальных институтов; каково положение личности в государстве?

Характеризуя партии и их типологию, Ф.М. Бурлацкий выдвинул следующие основные критерии: социальная сущность и определяемые ею полити-

ческие цели и идеология, характер массовой базы и социальных связей, место и роль в политической системе, структура, внутренний режим и методы деятельности. Исходя из этих критериев, по Ф.М. Бурлацкому, политические партии можно разделить: с точки зрения социальной сущности — на буржуазные, мелкобуржуазные, пролетарские, полупролетарские; с точки зрения политических целей и идеологии — на праворадикалистские, консервативные, буржуазно-либеральные, буржуазно-реформистские, социал-демократические, лево-социалистические, коммунистические; с точки зрения внутренней структуры — на военизированные, автократические, демократические; с точки зрения выполняемых функций и места в политической системе — на властвующие, правящие и оппозиционные.

В целом, те или иные сложившиеся партийные системы, по Ф.М. Бурлацкому, определяются не только классовым составом населения страны, но и историческими традициями, политической культурой масс, национальным составом населения, его религиозными представлениями.

Ф.М. Бурлацкий развивал советскую теорию международных отношений. Он настаивал на том, что политическая наука позволит внести значительный вклад в разработку ТМО, так как исследование данных проблем, разработка категорий и понятий на уровне политической теории способствуют обобщению обширных эмпирических данных, которые накапливают различные науки и дисциплины, изучающие международные отношения, более детальному анализу и прогнозированию тенденций в мировой политике.

К основе ТМО Ф.М. Бурлацкий относил: понятие системы международных отношений и ее генезиса; экономические, социальные, культурные факторы и закономерности развития международных отношений; роль национальных интересов в формировании мировой политики и международного права; равновесие сил и мирное сосуществование государств с различным социальным строем; интернационализация, интеграция и проблема суверенитета; национализм и его влияние на международное развитие; проблемы и перспек-

тивы ограничения гонки вооружений; методы разрешения конфликтов и профилактика проблемных ситуаций; глобальные проблемы современности.

Ф.М. Бурлацкий одним из первых в советском обществознании исследовал политическую культуру в качестве компонента политической системы общества и, так как она формирует политическое поведение и основывается на социально-политическом опыте общества, отнес ее к социально-психологическим явлениям. Ф.М. Бурлацкий сформулировал базовую типологическую модель политических культур, основанную на разделении общества по уровню социального развития и выделил следующие ее типы: а) архаическая политическая культура; б) элитарная политическая культура; в) представительская политическая культура и г) политическая культура высокой гражданственности (коммунистическая).

Ф.М. Бурлацкий разработал оригинальный подход к феноменам элиты и политического лидерства, который расходится с доминирующими сегодня в мировой политической науке трактовками, выводящими ценностные и нравственные вопросы за рамки политологического анализа. Ф.М. Бурлацкий исследовал политическую роль советников, консультантов, экспертов и их участие в принятии государственных и политических решений, а также, основываясь на своем личном опыте, выделил следующие типы политических советников: 1) «советник-мыслитель», 2) «советник-пророк» и 3) «советник-политикан».

Ф.М. Бурлацкий сформулировал ряд принципиальных и конкретных предложений по выстраиванию взаимоотношений между СССР и КНР, касающихся необходимости: отразить в материалах XXV съезда не только в основных докладах, но и в выступлениях делегатов, в особенности представителей компартий, новые оценки нынешней политики КПК и КНР, которая в современных условиях все более становится одним из центров экстремизма и социально-политической реакции; подчеркнуть готовность СССР строить свои отношения с КНР на принципах мирного сосуществования, необходимость вовлечения этой страны в систему международных обязательств в це-

лях предотвращения ее экстремистских действий в любых направлениях; обратиться с закрытым письмом после съезда ко всем членам КПСС и советскому активу, в котором изложить всю остроту и сложность китайской проблемы, призвать реагировать на высказывания прокитайских идей с такой же остротой и непримиримостью, как и на проникновение идеологии правооппортунистических элементов Чехословакии и Югославии; в открытой печати усилить критику, направленную лично против Мао Цзэдуна и приближенных к нему лиц, оказывать осторожную поддержку умеренным в КПК, рассеивать в то же время иллюзии относительно периода «после Мао», подчеркивая идеологическую, политическую и военную угрозу КПК и КНР; разработать по китайскому вопросу долгосрочную программу, рассчитанную на длительную перспективу и учитывающую возможные варианты расстановки сил в будущем.

Вкладом Ф.М. Бурлацкого в становление и развитие прав и свобод человека в СССР является его работа по созданию Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество, а также участие в подготовке и принятии документов, гарантирующих права и свободы человека в Советском Союзе (законы о свободе передвижения, о свободе средств массовой информации и о свободе совести и религиозных организациях, а также «Декларация прав и свобод человека»).

Ф.М. Бурлацкий занимался идейным обоснованием политики перестройки в СССР, сформулировал предложения о необходимости ввести должности президента и всенародного его избрания; сформировать двухпалатный парламент; провести реформы государственного аппарата; обеспечить реальные гарантии гражданских и политических прав и свобод человека; внести в Конституцию принцип голосования о доверии правительству; ввести процедуру импичмента президента; закрепить за гражданами право — они есть источник власти в государстве; создать президентский совет для обеспечения перехода к президентской системе правления; создать суд присяжных; сформировать

специализированные суды; расширить судебную систему, т.е. увеличить количество судов; обеспечить гарантии независимости суда от других ветвей власти.

Деятельность Ф.М. Бурлацкого также была связана с разработкой долгосрочной программы развития гуманитарного сотрудничества на мировой арене, обмена информацией, людьми, идеями в интересах усиления идеологического влияния СССР, системы мероприятий по развитию культурно-информационной интеграции в рамках мирового социалистического содружества; упрощением процедуры оформления выездов советских людей в капиталистические и развивающиеся страны; укреплением юридических гарантий защиты прав человека в СССР; использованием празднования тысячелетия крещения Руси (1988 г.) в интересах укрепления доверия между Востоком и Западом, развития сотрудничества в гуманитарной сфере.

В современной российской политической науке данная работа является лишь первым приближением к исследованию темы, первой попыткой системного изложения многогранного и многоаспектного творчества Ф.М. Бурлацкого. За рамками диссертационного исследования остался значительный пласт публицистических работ; часть автобиографических и мемуарных произведений о личностях глав государств и их советниках, а также созданные Ф.М. Бурлацким пьесы. Поэтому изучение идейно-политического наследия Ф.М. Бурлацкого может и должно быть продолжено.

Литература

1. *Алексеева Т.А.* Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8. — № 4. — С. 30–41.
2. *Алексеева Т.А., Дегтерев Д.А.* Международные отношения: спор о науке и методе // Вестник Российской академии наук. — 2017. — Т. 87. — № 9. — С. 848–857.
3. *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 1. — С. 29–43.
4. *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985): Свидетельство современника. — М.: Международные отношения, 1991. — 398 с.
5. *Ахиезер А.С.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии (историко-культурное исследование) // Pro et Contra. — 2002. — Т. 7. — № 3. — С. 51–76.
6. *Ашин Г.К.* Элитология в системе общественных наук // Вестник МГИМО-Университета. — 2009. — № 6. — С. 27–37.
7. *Ашин Г.К.* Элитология и обществознание // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2010. — № 4. — С. 91–98.
8. *Ашин Г.К.* Элитология как российская инновация // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2011. — № 1. — С. 162–172.
9. *Барсенков А.С.* Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 гг. // Российская история. — 2014. — № 6. — С. 77–98.
10. *Баталов Э.Я.* Антропология международных отношений // Международные процессы. — 2005. — Т. 3. — № 8. — С. 4–16.
11. *Баталов Э.Я.* Восхождение к политической науке // Общественные науки и современность. — 2005. — № 3. — С. 34–47.
12. *Баталов Э.Я.* Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. — 2016. — Т. 14. — № 1 (44). — С. 6–25.
13. *Бергер Я.М.* Еще раз о китайской модели развития // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. — 2012. — № 2. — С. 119–124.
14. *Бирюков Д.А.* Политический режим как социально-политический феномен: критерии, типология, факторы развития // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). — 2015. — № 2. — URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/661>.
15. *Бовин А.Е.* XX век как жизнь: Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — 773 с.
16. *Богатуров А.Д.* Международно-политический анализ. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 208 с.
17. *Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. — 2004. — Т. 2. — № 4. — С. 16–33.

18. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. — 380 с.
19. Бойцова О.Ю. «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2018. — № 1. — С. 55–62.
20. Буренко В.И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2011. — № 20. — С. 18–23.
21. Буренко В.И., Шумилов А.В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. — 2012. — № 4. — С. 9–18.
22. Борисенков А.А. Политический режим – способ политического влияния // Социум и власть. — 2012. — № 2. — С. 38–42.
23. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... — М.: Политиздат, 1990. — 383 с.
24. Бурлацкий Ф.М. Государство и коммунизм. — М.: Соцэкгиз, 1963. — 247 с.
25. Бурлацкий Ф.М. Женева: вчера, сегодня, завтра: (Встреча М.С. Горбачева и Р. Рейгана 19-21 ноября 1985 г.). — М.: Мысль, 1986. — 159 с.
26. Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 255 с.
27. Бурлацкий Ф.М. Записка Председателю КГБ Ю.В. Андропову // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1–7.
28. Бурлацкий Ф.М. Записка Секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 1–4.
29. Бурлацкий Ф.М. Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 1–9.
30. Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. — М.: Наука, 1970. — 522 с.
31. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. — М.: Рипол Классик, 2003. — 254 с.
32. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его наследники. — М.: Международные отношения, 1979. — 400 с.
33. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин. — М.: Собрание, 2008. — 231 с.
34. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура». — М.: Международные отношения, 1976. — 392 с.
35. Бурлацкий Ф.М. Маоизм или марксизм? — М.: Политиздат, 1967. — 128 с.
36. Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. — М.: Политиздат, 1968. — 176 с.
37. Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущев. — М.: Рипол Классик, 2003. — 349 с.
38. Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущев и его советники – красные, черные, белые. — М.: Собрание, 2008. — 285 с.

39. *Бурлацкий Ф.М.* Никколо Макиавелли: Советник государя. — М.: Собрание, 2008. — 334 с.
40. *Бурлацкий Ф.М.* Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. — М.: Политиздат, 1989. — 431 с.
41. *Бурлацкий Ф.М.* О политической науке: Избранные произведения. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — 328 с.
42. *Бурлацкий Ф.М.* О социально-экономической и политической системе КНР // Вопросы философии. — 1980. — № 2. — С. 112–125.
43. *Бурлацкий Ф.М.* От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 5. — С. 15–27.
44. *Бурлацкий Ф.М.* Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. / Ф.М. Бурлацкий. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. I. — 584 с.
45. *Бурлацкий Ф.М.* Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. / Ф.М. Бурлацкий. — М.: Издательство РГТЭУ, 2008. — Кн. II. — 300 с.
46. *Бурлацкий Ф.М.* Проблемы прав человека в СССР и России. (1970-80-е и начало 90-х годов). — М.: Научная книга, 1999. — 279 с.
47. *Бурлацкий Ф.М.* Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. — М.: Собрание, 2008. — 319 с.
48. *Бурлацкий Ф.М.* Русские государи: Эпоха реформации. Никита Смелый. Михаил Блаженный. Борис Крутой. — М.: Фирма «ШАРК», 1996. — 510 с.
49. *Бурлацкий Ф.М.* Юрий Андропов и аристократы духа. — М.: Собрание, 2009. — 286 с.
50. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. — М.: Мысль, 1985. — 384 с.
51. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Международные отношения, 1974. — 324 с.
52. *Бурлацкий Ф.М., Мушинский В.О.* Народ и власть: Научно-популярный очерк политической системы социализма. — М.: Политиздат, 1986. — 254 с.
53. *Бусыгина И.М.* Как российский политический режим доказывает свою привлекательность // Отечественные записки. — 2013. — № 6. — С. 36–45.
54. *Бутенко А.П.* Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2000. — 378 с.
55. *Воробьев Д.М.* Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества во второй половине XX века: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: М., 2008.
56. *Воробьев Д.М.* Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 4. — С. 169–178.
57. *Воробьев Д.М.* Развитие политологического сообщества в постсоветской России // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 6. — С. 151–161.

58. *Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В.* Российский истеблишмент: пути и методы обновления // *Полис. Политические исследования.* — 2011. — № 1. — С. 66–79.
59. *Воскресенский А.Д.* Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» // *Сравнительная политика.* — 2014. — Т. 5. — № 1 (14). — С. 120–138.
60. *Гаджиев К.С.* Политическая культура: концептуальный аспект // *Полис. Политические исследования.* — 1991. — № 6. — С. 69–83.
61. *Галкин А.А.* Академическая политология (1960–1980). А.А. Галкин. Интервью С.В. Патрушеву 17 июля 2000 г. // *Политическая наука.* — 2001. — № 1. — С. 22–37.
62. *Галкин А.А.* Власть и политический капитал (размышления на досуге) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* — 2013. — № 4 (71). — С. 6–22.
63. *Галкин А.А.* Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант // *Вестник Института социологии.* — 2015. — № 1. — С. 12–33.
64. *Галкин А.А.* Общественные настроения и политическое поведение: некоторые тенденции современного развития // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* — 2014. — № 2. — С. 6–20.
65. *Галкин А.А.* У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* — 2010. — № 3–4. — С. 257–269.
66. *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Перестройка – с дистанции в три десятилетия // *Полис. Политические исследования.* — 2015. — № 5. — С. 160–174.
67. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука.* — 2016. — № 2. — С. 38–73.
68. *Гаман-Голутвина О.В.* Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2005. — № 2. — С. 39–49.
69. *Гаман-Голутвина О.В.* Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // *Полис. Политические исследования.* — 2016. — № 3. — С. 153–159.
70. *Гигаури Д.И., Гуторов В.А.* Политический миф в структуре исторической памяти // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2017. — № 2. — С. 24–45.
71. *Глебова И.И.* Память русской власти: проблемы хранения, трансляции, актуализации // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* — 2009. — № 3. — С. 75–118.
72. *Глебова И.И.* Партия власти // *Полис. Политические исследования.* — 2004. — № 2. — С. 85–92.
73. *Глебова И.И.* Партия власти в русской публичной политике // *Политическая наука.* — 2005. — № 1. — С. 70–104.
74. *Глебова И.И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность. — М.: Наука, 2006. — 333 с.

75. *Глебова И.И.* Политическая культура современной России: новые расколы // *Россия и современный мир*. — 2006. — № 1. — С. 17–39.
76. *Глебова И.И.* Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // *Полис. Политические исследования*. — 2006. — № 1. — С. 33–44.
77. *Глебова И.И.* Русская власть и ее партии // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — 2011. — № 3. — С. 112–130.
78. *Глебова И.И.* Сакрализация верховной власти в России как культурно-исторический феномен // *Россия и современный мир*. — 2009. — № 4 (65). — С. 23–43.
79. *Глебова И.И.* Травматическое прошлое и национальная политическая культура // *Политическая наука*. — 2006. — № 3. — С. 114–139.
80. *Голосов Г.В.* Партийные системы стран мира: региональное и хронологическое распределение, модели устойчивости // *Политическая наука*. — 2012. — № 3. — С. 71–104.
81. *Голосов Г.В.* Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // *Полис. Политические исследования*. — 1998. — № 1. — С. 106–129.
82. *Гуторов В.А.* К вопросу о «критических точках» революционного процесса в 1917 году // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. — 2018. — Т. 11. — № 1. — С. 15–23.
83. *Гуторов В.А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2016. — Т. 12. — № 1. — С. 4–28.
84. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях современной теоретической интерпретации революционного насилия // *Философия политики и права*. — 2017. — № 8. — С. 78–89.
85. *Гуторов В.А.* Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // *Полис. Политические исследования*. — 2015. — № 1. — С. 9–29.
86. *Гуторов В.А.* Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2006. — Т. 2. — № 4. — С. 63–74.
87. *Гуторов В.А.* Политическая элита и политическое образование в современной России // *Власть и элиты* / Гл. ред. А.В. Дука. — СПб.: Интерсоцис, 2014. — Т. 1. — С. 207–223.
88. *Гуторов В.А.* Текст и политика: о некоторых особенностях современной интерпретации идеологических дискурсов // *SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей* / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 212–221.
89. *Гуторов В.А.* Философия политики: судьба классической традиции // *Философские науки*. — 2004. — № 11. — С. 146–161.

90. *Гуторов В.А.* Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // *Полис. Политические исследования.* — 2001. — № 1. — С. 157–167.
91. *Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // *Международные процессы.* — 2015. — Т. 13. — № 41. — С. 35–54.
92. *Дегтерев Д.А.* Формализованные модели в международно-политической науке // *Полис. Политические исследования.* — 2017. — № 4. — С. 33–48.
93. *Дегтерев Д.А., Истомин И.А.* Системное моделирование международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2015. — Т. 59. — № 11. — С. 17–30.
94. *Делюсин Л.П.* Величие и трагедия Дэн Сяопина // *Азия и Африка сегодня.* — 2002. — № 4. — С. 7–14.
95. *Делюсин Л.П.* Каково место Мао Цзэдуна в истории страны // *Азия и Африка сегодня.* — 2001. — № 2. — С. 22–26.
96. *Дилигенский Г.Г.* Академическая политология (1960–1980). Г.Г. Дилигенский. Интервью С.В. Патрушеву 10 июля 2000 г. // *Политическая наука.* — 2001. — № 1. — С. 38–48.
97. *Дождиков А.В., Селезнева А.В.* Политическое сознание современной российской молодежи: политико-психологический анализ // *Социально-гуманитарные знания.* — 2012. — № 2. — С. 48–60.
98. *Дука А.В.* Институционализация российской политико-административной элиты // *Политическая наука.* — 2009. — № 3. — С. 110–140.
99. *Дука А.В.* Политическая культура – поиски теоретических оснований // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2006. — Т. 2. — № 1. — С. 7–30.
100. *Дука А.В.* Эволюция константы: российские элиты в историческом контексте // *Полис. Политические исследования.* — 2008. — № 6. — С. 180–185.
101. *Елисеев С.М.* Политические партии и проблемы развития национального поля российской политики // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* — 2006. — Т. 2. — № 1. — С. 81–97.
102. *Еремеев С.Г.* К проблеме актуализации политической власти как ценности в эпоху глобализации // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* — 2012. — № 3. — С. 52–54.
103. *Игрицкий Ю.И.* Власть, политический процесс и публичная политика в России (анализ литературы и концепций) // *Политическая наука.* — 2005. — № 1. — С. 5–69.
104. *Ильин М.В.* Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // *Полис. Политические исследования.* — 1999. — № 6. — С. 135–143.
105. *Ильин М.В.* Отечественная политология: осмысление традиции // *Политическая наука.* — 2001. — № 1. — С. 5–21.
106. *Ильин М.В.* Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // *Полис. Политические исследования.* — 2004. — № 5. — С. 120–130.

107. *Ильин М.В., Коваль Б.И.* Личность в политике: «Кто играет короля?» // Полис. Политические исследования. — 1991. — № 6. — С. 127–138.
108. *Ильин М.В., Коваль Б.И.* Что есть политика и что – наука о политике (опыт нетрадиционного обзора) // Полис. Политические исследования. — 1991. — № 4. — С. 103–115.
109. *Ильин М.В., Малинова О.Ю., Мелешкина Е.Ю.* Развитие политической науки в современной России // Политическая наука. — 2004. — № 2. — С. 179–232.
110. *Ирхин Ю.В.* Международная ассоциация политической науки: институализация, генезис, концептуальные подходы и практики. — М.: Реал Принт, 2017. — 237 с.
111. *Ирхин Ю.В.* Международная ассоциация политической науки и российские политологи: 60 лет взаимодействия // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — Т. 10. — № 6. — С. 80–88.
112. *Ирхин Ю.В.* Роль московского конгресса в генезисе Международной ассоциации политической науки: экспертный анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2016. — Т. 12. — № 1. — С. 199–217.
113. *Ирхин Ю.В.* Российская политология: четверть века или 255 лет? // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 2. — С. 34–50.
114. *Ирхин Ю.В.* Российская политология: этапы генезиса и особенности институализации // Среднерусский вестник общественных наук. — 2011. — № 1. — С. 94–102.
115. *Ирхин Ю.В.* Российский вектор в генезисе Международной ассоциации политической науки (к 35-летию Всемирного конгресса политологов в Москве) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. — № 1. — С. 87–101.
116. *Исаев Б.А.* Теоретико-методологические основы исследования партийной системы России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2015. — Т. 11. — № 1. — С. 45–61.
117. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. — М.: Наука, 2017. — 824 с.
118. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. — М.: Наука, 2016. — 996 с.
119. История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 360 с.
120. К 50-летию «культурной революции» в КНР (Круглый стол в ПДВ) / В.Я. Портяков, Я.М. Бергер, О.Н. Борох и др. // Проблемы Дальнего Востока. — 2016. — № 4. — С. 100–143.
121. *Капто А.С.* К вопросу об институализации политической науки // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 2. — С. 67–77.

122. *Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М.* Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. — М.: Аквилон, 2015. — 288 с.
123. *Карабущенко П.Л.* Живая элитология // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2012. — № 1. — С. 212–223.
124. *Карабущенко П.Л.* Элита как ценность: смысл избранности // Ценности и смыслы. — 2016. — № 1 (41). — С. 48–62.
125. *Карягин М.Е., Сунгуров А.Ю.* Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 2. — С. 8–20.
126. *Коваленко В.И.* Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2009. — № 1. — С. 4–9.
127. *Коваленко В.И.* Столетие революции 1917 г. в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2017. — № 3. — С. 7–16.
128. *Козлов Д.В.* Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента // Полис. Политические исследования. — 2017. — № 1. — С. 85–98.
129. *Косолапов Н.А.* Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 3. — С. 64–73.
130. *Косолапов Н.А.* Исследования международных отношений: логика идей, интересов, политики // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 4. — С. 93–99.
131. *Косолапов Н.А.* Международные отношения и мировое развитие // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 2. — С. 104–112.
132. *Косолапов Н.А.* Мировая политика как явление и предмет науки (К дискуссии на страницах «Полиса» и «Международных процессов») // Полис. Политические исследования. — 2005. — № 6. — С. 92–109.
133. *Косолапов Н.А.* Субъекты мировой политики и международных отношений: явление, критерии, основы типологии // Мировая экономика и международные отношения. — 1998. — № 12. — С. 123–134.
134. *Косолапов Н.А.* Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа (введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. — 1998. — № 4. — С. 59–70.
135. *Косолапов Н.А.* Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования // Мировая экономика и международные отношения. — 1998. — № 5. — С. 98–108.
136. *Кочетков А.П.* Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 5. — С. 8–20.
137. *Кочетков А.П.* Об устойчивости политической системы современной России // Социально-гуманитарное обозрение. Международный журнал. — 2016. — № 1. — С. 44–48.

138. *Кочетков А.П.* Проблема устойчивости политической системы современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2017. — № 3 (52). — С. 65–71.
139. *Кочетков А.П.* Эволюция системы государственной власти в России // Власть. — 2003. — № 6. — С. 11–14.
140. *Красин Ю.А.* Перестройка в контексте российской реформации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2005. — № 5. — С. 32–45.
141. *Лебедева М.М.* Мировая политика: тенденции развития // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 4. — С. 72–83.
142. *Лебедева М.М.* Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2017. — Т. 17. — № 2. — С. 246–256.
143. *Лебедева М.М.* Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. — 2004. — Т. 2. — № 5. — С. 97–108.
144. *Лебедева М.М.* Проблемы развития мировой политики // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 5. — С. 106–113.
145. *Лебедева М.М.* Российские международные исследования: возможный вклад в развитие общемировой науки. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология, Международные отношения. — 2015. — № 2. — С. 83–95.
146. *Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю.* Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. Политические исследования. — 1999. — № 4. — С. 130–140.
147. *Лебедева М.М., Харкевич М.В.* Теория международных отношений в зеркале современных российских исследований // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 5 (50). — С. 7–19.
148. *Лобжанидзе А.А.* Проблема иррационального в стихийном политическом поведении массы и толпы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2010. — № 3. — С. 25–33.
149. *Лукашин А.В.* Распад СССР глазами историков и других представителей общественно-политической мысли // Гуманитарные и социально-экономические науки в новом тысячелетии. — ГОУ ВПО МГАКХиС Москва, 2011. — С. 205–220.
150. *Макаренко Б.И.* Теория партийных систем полвека спустя // Политическая наука. — 2018. — № 1. — С. 122–147.
151. *Макаренко Б.И., Локшин И.М.* Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития // Полис. Политические исследования. — 2015. — № 3. — С. 85–109.
152. *Малинова О.Ю.* Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // Полис. Политические исследования. — 2015. — № 4. — С. 12–21.
153. *Малинова О.Ю.* Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. Политические исследования. — 2001. — № 5. — С. 97–106.

154. *Малинова О.Ю.* Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 5. — С. 106–128.
155. *Малинова О.Ю.* «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука. — 2006. — № 3. — С. 7–30.
156. *Мелешкина Е.Ю.* Политология в российских регионах: шаги на пути саморефлексии // Политическая наука. — 2001. — № 3. — С. 4–14.
157. *Мельвиль А.Ю.* Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 5. — С. 114–119.
158. *Морозова О.С.* Избирательная система как институт управления партийной системой // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2015. — Т. 11. — № 1. — С. 124–133.
159. *Моцелков Е.Н.* Политика как объект философского анализа // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2016. — № 2. — С. 74–85.
160. *Моцелков Е.Н.* Философы о политике: особенности исторической эволюции идей и концепций // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. — № 4 (45). — С. 219–223.
161. *Мчедлова М.М.* Реформы и модернизация в России: историческая проекция // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 529–534.
162. *Никлаус А.А., Черняховский С.Ф.* Политическое сознание современной России и ее ценностные расколы // Власть. — 2015. — № 12. — С. 113–117.
163. Общероссийская научная конференция «Перестройка: 20 лет спустя» / В.И. Коваленко, О.В. Гаман-Голутвина, А.С. Барсенков и др. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2005. — № 6. — С. 29–58.
164. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // Полис. Политические исследования. — 2002. — № 2. — С. 6–19.
165. *Патрушев С.В.* К вопросу об адресате знаний о политике // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 5. — С. 152–159.
166. *Патрушев С.В.* Российская ассоциация политической науки: формирование и консолидация политологического сообщества // Россия и современный мир. — 2004. — № 1. — С. 217–221.
167. *Патрушев С.В.* Российская политическая культура как система диспозиционных ориентаций: что нового? // Политическая наука. — 2006. — № 3. — С. 75–94.
168. *Перевезенцев С.В.* Основные направления русской социально-политической мысли XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2016. — № 3 (48). — С. 9–17.

169. *Перевезенцев С.В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. — М.: Издательство «ФИВ», 2015. — 456 с.
170. *Перевезенцев С.В.* Русский выбор: очерки национального самосознания. — М.: Русский мир, 2007. — 416 с.
171. *Перегудов С.П.* Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 431 с.
172. *Пивоваров Ю.С.* Еще раз об элитах в русской истории // Россия и современный мир. — 2010. — № 4 (69). — С. 18–47.
173. *Пивоваров Ю.С.* Истоки и смысл русской революции // Полис. Политические исследования. — 2007. — № 5. — С. 35–55.
174. *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура. Методологический очерк. — М.: ИНИОН, 1996. — 80 с.
175. *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура пореформенной России. — М.: ИНИОН, 1994. — 217 с.
176. *Пивоваров Ю.С.* Политическая наука в системе информации // Политическая наука. — 2001. — № 1. — С. 49–53.
177. *Пивоваров Ю.С.* Российская политология: между традицией и зарубежной политической наукой // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2014. — № 5. — С. 22–27.
178. *Пихоя Р.Г.* Как развивалась социалистическая экономика в СССР (Об одной из причин распада страны) // Социально-политические науки. — 2016. — № 4. — С. 14–22.
179. *Пляйс Я.А.* В начале нового этапа развития политической науки в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2007. — Т. 3. — № 2. — С. 32–48.
180. *Пляйс Я.А.* Два подхода к российским революциям 1917 года: какой из них верен? Концептуальные размышления о судьбах российских революций 1917 года // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. — 2017. — № 9 (332). — С. 94–103.
181. *Пляйс Я.А.* К вопросу о трансформации партийных и политических систем (попытка теоретического осмысления опыта перестройки в СССР) // Власть. — 2005. — № 10. — С. 3–13.
182. *Пляйс Я.А.* Новый мир и новые международные отношения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2016. — № 1. — С. 6–19.
183. *Пляйс Я.А.* Новый этап в развитии политической науки в России // Полис. Политические исследования. — 2007. — № 3. — С. 155–164.
184. *Пляйс Я.А.* О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2005. — № 1. — С. 9–32.
185. *Пляйс Я.А.* О состоянии и особенностях современного этапа развития политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2007. — № 5. — С. 3–18.

186. *Пляйс Я.А.* Октябрьская революция 1917 года в России: драма, трагедия или событие всемирно-исторического масштаба // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. — 2017. — № 12 (335). — С. 85–95.
187. *Пляйс Я.А.* Отечественная политология на рубеже XX и XXI вв. // Полис. Политические исследования. — 2002. — № 2. — С. 175–179.
188. *Пляйс Я.А.* Политико-административная элита современной России: проблемы трансформации // Власть. — 2015. — № 4. — С. 29–33.
189. *Пляйс Я.А.* Политическая власть как основной предмет политологии транзитного общества // Вестник Финансового университета. — 2001. — № 3. — С. 47–57.
190. *Пляйс Я.А.* Политическая наука в России: прошлое и настоящее // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. — 2007. — № 1. — С. 5–17.
191. *Пляйс Я.А.* Политическая наука в современной России в контексте системной трансформации общества и государства: Дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01: М., 2009.
192. *Пляйс Я.А.* Политическая наука современной России // Политическая наука. — 2001. — № 1. — С. 68–88.
193. *Пляйс Я.А.* Политология в контексте переходной эпохи в России. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 446 с.
194. *Пляйс Я.А.* Современное политологическое знание как инструмент познания и совершенствования политики // Геополитический журнал. — 2016. — № 3 (15). — С. 18–27.
195. *Пляйс Я.А.* Современное политологическое пространство России: состояние и проблемы // Вестник Поволжского института управления. — 2015. — № 6. — С. 6–10.
196. *Пляйс Я.А.* Творческий потенциал российского политологического сообщества. Основные направления исследований // Полис. Политические исследования. — 1999. — № 6. — С. 144–163.
197. *Пожидаева Э.О., Телин К.О.* Политическая культура как фактор стабильности политической системы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. — № 3. — С. 91–106.
198. Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы научного семинара / Т.А. Алексеева, Ф.М. Бурлацкий, Д.М. Воробьев и др. // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 1. — С. 141–156.
199. Политические системы современности / Под. ред. Ф.М. Бурлацкого, В.Е. Чиркина. М.: Наука, 1978. — 253 с.
200. Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация / Е.Б. Шестопал, Н.М. Ракитянский, Н.В. Смутькина и др. // Полис. Политические исследования. — 2013. — № 6. — С. 46–63.
201. *Примаков Е.М.* Минное поле политики. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 360 с.
202. *Ракитянский Н.М.* Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2011. — № 6. — С. 89–102.

203. *Саква Р.* Дилеммы развития российской партийной системы // Политическая наука. — 2010. — № 2. — С. 167–190.
204. *Скорнякова С.С.* Политический режим и его эволюция в современной России // Социология и право. — 2012. — № 2. — С. 37–43.
205. *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. — М.: ИДВ РАН, 2005. — 323 с.
206. *Сморгунов Л.В.* Региональные политологические сообщества в советское время // Политическая наука. — 2015. — № 3. — С. 125–137.
207. *Сморгунов Л.В.* «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. — 2010. — № 2. — С. 191–211.
208. *Соловьев А.И.* Власть в политическом измерении // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 1997. — № 6. — С. 57–70.
209. *Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. Политические исследования. — 1998. — № 4. — С. 5–20.
210. *Соловьев А.И.* Политическая власть в обзоре российских ученых // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 1998. — № 4. — С. 21–39.
211. *Соловьев А.И.* Политическая система постсоветской России. Эскиз мастера // Полис. Политические исследования. — 2012. — № 3. — С. 168–173.
212. *Соловьев А.И.* Политический лидер в административной среде государственного управления или «Кто в доме хозяин?» // Полис. Политические исследования. — 2017. — № 2. — С. 60–81.
213. *Соловьев А.И.* Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. — СПб.: Интерсоцис, 2015. — Т. 2. — С. 152–170.
214. *Тельбизов В.В.* Дэн Сяопин. Принципы политической теории и практики. — М.: БИНН, 2006. — 119 с.
215. *Торкунов А.В.* Изучая Великую русскую революцию // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — № 3 (54). — С. 7–15.
216. *Торкунов А.В.* Прошлое и будущее международно-политических исследований // Международные процессы. — 2016. — Т. 14. — № 1 (44). — С. 77–85.
217. Уроки горькие, но необходимые / Сост. В.С. Молдаван, А.Г. Гридчина. — М.: Мысль, 1988. — 346 с.
218. *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. — М.: Стилсервис, 2009. — 842 с.
219. *Федорова М.М.* История/память: «трудная» дилемма // История философии. — 2018. — Т. 23. — № 1. — С. 108–121.
220. *Федорова М.М.* Критика или герменевтика — два подхода к изучению идеологий // Политическая наука. — 2013. — № 4. — С. 31–44.
221. *Федорова М.М.* Традиция в контексте политико-философских дискурсов // Философский журнал. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 74–92.
222. *Федорова М.М.* Философия и политика // Философский журнал. — 2012. — № 2. — С. 17–26.

223. Харитоновна О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. — 2012. — № 3. — С. 9–30.
224. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 2. — С. 7–22.
225. Царегородцев С.С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. — 2018. — № 1. — С. 64–78.
226. Цыганков П.А. Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. — 2005. — Т. 3. — № 7. — С. 53–65.
227. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. — 2013. — № 9 (284). — С. 5–17.
228. Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 576 с.
229. Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2013. — № 5. — С. 3–25.
230. Цыганков П.А. Социологическая трактовка международных отношений // Международные процессы. — 2016. — Т. 14. — № 4 (47). — С. 162–165.
231. Цыганков П.А. Социологические термины и подходы в анализе международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. — № 4. — С. 28–37.
232. Цыганков П.А. Теория международных отношений: внешние вызовы и российское понимание своего пути // Вестник Поволжского института управления. — 2016. — № 6 (57). — С. 79–85.
233. Цыганков П.А. «Международные отношения и мировая политика». Консолидация учебно-научной дисциплины? // Международные процессы. — 2013. — Т. 11. — № 34. — С. 6–20.
234. Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Составители: П. Дуткевич, Р. Саква, В.И. Куликов. Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. — М.: Издательство Московского университета, 2015. — 464 с.
235. Чихарев И.А. Многомерность мировой политики (К современным дискуссиям) // Полис. Политические исследования. — 2005. — № 1. — С. 161–172.
236. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. — М.: Вагриус, 2001. — 590 с.
237. Шелистов Ю.И. Расширение каталога прав человека в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2007. — № 2. — С. 34–42.
238. Шестопал Е.Б. Образ будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. — № 2. — С. 7–20.
239. Шестопал Е.Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // Полис. Политические исследования. — 2013. — № 3. — С. 47–57.
240. Шестопал Е.Б. Политическое лидерство и проблемы личности // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 2. — С. 53–68.

241. *Шестопал Е.Б.* Трансформация политологического сообщества в постсоветской России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 1999. — № 1. — С. 23–39.
242. *Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю.* Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2014. — № 3. — С. 124–127.
243. *Ширинянец А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — 360 с.
244. *Ширинянец А.А.* Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 4. — С. 39–55.
245. *Ширинянец А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 563 с.
246. *Ширинянец А.А., Ширинянец С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. — М.: Издательство Московского университета, 1997. — 160 с.
247. *Brown A.H.* Soviet politics and political science. London, Macmillan, 1974. 128 p.
248. *Burlatsky F.M.* Planning of World Peace: Utopia or Reality. Brussels, International Political Science Association, 1971. 37 p.
249. *Burlatsky F.M.* Khrushchev and the First Russian Spring. London, Weidenfeld and Nicolson, 1991. 286 p.
250. *Burlatsky F.M. and Gaddy Cl.* Systems Analysis of World Politics and the Planning of Peace. International Journal of Politics. Vol. 3. no. 4. Soviet Views on World Affairs (Winter 1973–74). pp. 13–29. URL: <http://www.jstor.org/stable/27868781>
251. *Fedorova M.M.* Revolution: the transformation of the semantic field in contemporary political philosophy. Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. no. 3–4. pp. 280–292.
252. *Hill R.J.* Soviet politics, political science and reform. New-York, M.E. Sharpe, 1980. 221 p.